

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В Ы П У С К 24

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)
И90

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

проф. *А.И. Аврус*, канд. ист. наук *М.С. Бобкова*, проф. *А.Н. Галямичев*,
проф. *В.Н. Данилов*, проф. *В.И. Кащеев*,
канд. ист. наук *Д.Е. Луконин* (отв. секретарь),
проф. *С.А. Мезин* (отв. редактор), проф. *В.С. Мирзеханов*, проф. *В.Н. Плешков*

Р е ц е н з е н т

Кандидат исторических наук *А.В. Голубев*
(Институт российской истории РАН)

Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – Вып. 24. – 220 с.
И90

Очередной выпуск «Историографического сборника» содержит статьи, сообщения, публикации и рецензии, посвященные главным образом отечественной историографии XVIII–XXI вв. Речь идет об исторических взглядах и трудах Петра I, Н.И. Костомарова, Д.Л. Мордовцева, русских историков рубежа XIX–XX вв., М.В. Нечкиной, А.А. Формозова и др. Специальный раздел содержит материалы о жизни и творчестве саратовских историков: А.М. Панкратовой, Л.А. Дербова, Г.Д. Бурдея.

Сборник, посвященный 100-летию Саратовского университета, адресован научным работникам, студентам гуманитарных вузов и всем, интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

© Саратовский государственный
университет, 2010

СТАТЬИ

М.В. Бабич

«Журнал о походах» и план монументальной пропаганды Петра Великого

При публикации «Журнала о походах...» Петра I¹ мне представлялось первостепенным привлечь внимание к раннему жизнеописанию преобразователя, раскрытие образа которого по воплотившему декларируемые им военно-имперские доблести канону «офицерской сказки» часто включалось в рукописные сборники XVIII в. Популярность этого сочинения в немалой степени объяснялась, помимо прочего, его краткостью и графическим оформлением в виде любимой эпохой «табели» с четким горизонтально-вертикальным соотношением описываемых «дел» с их датами, что обусловило использование «Журнала» в качестве разъясняющего и дополняющего хронологического приложения к сочинениям П.Н. Крекшина и А. Катифоро.

В свою очередь, пользуясь сжатостью «Журнала» для его воспроизведения вновь, теперь обращаюсь к тем его записям, которые не связаны с обычно вносимыми в «офицерскую сказку» данными о личной воинской службе Петра, начатой в Преображенском полку, занятиями этого полка между «акциями» и чинопроизводством его бомбардирского капитана. Рост числа изученных списков «Журнала»², к сожалению, не позволил установить его автора, произвольно откликнувшегося на краткосрочную доступность определенному кругу лиц рукописи «Истории Свейской войны» в ходе передачи ее из Императорского Кабинета в Кабинет министров в конце

¹ *Бабич М.В.* Петр Великий как добрый и честный офицер // Петровское время в лицах. 2006. СПб., 2006. С. 30–38.

² К моменту первой публикации было изучено 11 списков названного сочинения в ОПИ ГИМ и РГАДА и 4 хранящиеся там же списка его зарифмованной версии. В настоящее время выявлено и рассмотрено также 10 «прозаических» и 4 «стихотворных» списков в ОР ГИМ.

1731 г. Новые источники лишь подтвердили уже сделанные выводы об отношении рукописного тиража «Журнала» к тиражу повести «О зачатии и рождении...» П.Н. Крекшина как 1:2 и, соответственно, гипотетических расчетов о наличии в российских архивных собраниях до 100–150 списков помещаемого ниже сочинения. Охват на данном этапе всего около четверти их не дает возможности со всей определенностью утверждать, что в последующих редакциях «Журнала», где оригинальное изложение петровских деяний дополнялось первоначально не отраженными в нем событиями при исключении морально устаревающих «преображенских» подробностей и подсчета «его величества лет» на 1731 г., не было и более существенных сокращений.

Тем не менее и с точки зрения задачи выявления взаимосвязей внегвардейской, так сказать, части «Журнала» с официальной концепцией петровской истории особенно важен исходный текст. Самое же достоверное отображение такого естественно предполагать в списках, сохранивших указание на дату сочинения и далее условно именуемых ранними (в отличие от «позднейших», опускавших это сведение или заменявших его датами последней переработки, хотя бы они и возникали – вплоть до 1760-х гг. и – прежде воспроизведения «ранних» редакций уже в конце XVIII в.)³.

ЖУРНАЛ

о походах и о взятые городов, блаженные и
вечностойныя памяти ПЕТРА ПЕРВАГО
ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО
с начала рождения его лет,
даже до преставления ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

³ Именно по такому списку (РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 135. 1°. Л. 83 об.–85 об.) и была осуществлена вышеназванная публикация. Для настоящей публикации выбран список ОР ГИМ. Он хранится в «Музейном собрании рукописей» под № 432 (4°. Л. 209–215 об.), отнесен М.Н. Сперанским к рубежу 1740–1750-х гг. (*Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 38*) и является, таким образом, старейшим в группе после списка ОПИ ГИМ (Ф. 264. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 1). Информативность последнего, принадлежащего, по-видимому, к первой трети XVIII в., тем не менее несколько ниже остальных в силу старания переписчика уместить весь текст на одной стороне «стандартного» столбца. Сюда же примыкает список ОПИ ГИМ (Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 4. 1°. Л. 82–83 об.), возникший в конце столетия и, по-видимому, предшествующий ему еще один список «Музейского собрания» ОР ГИМ (№ 720. 1°. Л. 5–5 об.; далее ссылки на фонды ОР ГИМ даются в общепринятых сокращениях: Муз. 2720, Увар. 22 и т. д.). В первую очередь, применительно к перечисленным «ранним» спискам приводятся разночтения и другие комментарии к тексту, передача которого осуществлена с сохранением орфографии, пунктуации и графической организации, а также с выделением полужирным шрифтом киноарных букв и слов, раскрытием встречающихся сокращений в обозначении названий месяцев без каких-либо оговорок и тоже безоговорочным сохранением искажений имен собственных и географических названий.

Годы		месяцы	числа		каких лет его императорское величество был	итого 1731 год лет
от со- здания мира	от рож- дства Хрис- това					
7180	1672	мая	30	Рождение блаженныя и вечно- достойныя памяти Его импера- торскаго величества ПЕТРА ВЕЛИКАГО самодержца всероссийскаго		58
7185	1678 ⁴			Чигиринской поход.	6	53
7190	1682			Троицкой поход когда стрельцы бунтовали.	11	48
7191	1683			Стал служить в полку.	12	47
7192	1684 ⁵			Крымской поход.	13	46
				Второй Крымской поход ⁶ .		
7197	1689			Второй Троицкой поход как Щегловитова казнили.	18	
7202	1694			Кожуховской поход.	23	36
7203	1695			Коломенской поход. Первой Азовской поход.	24	35
7204	1696			Второй Азовской поход.	25	34
7205	1697 ⁷			Воскресенской поход как стрелцы приходили под Воскресенской монастырь.	26	33
7208	1700			Первой Нарвенской поход.	29	30
7209	1701			В Нове городе } объявлен были и город } обор строили } афице- ром	30	29
				Баталия под Черною мызою Шлихинбахом ⁸ .		

⁴ Во всех остальных известных списках указан 1677 г. (он же – «шестой год» жизни Петра). Исторически верны обе даты, соответствующие поражениям осаждавших Чигирин турецких армий от русско-украинских сил 3 августа 1677 и 20 августа 1678 гг.

⁵ Отождествление реального выступления кн. В.В. Голицына с переговорами 1684 г. о вступлении России в Священную лигу против Османской империи присуще всем известным спискам «Журнала».

⁶ Имеется в виду малоизвестный Третий Азовский поход 1697–1698 гг., запись о котором во всех списках ранней и стихотворной редакций и большинстве списков прозаических редакций объединена с записью о разгроме стрелецкого бунта 1698 г. под Воскресенским монастырем, получившим, соответственно, ошибочную дату «1697».

⁷ См. сноску 6.

7210	1702			Шлютенбургской поход. И у города Архангельского были. И в Соловецком монастыре.	31	28
		июля	8 ⁹	Под Красною мызою Шлишинбахом.		
		августа	19	Взят город Алыстр ¹⁰ .		
		октября	11	Взят Шлютенбурх.		
7211	1703			Взятье Анбурха, и Копорья, и Канцовской поход, сей год зачали строить Санкт Питербург.	32	27
		мая	1	Взятье Канец ¹¹ .		
7212	1704	мая	19	Виктория на Чуцком озере.	33	26
		июля	13	Взятье Дерпта или Юрья Ливонского.		
		августа	9	Взятье Нарвы.		
7213	1705			Первой Городинской поход.	34	25
		сентября	18 ¹²	Взятье Нитавы.		
7214	1706			Киевской поход { объявлен полковником	35	24
				Баталия Калижская ¹³ .		
7215	1707			Острогской поход. Тот ¹⁴ и лошадей роздавали. Служили конницею.	36	23
7216	1708			Шветцкаго генерала Легингоупта розбили. И Лебединской поход. И под Веприк ходили. {Сей год жестокая зима была}	37	22
				Под Головейным ¹⁵		

⁸ Во всех ранних и большинстве списков остальных редакций «акция», упоминавшаяся в некоторых документах первой трети XVIII в. как баталия под Черной мызой на Железном поле и вошедшая в историографию как сражение при Эрестфере 29–30 декабря, датирована 29 декабря.

⁹ Всем изученным спискам свойственна ошибка в датировке (следует: 18 июля) и наименование Гуммловой мызы (Гуммельсгофа) Красною мызой (такое же обнаружено в «офицерских сказках» 1729 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 84. Л. 127 об., 154 об.)

¹⁰ Алыстр (Алыст, Аристр, Олест и т.д.) наиболее известен как Мариенбург (ныне – Алуксне), взятие которого русскими войсками разные авторы относят также ко 2, 9 и 14 августа 1702 г.

¹¹ В списке РГАДА (Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 135. 1°. Л. 83 об.–85 об.) и ряде списков других редакций за этой записью следует отнесенная к тому же числу (следует: 6–7 мая) запись «баталия со шведы при деревне Калинкине».

¹² Ошибка исключительно данного списка. В остальных указаны точная дата (4 сентября) или только год (1705).

¹³ В других ранних и большинстве позднейших списков верно датирована 18 октября, в некоторых прослеживаются механические ошибки (18 сентября или 8 октября).

¹⁴ Ошибка, следует: Тут.

		августа	28 ¹⁶	Под Добрым.		
		сентября	28	Баталия под Лесным с Левенгоуптом.		
7217	1709			Лубенской поход ¹⁷ .	38	21
				Полтавская баталия ¹⁸ .		
7218	1710	февраля	2	Взятье Элбинга.	39	20
		июня	13	Взятье Выборха.		
		июля	4	Взятье Риги.		
		августа	9	Взятье Динамонта.		
		августа	14	Взятье Пернова.		
		сентября	8	Взятье Кексгоlm. Или Корели.		
		сентября	12	Взятье Аренсбурха.		
		октября	6	Взятье Ревеля.		
7219	1711	июля		Турецкая акция.	40	19
7220	1712			Во Гданских жулавах имели квартиры: И в Помарании были.	41	18
7221	1713	февраля	6	Взятье Фридрихштата.	42	17
		мая	10	Взятье Гелзенфорса.		
		мая	15	Взятье Тенинга.		
		сентября	21	Взятье Штетина.		
				Баталия в Финляндии при Пилияке ¹⁹ .		
				На сконповеях ходили. Сей год швецкого шаубенакта взяли ²⁰ . {объявлен полным генералом}		
				Баталия в Финляндии близ города Вазсы ²¹ .		

¹⁵ Упоминание поражения от шведов под Головчиным (3–4 июля) обнаружено еще только в восходящих к позднейшим редакциям списков ОР ГИМ: Увар. 22. Л. 41; Увар. 84. Л. 58 об.

¹⁶ Ошибка исключительно данного списка. В остальных верно указано 29 августа.

¹⁷ Наименование следует читать не производным от местечка Лубны, а характерным для ряда списков искажением названия местечка Лебедин (другие выявленные искажения – Лебедян, Лобим, Лубин), поскольку стихотворные редакции «Журнала» различают в 1708 г. Первый (в начале) и Второй (в конце) Лебединские походы.

¹⁸ В большинстве известных списков датирована 27 июня.

¹⁹ В названии места сражения при р. Пелкине разночтения особенно часты: Палиак, Палкияк, Пеленк, Пеллик, Пелтинк, Пелькирх, Перкин, Пилинг, Пинек, Питак. Указываются также Белая кирха или Белая мыза.

²⁰ Речь идет о вице-адмирале Н. Эрншильде, командовавшем шведской эскадрой у мыса Гангут, обозначение места упомянутого далее сражения при котором – урочище Рилакс-фиорд – имеет множество разночтений и в разных списках «Журнала», и в источниках другого характера.

²¹ В списках РГАДА (Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 135. Л. 84) и ОПИ ГИМ (Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 4. 1°. Л. 82–83 об.) эта запись уточняется указанием: «близ города Вазсы у деревни Лапова (Лапола)».

7222	1714	июля	25 ²²	Баталия между россискою авангардиною, и шведскою экшвадрою близ Тангукта, при урочищи Риласк фейс тут взяли фрегат и 6 галер ²³ .	43	16
7223	1715			В Курляндии имели квартиру.	44	15
7224	1716			В Мекленбургии имели квартиру и в Копенганне были.	45	14
				В Москве, в Нове городе, и в Санкт Питербурге были побаталионно.		
7226	1718			Так же ²⁴ были побаталионно.	47	12
7227	1719			На галерах ходили под Стеколъм, и в Ревеле зимовали.	48	11
				Взятье трех фрегатов ²⁵ .		
7228	1720	июля	27	Взятье четырех фрегатов ²⁶ .	49	10
7229	1721	октябрь		Из Санкт Питербурга полк пошел ²⁷ .	50	9
7230	1722			Из Москвы половина полка. Пошли в Низовой поход, а другая в Питербург.	51	8
		августа	19	Баталия с тавлинцами в горах не доходя Дербеня.		
		августа	23	Взятье Дербеня ²⁸ .		
7232	1724			Коронование ЕЯ императорского величества самодержицы всероссийской.	53	6
7233	1725	генваря против	28	Сей год преставися блаженныя и вечнодостойныя памяти ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО самодержец всероссийский	54	5

²² Ошибка в датировке (следует: 27 июля) свойственна всем изученным спискам.

²³ В списке РГАДА (Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 135. Л. 84) за этой записью следует датированная 29 июня запись о взятии Нейшлота, в других выявленных списках отсутствующая.

²⁴ Ошибка, следует: Там же.

²⁵ В остальных ранних и ряде позднейших списков везде обозначенный одинаково «счастливым бой» капитана Н.А. Сенявина, реляция о котором включена в «Историю Северной войны...», датирован 14 июня: История Северной войны (Поденная записка Петра Великого / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 481 (далее: История).

²⁶ Указание на то, что имеющаяся в виду морская победа России произошла при острове Гренгам, отсутствует во всех списках «Журнала».

²⁷ Сведения о следовании гвардии в Москву по окончании празднования в Петербурге заключенного 30 августа 1721 г. мира со Швецией содержатся лишь в нескольких списках: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 100; ОР ГИМ. Увар. 22. Л. 42 об.; Увар. 84. Л. 60; Увар. 303. Л. 61 об.; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 89. Л. 64; Ф. 188. Оп. 1, ч. 1. № 170. Л. 1; № 481. Л. 106 об.; № 482. Л. 30 об.

²⁸ В списке РГАДА (Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 135. Л. 85 об.) и ряде позднейших списков приведенные записи о Персидском (Низовом) походе 1722–1723 гг. дополнены записью о взятии 28 июля 1723 г. крепости Бака.

В качестве непосредственного источника записей «Журнала» о знаменательных событиях Северной войны 1700–1721 гг., где ни Петр, ни Преображенский полк не участвовали (выделены цветом), установлены совпадающие с ними по составу, содержанию, стилистике и датировке (иногда отличной от принятой затем в историографии) фрагменты печатного «Календаря или Месяцеслова на лето... 1727...» (далее: Календарь). Однако материалы, собранные в ходе связанных с «Журналом» разысканий, не позволили согласиться с мнением Е.А. Погосян, что соответствующая часть Календаря²⁹ была впервые составлена в январе 1727 г. (когда и включена в дополнительное – сравнительно с изданным в декабре 1726 г. в Москве – петербургское издание)³⁰. Этому противоречат не замеченные исследовательницей факты прямой зависимости появления данной вставки от продолжения в царствование Екатерины I начатой еще при жизни Петра работы над проектом триумфального столпа в честь его деяний (далее – ТС). Обстоятельства названной работы, в ином контексте принятые во внимание автором книги, и ранее были предметом научных трудов, посвященных преимущественно истории русской скульптуры первой половины XVIII в.

Обратиться к их комплексу автора настоящей статьи побудило лицемерие алебастровых медальонов с изображением батальных сцен петровского времени на сводах бывших «царских чертогов» Троице-Сергиевой лавры, сейчас занятых Духовной академией. От первого впечатления об иллюстрировании там именно «Журнала», при знакомстве с литературой по украшению в 1748 г. столовой палаты императрицы Елизаветы портретами ее родителей в окружении «картин» военных побед, пришлось, правда, решительно отказаться. Зато совокупность наблюдений и выводов разных ученых, и прежде всего И.И. Багаевой, которая бесспорно доказала осознанное использование в качестве образцов убранства Лавры барельефов для модели ТС (скопированных в 1744 г. живописных дел мастером Н.С. Каменским по поручению архимандрита Арсения Могилянского)³¹, позволила вскрыть существование своего рода плана монументальной пропаганды Петра. Плана, отдельными элементами воплощения которого стали и моделирование ТС, и впечатлявший еще Н.М. Карамзина декор

²⁹ Воспроизведена ею: *Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. М., 2004. С. 321–323.

³⁰ *Погосян Е.* Указ. соч. С. 325.

³¹ *Багаева И.И.* Скульптурный декор середины XVIII в. в интерьерах чертогов // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 130–144.

троице-сергиевского зала³², и известный всей читающей России официальный Календарь.

Подобное заключение не было сделано прежде, вероятно, лишь потому, что исследователи исторической мысли обычно не вдавались в подробности проектирования и возведения памятников материальной культуры, а искусствоведы – в конкретно идеологическое содержание прославления в них петровских побед. Вместе с тем уже давно опубликованные «девизы» к лаврским барельефам, тождественные изданным еще раньше подписям к моделям ТС³³, при расположении в хронологическом порядке дают пример довольно связного изложения истории первой четверти XVIII в., которая предполагалась к обнародованию от имени верховной власти посредством вынесения на ТС и ограничивалась всего лишь 32 фразами³⁴:

Шлютебург взят, 1702. И Нева не укрыла Канцов от росийския пушки, 1703. Петербург основан, 1703. Силна ладия росиска на Чюдском озере, 1704. Велие дерзновение Великим Петром в Кронштате усмирися, [1704]. Сила Петрова разруши стены града Дерпта, 1704. Нарва взята, 1704. Нитава свидетельствует мужество Петрово, 1705. Калишская боталия, 1706. У Петра под Добрым не без добрыя победы, [1708]. Крепкому под Лесным шведу крепчайши сломи Петр выю, 1708. Росиски Самсон шведскаго при Полтаве лва растерза, 1709. Элбин паде от десницы Петровы, 1710. Безопасная Рига не убежа от рук Петровых, 1710. Скипетр орла росиска сокруши Динамент, 1710. Бомба росиска нашла место в Кексголме, 1710. Рука росиска Пернов покорила, 1710. В Эренсбурге орел возгнездися росиски, 1710. Крепкая Ревелская стена потрясеса при Петре, 1710. Крепость Выбургская паде пред Петром Великим, 1710. Меч отца росиска пожре у Прута поганья турки, 1711. Гелсифорс росиским подчинися галерам, 1713. Фридрихштад торжество прославляет Петра Перваго, 1713. Марс у Тонинга удивися мужеству Петрову, 1713. Пленен [ге]нерал Штабох близ Текинга, 1713. Не стерпя силы Петровы, Штетин покорися, 1713. Страшен Петр при Пелкине явися, [1713]. Прогна Петр и

³² Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице // Соч.: В 3 т. СПб., 1848. Т. 1. С. 500–501.

³³ Протасов Н. Плафонная лепка и печные изразцы елизаветинского времени в актовом зале Императорской Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1914. С. 9–11. Ср. также: Кабинет Петра Великого / Изд. Ос. Беляевым. [2-е изд.] СПб., 1800. Отд-ние 1. С. 99–116, 136, 139–153, 155–161 (далее: Кабинет Петра); Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 589–590 (далее: Материалы).

³⁴ Цитируется с сохранением орфографии по изданию: Протасов Н. Указ. соч. В квадратных скобках приведены опущенные даты.

слова выю противящихся при Васе, 1714. Крепость Ненилоса ослабела от руки Петровы, 1714. Мужество Петрово при Ангуте явлено, 1714. От галер российских не прикрыл Гренгам четыре фрегата, 1720. Мирны веки пребудем, 1721.

Не вступая в художественные оценки текстов и тем более изображений, которые эти тексты сопровождали, сосредоточусь далее исключительно на идейной составляющей отбора и презентации определенных эпизодов царствования Петра в его монументах, начиная с главного – ТС. Из посвященных последнему работ и документов, введенных в научный оборот их авторами, известно, что августейший заказчик поручил проект гр. Б.-К. Растрелли в начале 1721 г. и отверг его план колонны с разделением ствола на 10 частей примерно в июне 1723 г.³⁵ Затем был «сделан и его императорское величество видел» «образец» со стволом дорического ордера в 7 частей, фризом с орлами, постаментом с 8 аллегорическими фигурами и цоколем (декорированы, как и ствол, барельефами) и увенчан памятник статуей Петра, преобразующего Россию³⁶. Данный вариант был принят за основу между июнем и октябрём 1723 г. и тогда же апробован: к 4 октября уже был готов «великий рисунок по образец столпа для токарного употребления»³⁷ во исполнение высочайшего определения создать уменьшенную и упрощенную копию колонны, заказом на «большую медную модель» которой Б.-К. Растрелли уже обладал. Отсюда историки его творчества справедливо заключили, что к осени 1723 г. была одобрена аутентичная такой модели восьмицилиндровая круглая колонна с круглыми же барельефами³⁸. Скульптор выполнил и сдал в петровскую токарню необходимые для медного столпа восковые модели в октябре того же года, но их «перевод к литью», в 1725 г. официально возложенный на придворного механика А.К. Нартова, длился до 1730 г., а сама модель, ныне находящаяся в экспозиции Эрмитажа в неполной реконструкции 1938 г., в XVIII в. завершена не была³⁹.

³⁵ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1900. Т. 3. С. 839 (Сб. РИО. Т. 108; далее: Бумаги Кабинета); Михайлов А. Новые материалы о русской скульптуре первой половины XVIII века // Искусство. 1953. № 5. С. 76; Архипов Н.И., Раскин А.Г. Бартоломео Карло Растрелли, 1675–1744. Л.; М., 1964. С. 43–44.

³⁶ Там же. С. 338.

³⁷ Там же. С. 244–245.

³⁸ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Указ. соч. С. 43–44.

³⁹ См.: Пекарский П. История Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. VII; Михайлов А. Указ. соч. С. 76; Архипов Н.И., Раскин А.Г. Указ. соч. С. 45–47.

Из данных ученых разного времени вырисовывается также, что А.К. Нартов, вопреки донныне влиятельным суждениям советской литературы «приоритетного периода»⁴⁰, не участвовал в разработке ни художественной, ни идеологической, ни литературной концепции ТС. Он лишь руководил, мягко говоря, неудачно⁴¹, реализацией общего замысла, то есть составлял сметы на материалы и выплату жалованья привлекаемым мастерам, сам занимался чеканкой медных «листов и кругов», изготовлением токарных патронов для вытачивания аналогичных барельефов из дерева и слоновой кости, использовал их по назначению, отливал бронзовые образцы, гипсовые слепки и т.д. Наконец, описывал все касающиеся моделирования памятника элементы в составе возглавляемой им академической «лаборатории» по состоянию на март 1741 г.

Опись А.К. Нартова прежде всего свидетельствует, что опыты плоскостных и цилиндрических барельефов, независимо от времени появления или степени удачности и завершенности, хранились там в нескольких «покоях» и «шкафах» вперемешку с личными вещами Петра и выточенными им на токарных станках сувенирами, запасными и испорченными деталями к этим «машинам» и разнообразными инструментами. Сами же их обозначения типа «разных патронов, сделанных мною», «государя императора Петра I очки трою», «в ящике же стальных литых обронных овалистых разных полтавских историй числом десять, в том числе ломаная одна, да круглых две»⁴² вряд ли соответствуют предположениям о сочинении автором и многократно воспроизведенных им подписей таких «историй»⁴³.

Для историка ТС существенный недостаток нартовской описи (протекающий из сугубо служебных целей документа) – отсутствие информации, когда и в какой последовательности выполнялись и снабжались «девизами» гипсовые «овалы», деревянные «круги», «штуки» зеленой и красной меди, «патроны и копиры», каковы их параметры и общая численность⁴⁴. Но данные 1741 г. в значительной степени дополняет гораздо

⁴⁰ См.: Михайлов А. Указ. соч. С. 77; Преснов Г.М. Скульптура // История русского искусства: В 13 т. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 477–480; Погосян Е. Указ. соч. С. 391–392.

⁴¹ См., напр.: Пекарский П. Указ. соч. С. VII–X.

⁴² Материалы. С. 591, 593, 594.

⁴³ См., напр.: Погосян Е. Указ. соч. С. 392.

⁴⁴ Ныне технические недочеты названного перечня в большинстве восполнимы на основе высококвалифицированного описания сохранившейся коллекции в Эрмитаже: Основателю Петербурга: Каталог выставки / Сост. С.О. Андросов, Г.В. Вилинбахов, Ю.О. Каган и др. СПб., 2003. С. 174–177, 302–304, 380–395. Издание любезно указано мне участвовавшим в его подготовке Г.Б. Ястребинским.

более пространный и тщательный каталог тех же предметов, на рубеже XVIII–XIX вв. доступных посетителям Кунсткамеры, который составил вдохновленный личностью Петра писатель и унтер-библиотекарь Академии наук О.П. Беляев. В совокупности эти материалы достаточно достоверны для выявления отличий состава «вещей», открытых для копирования троиче-сергиевского живописца, от перечня медальонов по его рисункам, сделанных «штукатурной работой» резчиком Московской гоф-интендантской конторы М. Зиминым.

Так, в елизаветинских покоях вовсе отсутствуют зафиксированные А.К. Нартовым (в двух вариантах каждое) изображения боя у деревни Калининской вскоре после основания Петербурга и овладения Дербентом в Персидском походе с подписями «Российский монарх утопи врага при Екатерингофе 1703-го года» и «Древний Дербень вечному славе Петру склонися 1722-го»⁴⁵. Капитуляция на условиях кн. А.Д. Меншикова голштинской крепости Теннинг, озаглавленная в описи 1741 г. как «Марс у Тонинга удивися мужеству Петрову 1713», в Лавре дополнена «пленением» сдавшегося там шведского фельдмаршала гр. М.-Г. Штенбока. Изображен в ее «чертогах» и не учтенный ни в одном из описаний моделей к ТС, но отраженный О.П. Беляевым в академическом собрании медалей успешный морской десант в Финляндии в феврале 1714 г., снабженный русским переводом с латинской медальной надписи: «Баталия при Вазах»⁴⁶.

Однако общее количество «действ», предполагаемых к увековечению на ТС, точно совпадает с количеством сюжетных медальонов, окружающих в Лавре несомые крылатой Викторией портреты Петра и Екатерины: там и там 32 (хотя в палатах Елизаветы Петровны реально на одно событие – с учетом дважды упомянутого Тонинга – меньше). Это важно, поскольку та же цифра 32 особо прописана в донесении А.К. Нартова 17 сентября 1727 г. в Императорский Кабинет⁴⁷ по поводу суммы на расчистку и чеканку «во-щенных моделей» по расценкам Б.-К. Растрелли. Из позднейшей же кабинетской документации относительно реализованной сметы⁴⁸ следует, что труды А.К. Нартова по ТС до июля 1727 г. сводились к финансовым выкладкам и подбору мастеров. Таким образом, силу закона 22 мая того же года получил

⁴⁵ Материалы. С. 589, 595, 596, 599.

⁴⁶ Кабинет Петра. Отд-ние 3. С. 64. Подробнее см.: *Моисеева Г.Н.* «История России Федора Поликарпова» как памятник литературы // Проблемы литературного развития России в первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 81–92 (XVIII век. Сб. 9).

⁴⁷ Точнее, 34 вместе с изображениями августейшей четы: РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 2. Кн. 78. Л. 1169–1174; Цит. по: *Михайлов А.* Указ. соч. С. 76.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 2. Кн. 86. Л. 8, 10–12.

не какой-то новый план, возникший после поручения проекта в его ведение, а именно перечень изображений, соответствующих осеннему 1723 г. проекту восьмицилиндровой колонны с круглыми барельефами по основанию. Петр смотрел растреллиевские модели еще, по крайней мере, в феврале 1724 г., но распоряжений по ним больше не давал⁴⁹, а относимая к 1725 г. лепка Н. Пино восковых моделей для «медного столпа, на котором разные баталии», имела в виду, как полагают специалисты, не барельефы и ствол, а венчающего его императора с кормилом и постамент уже не с 8, а с 4 аллегорическими фигурами⁵⁰. То есть вышеназванную кабинетскую записку 1727 г. можно без всяких натяжек считать источником, отразившим те представления Петра о достойных увековечения событиях его царствования, которые сложились к осени 1723 г.

То, что Петр много размышлял о содержании и форме необходимой подданым истории его деяний, широко отмечено в работах о «Гистории Свейской войны» и предшествующих ей сочинениях военной тематики, гравюрах и медалях, произведениях живописи, организации гражданских торжеств и убранстве архитектурных сооружений. В них высказаны многочисленные соображения, в целом ведущие к пониманию, что самоопределение России как европейской державы, славной и могущественной в результате побед ее преобразователя, уже при его жизни вошло в круг главных идеологических ценностей и легло в основу как просвещения и воспитания собственного народа, так и презентации самодержавия на международной арене. Уже в «Предисловии» Феофана Прокоповича к изданному в Киеве 10 июля 1709 г. «Слову похвальному о преславной над войсками свейскими победе...», произнесенному несколькими днями ранее в присутствии Петра, декларировалось, что образы его славы, которые будут «гласити» «искуснейшие рифмотворцы» и «любопытные историографы», прежде всего «подобает... на великих столпах, стенах, пирамидах и иных зданиях искусным изваянием изображати»⁵¹.

Даже если не расценивать приведенную сентенцию в качестве осознанного формулирования высочайше одобренной пропагандистской программы, аналогия с озвученной в 1918 г. идеей города-книги, прославляющей революционных героев в памятниках, а их слов и дел в надписях, просматривается вполне отчетливо. Разумеется, к художественному утверждению определенного мировоззрения стремятся все, кто ощущает

⁴⁹ Ср.: *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 36; *Бумаги Кабинета.* С. 241–242.

⁵⁰ *Преснов Г.М.* Указ. соч. С. 478; *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 45, 93.

⁵¹ *Феофан Прокопович.* Соч. / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 460.

себя его создателем. Поэтому В.И. Ленин и А.В. Луначарский едины здесь и с Томазо Кампанеллой, на которого ссылались, и с Петром и Феофаном, от коммунистических утопий весьма далекими. Но характерно, что строители новой России и в начале XVIII, и в начале XX в. заявляли намерение создать наглядную летопись важной для собственной власти исторической концепции немедленно после решающей победы. И главный акцент делали не на аллегорической символике (хотя она нередко присутствовала в атрибутике официального искусства), а на конкретных лицах и событиях, номенклатура которых возникла практически сразу.

Разница, главным образом, в том, что авторы текстологической составляющей монументов первой четверти XVIII в., в отличие от А.В. Луначарского и В.Я. Брюсова, в основном остаются неустановленными, несмотря на целенаправленные попытки выяснить, например, сочинителей надписей к известной серии медалей на «действия» Северной войны⁵². Тщетность на настоящем этапе развития гуманитарного знания подобных попыток заставляет ограничиваться выяснением основных вех конституирования и оценки значимости публично развертываемой летописи собственной деятельности самим Петром, благо в последнее десятилетие не оспаривается его роль как «архитектора российской истории».

Поскольку о распоряжении о «столпе с надписанием о прошедшем... на боевом поле близ города Полтавы» сохранились лишь глухие упоминания, самым ранним опытом такого конституирования предстает высочайше затребованный 11 октября 1711 г. подбор ведомостей, «журналов» и реляций о «воинских поведениях» с 1700 г. По данным Е.А. Погосян, Ф.П. Поликарпов (директор Московского печатного двора и будущий автор не удовлетворившей царя «Истории о владении русских великих князей» до 1713 г.)⁵³ прислал в Петербург 162 печатных объявления⁵⁴. Но только 23 из них подверглись редакции Петра и после снабжения гравюрами с планами сражений, осаждавшихся крепостей и публикациями фейерверков составили «Книгу Марсову...»⁵⁵.

⁵² См.: *Щукина Е.С.* Серия медалей Ф.-Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа. СПб., 2006. С. 39 и др.

⁵³ Подробнее см.: *Моисеева Г.Н.* «История России Федора Поликарпова» как памятник литературы // Проблемы литературного развития России в первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 81–92 (XVIII век. Сб. 9).

⁵⁴ *Погосян Е.* Указ. соч. С. 249–251.

⁵⁵ Книга Марсова или воинских дел от войск его царского величества российского во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества швейцарского, с первого Санкт-Петербургского 1713 г.

Задуманная как издание открытого типа, пополняемое путем подшивки к уже отпечатанным частям описаний продолжения войны⁵⁶, она была расширена лишь сведениями о «баталье... близ города Вазы у деревни Лапала» и «морской баталии между российской авангардиеною и шведскою ескадрою» (то есть при Гангуте) «в нынешнем 1714 г.»⁵⁷, вместе с которыми число освещенных воинских эпизодов достигло 25. Так как объединенные там тексты повторяют длиннейшие заголовки соответствующих печатных материалов и не имеют единообразной датировки⁵⁸, перечисляю (с сохранением оригинальной транскрипции, в строго хронологическом порядке, но с указанием одних только «лет») лишь наименования, маркирующие включенные в «Книгу» события:

Нотебург, 1702. Новые Канцы, 1703. Санкт-Петербург, 1703 («заложена фортеция и нарекли имя оной»). Юрьев (или Дерпт), 1704. Нарва, 1704. Нитав(а), 1705. Калиш, 1706. Доброе, 1708. Лесная, 1708. Полтава, 1709. Елбинг, 1710. Рига, 1710. Динаменд шанец, 1710. Кексголл (или Корела), 1710. Пернов, 1710. Аренсбург, 1710. Ревель, 1710. Выборг, 1710. Гелзенфорс, 1713. Фридрихштат, 1713. Тонинг, 1713. Стетин, 1713. Пелкина, 1713. Близ Вазы у деревни Лапала, 1714. [Гангут], 1714.

Параллельно созданию «Книги», ориентированной на российского читателя, 23 военных подвига удостоиваются изображения на медалях, предназначенных в первую очередь для распространения в Европе. В 1712 г. штемпели для них заказывает в Аусбурге Ф.-Г. Мюллеру принадлежавший к выдающимся сподвижникам Петра Я.В. Брюс, который курирует их изготовление и использование, по крайней мере, до 1718 г. В названной серии насчитывают 26 сюжетов, в том числе один вариант на тему Нарвы и два, посвященных демонстрации успехов 1710 г. в целом⁵⁹. Все они вместе с еще несколькими золотыми и серебряными медалями «разных сортов», бывшими «в раздаче» из Кабинета е.и.в. с 1719 по 1721 г., фигурируют в «Реестре», составленном после 1730 г.⁶⁰ Здесь медали на конкретные события озна-

издания вторым тиснением напечатанная в Санкт-Петербурге при Морском шляхетном кадетском корпусе 1766 г.

⁵⁶ *Погосян Е.* Указ. соч. С. 250.

⁵⁷ Книга Марсова. С. 184–189.

⁵⁸ Называются то точные числа начала и завершения какой-либо осады, то месяцы, а иногда и просто годы – в единичных случаях также опущенные – «баталий», «походов» и иных «акций».

⁵⁹ Все сведения о серии Ф.-Г. Мюллера почерпнуты из указанного сочинения Е.С. Щукиной: С. 8, 16–18, 26–27.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 2. Кн. 65. Л. 447–448.

чены следующим образом (за вычетом примененной далее замены группировки «по сортам» на хронологическую):

Взятье Шлюсенбурха. Разорение Нового шканца, а ныне Питер Бурх (Питербург). Кронилот. Взятье Дерпта. Взятье Нарвы. Взятье Нитавы. Левенгобская баталия. Левенгобская баталия у реки Переволоки ([Полтава]). Взятье Элбунга. Взятье Риги. Взятье Дунамент шканца. Взятье Кексгольма (Кексголма). Взятье Пернова. Взятье Аненца Бурхи (Аренцбурха). Взятье Ревеля. Взятье Выборха. Взятье Абова. У реки Пелкина. У реки Ваза. Взятье Нишлота. Морская баталия шаубенахта ([Гангут]). Кроме того, в «Реестре» значится отсутствующее в серии Ф.-Г. Мюллера «Взятье на море 2 фрегатов», в котором легко опознать завершившееся «пленением» шнявы и бота «дело» у дер. Калинкиной, превратившее Петра в андреевского кавалера.

Количественные различия состава «действ», актуализированных в процессе фактически совпавших во времени создания миниатюрных монументов в виде медалей и печати литературно-пропагандистской «Книги Марсовой...», сводятся к одной единице, а их содержательные расхождения в сумме устанавливают перечень в 29 событий (тогда как санкцию на публикацию известий о них «в народ» ранее уже получали около 170 «акций»). Впоследствии сложившаяся к 1714 г. номенклатура не столько расширялась, сколько пересматривалась с точки зрения выстраивания внутренней иерархии.

Первым монументальным выражением этого стала хрестоматийно известная гравюра П. Пикарта «Петр I, царь и самодержец всероссийский» 1717 г. Она считается прямой предшественницей ТС уже по самому принципу сочетания прямоугольных барельефов-ступеней, образующих пирамиду из 9 «баталий» с фигурой монарха на вершине, с 14 круглыми медальонами-планами покоренных крепостей, гирлянда которых расположена за его спиной⁶¹. Все изображения снабжены подписями, обозначающими сражения более пространно, чем завоеванные города:

Баталия с генералом Крониортом в Финляндии. Викториа, бывшая на Чуцком озере. Калишская баталия. Акция под Добрым. Баталия с генералом Левенгоуптом. Полтавская баталия. Баталия турецкая. Акция при реке Пелкина. Баталия при деревне Лаполе; Шлюсенбург. Новые Канцы.

⁶¹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Указ. соч. С. 42.

*Дерпт. Нарва. Митава. Элбинг. Рига. Дунамент. Пернов. Кексгольм. Аренсбург. Ревель. Выборг. Тонинг*⁶².

Батальный акцент подчеркивается также облачением Петра в латы, включением единожды попавшего в парадную эпопею столкновения отряда адмирала гр. Ф.М. Апраксина с силами под командой генерал-майора бар. А. Крониорта на берегу р. Ижоры под Ладогой в июле 1702 г. и, напротив, надолго закрепившихся здесь захвата 13 шведских яхт и бригантин при выходе из Чудского озера 19 мая 1704 г. и поражения, перенесенного летом 1711 г. от турецкой армии на р. Прут. Эти нововведения и увеличивают список военных дат, признанных значимыми при несомненном участии Петра, до 32.

В том же 1717 г. печатается произнесенное Феофаном Прокоповичем в очередную полтавскую годовщину «Слово похвальное...», где тоже просматривается череда «преславных» баталей, породивших Полтавскую победу, которая, в свою очередь, «многих инных побед мати есть»⁶³. Его перечень русских успехов, поименованных отдельно от европейских провинций, где Швеция неоднократно несла урон, содержательно близок вышеприведенным, которые можно условно называть петровскими. Но он несколько короче, хотя и упоминает взятие в 1702 г. Мариенбурга, нечасто отмечаемое историками Северной войны, обычно не отделяемую от побежденной в 1704 г. Нарвы Иван-городскую крепость, а также об измене украинского гетмана И.С. Мазепы и разочаровавшей Петра сдаче Штральзунда в Померании союзным войскам при отсутствии русских. Сохранение Мазепы и Штральзунда в «Слове о состоявшемся между империею российской и короною шведскою мире 1721 года...»⁶⁴ следует, вероятно, трактовать в смысле диапазона творческой свободы ближайших сотрудников Петра, которые могли печатно высказывать особые от высочайших мнения при условии совпадения с ними по духу.

Сам же царь наибольшее внимание к выстраиванию концепции истории своего царствования в сознании современников и потомков проявлял в конце 1710-х – начале 1720-х г. В 1717 г. предпринимаются, как известно, первые практические шаги к воплощению замысла о воздвижении в столице ТС. С 1718 г. Петр выступает, по мнению большинства исследователей,

⁶² ИЗО ГИМ. I–III. 2578. В тексте расположение барельефов с приведенными надписями подчинено декоративным задачам. Хронологическое расположение с сохранением орфографии текстовой составляющей применено мной для удобства сопоставления с остальными перечнями.

⁶³ Феофан Прокопович. Соч. С. 54–55, 58.

⁶⁴ Феофан Прокопович. Соч. С. 121–122.

в качестве основного автора и редактора «Гистории Свейской войны» и думает о «Краткой истории для внушения молодым после азбуки о нынешних и старых делах»⁶⁵. Е.А. Погосян, выделившая последнюю помету в петровской записной книжке по классической публикации Н.А. Воскресенского, основательно предположила, что его представления о такой «краткой истории» отразились в экскурсе «до дел князя Владимира» в черновом введении к Морскому регламенту 1720 г.⁶⁶

Рассказ же об «обретении» будущим самодержцем в с. Измайлове ботика, из которого вырос отечественный флот, вошел в опубликованную версию этого акта и наряду с сочинениями Феофана Прокоповича явно повлиял на «истории Петра Великого», появившиеся в течение XVIII в. В 1720 г. на Троицкой площади Петербурга строится обелиск по случаю празднования годовщины морской победы при Гренгаме, «6 картин эмблемам и викториям» которого в 1721 г. еще числились «под директорством генерал-фельдцейхмейстера гр. Брюса»⁶⁷. А с 1721 г. начинается и обсуждение исторических сцен, выносимых на ТС, причем позиция носителя верховной власти изменяется, по крайней мере, трижды, не считая «приступа» в 1723 г. к изготовлению патронов для костяной и «точению» деревянной моделей колонны.

По А.К. Нартову, деревянная модель к 1741 г. хранилась в собранном виде и была «сделана» им⁶⁸. Однако О.П. Беляев считал уже разрозненные цилиндры пальмового дерева, разного диаметра и высоты, «суть произведением рук его величества», изумляющим не столько «искусством», сколько «неслыханным сего монарха трудолюбием»⁶⁹. Его мнение косвенно подтверждается датировкой новейшего Каталога собрания, где работа над названной версией отнесена к периоду сравнительно с нартовскими моделями более раннему⁷⁰, когда штат токарни еще возглавлял инженер Ф. Зингер⁷¹. В пользу создания цилиндрических элементов деревянного ТС если не самим Петром, то при его жизни еще определеннее говорит полное отсутствие на них подписей, тогда как подавляющее большинство позднейших барельефов «девизы» – сплошь одни и те же независимо от фор-

⁶⁵ Майкова Т.С. История создания «Гистории Свейской войны» // История. С. 24–25; Погосян Е. Указ. соч. С. 244–251.

⁶⁶ Погосян Е. Указ. соч. С. 246–247.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 7.

⁶⁸ Материалы. С. 593.

⁶⁹ Кабинет Петра. Отд-ние 1. С. 120, 122.

⁷⁰ Основателю Петербурга. С. 338–342.

⁷¹ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Указ. соч. С. 44.

мы, размера и материала изготовления – имеют. Но самым важным аргументом за то или иное личное императорское участие в работе над ТС представляется полное совпадение перечисленных О.П. Беляевым в составе его собственноручных токарных изделий изображений «разных побед Петра Великого» (а именно: «победы под Лесным», «взятия Риги», «сражения на Пруте», «морского сражения при Ангуте», «взятия Ревеля», «взятия Фридрих-Штада», «взятия Дербента», «сражения, кажется, Полтавского») ⁷² и утвержденного в мае 1727 г. к чеканке перечня «больших штук» для модели ТС.

В качестве сюжетов, которые «надлежат вообразены быть на ТС», там числились особо пронумерованные записи: 1. *Баталия Левенгоптская*. 2. *Баталия Полтавская*. 3. *Взятье Риги*. 4. *Взятье Ревеля*. 5. *Турецкая акция*. 6. *Баталия под Фридрихштадом*. 7. *Баталия Ангуцкая*. 8. *Взятье Дербента* ⁷³. Отдельно – начиная с портретов Петра и Екатерины – были пронумерованы и «малые штуки», на которых отраженным событиям отводилось таким образом более скромное место: 3. *Взятье Канцов*. 4. *Два швецкие судна, шнява и галиот, взятые близ Катерингофа*. 5. *Виктория на Чюцком озере*. 6. *Взятье Дерпта*. 7. *Морская баталия при Котлине острове*. 8. *Взятье Митавы*. 9. *Добринская баталия*. 10. *Эльбинг*. 11. *Динамент*. 12. *Взятье Пернова*. 13. *Взятье Эренс Бурха*. 14. *Кексголт*. 15. *Баталия Тониндская*. 16. *Гелзен Форс*. 17. *Взятье Штетина*. 18. *Пелкинская баталия*. 19. *Вазовская баталия*. 20. *Нейшлот*. 21. *Взятье четырех фрегатов при Грейнгаме*. 22. *Взятье Выборха*. 23. *Заключение мира* ⁷⁴.

При мысленном совмещении «кабинетского» перечня 1727 г., который рассматривается в данной статье как буквально следующий петровской концепции новейшей отечественной истории 1723 г., с хрониками, высочайше одобрявшимися с 1712 по 1717 гг., резонно было бы говорить о расширении совокупности охваченных каждым из документов событий до 35. Однако хронологически последний список, несмотря на включение в него Гренгамской победы 1719 г., заключения Ништадтского мира 1721 г. и овладения Дербентом 1722 г., заметно уже.

Правда, причины исчезновения оттуда «знаковых» Шлиссельбурга, Петербурга, Нарвы и Калиша выявляются сразу же по обращению к описани-

⁷² Кабинет Петра. Отд-ние 1. С. 120–121.

⁷³ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 2. Кн. 86. Л. 13.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 2. Кн. 86. Л. 13 об.–14. Текст приведенных фрагментов «кабинетского» перечня передан по традиционным правилам публикации документов XVIII в. без использовавшейся выше перегруппировки записей согласно хронологии.

ям А.К. Нартова и О.П. Беляева. Они единодушно фиксируют наличие соответствующих барельефов и их снабженность, в отличие от остальных, латинскими надписями. Латинская надпись фигурирует и на «барельефепатроне» с изображением осады Риги, который по повелению Петра был отлит Ф. Зингером к сентябрю 1723 г., но признан А.К. Нартовым «в циркуляции неисправным и в действо быть негодным»⁷⁵. Это указывает на изготовление и плоских изображений четырех перечисленных сюжетов на этапе появления «образцов», представлявшихся Петру, когда русифицировать традиционные для европейских монументов изъяснения еще не предполагалось. Готовность же их к 1727 г. делала излишними затраты на повторную чеканку по тем же моделям Б.-К. Растрелли, в порядке разработки сметы на которую и возник «объявленный» в Кабинет в сентябре 1726 г. «реестр». Но отсутствие среди и ранних, и поздних элементов моделирования ТС имевшихся на гравюре П. Пикарта всегда дорогих сердцу Петра морских побед 1702 и 1713 гг. нельзя объяснить иначе, как его осознанным решением ограничить разрастание воплощаемого в бронзе «краткого курса» истории для широких масс пределами 32 событий, число которых определилось к 1718 г.

Любопытно, что свой вариант летописи знаменательных дат Северной войны сокращает – тоже на три позиции – и Феофан Прокопович в «Слове» на Ништадтский мир, произнесенном по особому указу 28 января 1722 г. и опубликованном 2 августа 1723 г., несмотря на восстановление в нем упоминавшейся в «Слове» в честь Полтавы 1709 г. и опущенной в аналогичном произведении 1717 г. «марсовой акции... в Белой России под Добрым»⁷⁶. И еще важнее отмеченные Е.А. Погосян факты стремления к упорядочению бессистемных с начала XVIII в. празднований победных годовщин.

Именной указ от 18 октября 1723 г. вообще предписывал «генерально» чествовать только Полтаву и Лесную, морские виктории «отправлять в Кронштадте, а прочие в тех только городах, когда который взят». В синодальном постановлении 29 января 1724 г. о внесении «викториальных дней» в общеимперский Календарь на 1725 г. фигурирует еще Шлиссельбург. К моменту его издания опять появились Нарва и мир со Швецией⁷⁷,

⁷⁵ Кабинет Петра. Отд-ние 1. С. 115; Материалы. С. 545; *Архипов Н.И., Раскин А.Г.* Указ. соч. С. 44.

⁷⁶ *Феофан Прокопович.* Соч. С. 25, 48, 55–58, 121, 122.

⁷⁷ См.: *Погосян Е.* Указ. соч. С. 27, 46, 140, 145, 163–168.

но это все равно меньше известным историкам публичных «воспоминаний» о, по крайней мере, 10 недавних свершениях.

Та же тенденция незначительных, но непрекращавшихся колебаний при следовании неизменной по сути изначальной установке прослеживается и в «разночтениях» 1721–1723 гг. по поводу вынесения собственно на ТС 10, 7 и, наконец, 8 «преславных действ». Соответственно, и мнение Петра об окружающих изображениях «действ» просто «славных» могло претерпевать эволюцию, которая не перерастала в качественную, но продолжалась до конца жизни. А его размышления на исторические темы весь 1724 г. отразились и в запечатленном в заказе бюста Б.-К. Растрелли «назначении» бывшего однополчанина и майора от артиллерии П.Л. Бухвостова «первым русским солдатом»⁷⁸, и в не подтвержденных, но и не опровергнутых данных о его намерении поставить надгробия Ф.Я. Лефорту, А.С. Шеину и гр. Б.П. Шереметеву в монастыре Святого Александра Невского, объединив под сенью этого «героя» героев «своих»⁷⁹.

Однако, по-видимому, закрепленные в доступных А.К. Нартову, но не дошедших до нас заметках различия, несущественные для самого Петра, для сменивших его режимов превращались в серьезную задачу прочтения его воли адекватно политической конъюнктуре. Поистине дипломатическое решение подобных проблем, думается, и проявилось в расхождении друг с другом практически одновременных документов Кабинета Екатерины I. Здесь в мае 1727 г. утвердили к изображению на ТС представленные туда в сентябре 1726 г. 33 сюжета, один из которых просто не был, как показывают последующие описи всего изготовленного с этой целью, запущен в производство. Таким образом не нарушилась тоже происходящая из озвученных А.К. Нартовым замыслов Петра цифра 32. Исключенную ради этого «Вазовскую баталию», барельеф которой не числится ни в одном из «триумфальных» собраний, внесли в Календарь на 1727 г., «пожертвовав» обороной Кронштадта. Там пункты плана ТС были органично продолжены «Викториями, бывшими при державе ея императорского величества в Персии над неприятели». По воцарении же Петра II всю беспрецедентно расширившую праздники «историческую» вставку изъяли, что опять можно было трактовать как возвращение Календаря в намеченное Петром Великим в 1724 г. русло.

⁷⁸ Бумаги Кабинета. С. 241.

⁷⁹ Рассказы Нартова о Петре Великом / [Изд.] Л.Н.Майкова. СПб., 1891. С. 72, 127.

Е.А. Погосян, посвятив изменениям Календаря до Анны Иоанновны включительно часть своей монографии⁸⁰, не связала изложенную ею акцию дополнения уже напечатанного издания восемью страницами деяний Петра с обсуждением в Кабинете с осени 1726 до весны 1727 г. создания барельефов ТС. Тем не менее оно столь же безусловно требовало высочайшей санкции, как и состав официальных торжеств наступающего года, хотя характерный для личных императорских канцелярий XVIII в. неформальный порядок делопроизводства не предполагал обязательного протоколирования подобных решений. Однако документальная незакрепленность не мешает наблюдать непосредственное «произрастание» календарного текста 1727 г. из плана ТС, которое ясно из его структуры и фразеологии.

Все вновь вставленные туда события петровской истории, кроме «воспоминания мира», выведены за рамки «торжественных дней» и сгруппированы в особые параграфы, озаглавленные «Взятия городов» и «Баталии со шведы». Они сплошь состоят из знаменательных для русского оружия географических названий, которые уже включались в предшествующие пропагандистские перечни и теперь образовали вместе с заключением Ништадтского мира ровно 32 «действия». Продемонстрировав таким путем верность заявленной традиции, послепетровские идеологи обратились к также апробованному первым императором приему редактирования и заменили несочетаемые с задуманной конструкцией элементы другими. Соответственно, из списка, который скоро станет законом касательно ТС, легко изъяли не укладывающееся в разделы Календаря основание Петербурга и трагедию на Пруте, а возникшие лакуны заполнили боем на подходе к Дербенту и взятием в 1723 г. в том же Персидском походе крепости Бака.

Кто из первых лиц государства предложил внести летопись славы Петра, вскоре должествующую предстать в бронзе, в печатное издание с полуторатысячным тиражом⁸¹, к сожалению, неизвестно⁸². Нет материалов и о том, кто тогда же облек ее сюжеты в «не худо вымышленные», по Н.М. Карамзину, «девизы», которые попали на барельефы ТС, впервые увидевшие свет в конце 1720-х гг. под руководством А.К. Нартова. В исто-

⁸⁰ Погосян Е. Указ. соч. С. 163–168, 308–369.

⁸¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800: В 5 т. М., 1966. Т. 4. С. 229.

⁸² Гипотеза Е.А. Погосян об А.И. Остермане как «одном из инициаторов составления новой версии календаря в январе 1727 года» пока не доказана, хотя то или иное участие его в этом процессе не может вызывать сомнений с учетом его роли в политике периода.

рической перспективе это во всяком случае менее важно сравнительно с тем, что петровский план просвещения и воспитания подданных на примере собственных деяний конечной цели, вопреки всем превратностям судьбы, достиг.

ТС не пришлось украсить Петербург. Но его 32 сюжетных барельефа, казалось бы, обреченные на забвение в «вещах» токарни, через 20 лет были востребованы для украшения елизаветинских чертогов. Там всякая иерархия и хронология разрушились в угоду чисто декоративным целям, однако «клейма» М. Зимина, гораздо более примитивные по сравнению с «образцами», восходящими к П. Мартену-младшему и Б.-К. Растрелли, до сих пор имеют своего постоянного, пусть и немногочисленного зрителя. Сами «образцы» в конце XVIII в. стали экспонатами Кунсткамеры, вскоре получили доступный всей читающей публике печатный каталог, а в XX в. в реконструированном виде попали в популярнейший Эрмитаж.

Литературная же версия монументального списка, превратившись в часть общероссийского Календаря, приобрела недостижимую для сколько угодно выдающегося столичного памятника известность. Эта часть стала распространенной составляющей рукописных сборников и сама по себе, и через «Журнал о походах». Тексты, предназначенные для воплощения в бронзе, до конца XVIII столетия выступали таким образом в качестве все-народно тиражируемых военно-имперских доблестей, развернутых на 32 монументальных примерах краткого курса истории Петра Великого, в известной степени написанной им самим.

**Источники представлений народников
о повышенной восприимчивости населения
Саратовской губернии к антиправительственной агитации
(вторая половина XIX века)***

В трудах Н.А. Троицкого, посвященных истории русского освободительного движения 60–80-х гг. XIX в., значительное внимание уделяется изучению идеологии народничества. В монографии «Крестonosцы социализма»¹ он рассматривает истоки движения, его различные направления, историю развития, применение народниками на практике своих идей. Один из наиболее ярких периодов их деятельности – 1874–1878 гг., когда состоялось массовое «хождение в народ» для социальной пропаганды среди крестьянства, а затем члены «Земли и воли» создавали поселения с той же целью. Для истории Саратовского Поволжья большое значение имеет то обстоятельство, что революционно настроенная молодежь 1870-х гг. рассматривала Саратовскую губернию в качестве одного из наиболее перспективных регионов для распространения среди крестьян своих идей.

В 1874 г., когда представители народнических кружков развернули пропаганду в деревне (по подсчетам Троицкого, в 51 губернии)², именно в Саратове ими был создан своеобразный центр координации действий. Это была башмачная мастерская И.И. Пельконена на Царицынской улице. Она была не только явочной квартирой, где встречались представители различных народнических кружков, здесь также размещался крупнейший в России передаточный склад нелегальной литературы³. Мастерская Пельконена просуществовала недолго, менее двух недель, но даже сам факт ее возникновения свидетельствует о том, что в планах организаторов «хождения в народ» Саратовской губернии отводилось особое место. Позднее, в 1877–1878 гг., наиболее крупные поселения революционной организации «Земля и воля» возникли здесь же, в Саратовской губернии⁴.

* Текст статьи представляет собой переработанный вариант доклада, зачитанного на конференции, посвященной 75-летию Н.А. Троицкого.

¹ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 154–156.

⁴ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 198.

Вопрос о том, почему именно сюда были устремлены взгляды народников, встал, прежде всего, перед саратовским Жандармским управлением и губернской администрацией. Губернатор М.Н. Галкин-Врасский писал по этому поводу, что Саратов обратил внимание революционеров «как город весьма населенный, пользующийся удобствами сообщения по железной дороге и по Волге и как вообще привлекающий в летнее время массу рабочих...»⁵. Не исключая влияния этих обстоятельств, следует заметить, что у народников были свои доводы, которые заставляли их обращать особое внимание на население Саратовской губернии. Н.А. Троицкий подчеркивает, что деятели народнического движения были убеждены в успехе пропаганды своих идей именно в тех местах, где существовали давние традиции крестьянских восстаний. Он приводит слова О.В. Аптекмана: «Мы верили и надеялись, что там, где 200 и 100 лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни, бунты Стеньки Разина и Пугачева, ...нам удастся создать в народе рать, призванную осуществить народную революцию»⁶.

Эти слова мемуариста заставляют обратиться к вопросу о том, какие исторические сочинения могли оказать влияние на формирование подобных представлений. Н.А. Троицкий, рассматривая этапы развития народничества, останавливает свое внимание на литературе, популярной в народнических кружках в начале 1870-х гг. В то время участники кружков были нацелены на просвещение учащейся молодежи, на подготовку ее к ведению пропаганды среди крестьян. Исследователь отмечает, что для этого среди молодежи распространялась литература демократического и социалистического направления, и легальная, и запрещенная⁷. Вполне понятно, что автора монографии интересуют, прежде всего, те издания, которые оказали наибольшее влияние на формирование и развитие идеологии народничества. Кроме названных Н.А. Троицким авторов, чьи книги и статьи составляли основу своеобразной народнической библиотеки, — А.Н. Радищева, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, П.Л. Лаврова, Ф. Лассаля, П. Прудона, К. Маркса и др. — в круг чтения революционно настроенной молодежи, конечно, входили и другие сочинения.

⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья: В 2 т. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 244–245

⁶ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 197.

⁷ Там же. С. 139–140.

Высказывание О.В. Аптекмана, процитированное Н.А. Троицким, указывает на то, что среди народников были популярны и исторические труды. О тематике их легко догадаться – это были сочинения, посвященные восстаниям под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Следует подчеркнуть, что историческая наука в 50–60-х гг. XIX в., в период подготовки и проведения реформ, отразила самые актуальные вопросы, связанные с положением крестьянства и с негативными сторонами крепостнической системы. Конечно, эти вопросы волновали и раннее русское общество, русских историков. Но только тогда, когда правительство начало вплотную заниматься подготовкой крестьянской реформы, появилась возможность обсуждения тем, которые прежде находились под запретом. Одна из таких тем – история крестьянских восстаний.

Именно тогда были опубликованы документы о пугачевском и разинском восстаниях и появились новые исследования на эту тему. (Следует вспомнить, что «История пугачевского бунта» А.С. Пушкина, которая увидела свет в 1834 г., оставалась к тому времени единственной работой о восстании.) Пожалуй, первым сочинением из серии трудов о народных движениях в 1850-е гг. была монография Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», опубликованная в 1858 г. Необходимо отметить, что она была написана в Саратове, где ее автор в течение восьми лет, с июля 1848 г. по август 1856 г., отбывал ссылку, к которой был приговорен за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе⁸. В монографии о восстании Степана Разина историк высказал свой взгляд на казачество и на его роль в истории русского народа и государства: «...в казачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечевой вольницы; в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единодержавием». Борьба с «единодержавием», пишет Костомаров, не только находила поддержку в среде простого народа в XVII в. – «народное недовольство гражданским порядком давало ...пищу и силы» казачеству⁹. Эти мысли Костомарова вполне отвечали представлениям радикально настроенной молодежи его эпохи о готовности крестьянства поддержать антиправительственные выступления. (Если говорить языком Костомарова, выступления против «гражданского порядка».)

В период пребывания в Саратове историк занимался не только изучением восстания Степана Разина. Его внимание привлекал также другой знаменитый бунт – Пугачевщина. В своей автобиографии Костомаров сообщает о том, что у него было желание создать труд на эту тему. Материалы о пуга-

⁸ Костомаров Н.И. Автобиография // Русская мысль. 1885. Кн. 6. С. 32.

⁹ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 335.

чевском восстании он собирал в Саратове одновременно с написанием монографии о Степане Разине. Но осуществить этот замысел можно было только при условии ознакомления с документами, которые хранились в столичных архивах. «Мне объявили, – пишет Костомаров, – что не дадут в архиве бумаг, будто бы они запечатаны, хотя я сам видел их распечатанными»¹⁰. Он понял, что ему не удастся написать полноценный труд о пугачевском восстании. Но Костомаров встретил в Саратове исследователя, который смог заняться изучением этой проблемы и написать в дальнейшем не одну, а несколько работ об эпохе Пугачевщины. Это был Д.Л. Мордовцев, впоследствии очень известный журналист и историк.

Его знакомство с Костомаровым в Саратове произошло в то время, когда он начинал свою служебную карьеру и одновременно занимался литературным трудом, проявляя склонность к историческим исследованиям. Он не был саратовцем по рождению, но жил в городе с четырнадцатилетнего возраста, окончил здешнюю гимназию и после завершения курса в Петербургском университете снова вернулся сюда в 1854 г.¹¹ Тогда и состоялось его знакомство с Н.И. Костомаровым. Знаменитый историк вспоминал о встрече с Мордовцевым в своей автобиографии, отзываясь с большой теплотой о своем младшем коллеге¹². Он оценил по достоинству талант и общественные взгляды Мордовцева и отдал ему документы о событиях пугачевского восстания, собранные им во время пребывания в Саратове¹³. Мордовцев с успехом использовал эти материалы для написания целой серии очерков и монографий. С его именем связаны значительные достижения в изучении этого сложнейшего явления русской истории. Правда, восстание под предводительством Пугачева не было единственной темой в его творчестве. Его исторические исследования, многочисленные историко-литературные произведения, публицистические очерки были широко известны русским читателям во второй половине XIX – начале XX в.

Конечно, не только архивные документы, собранные Н.И. Костомаровым, послужили основой исследований Д.Л. Мордовцева о восстании Пугачева. Его труды на эту тему, так же, как и работы других авторов, стали возможны благодаря публикации источников, ранее не доступных историкам. В период подготовки крестьянской реформы в 1858–

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ *Момот В.С.* Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества. Ростов н/Д, 1978. С. 33.

¹² *Костомаров Н.И.* Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 491.

¹³ *Костомаров Н.И.* Автобиография // Русская мысль. С. 32.

1859 гг. был опубликован крупный комплекс документов о пугачевском восстании в «Чтениях Общества истории и древностей российских». Важнейшим результатом этого достижения археографии стало появление основательных исследований по данной проблеме. В них высказывались оценки причин восстания, суждения о его характере, личности предводителя и т.п.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. не только восстания под предводительством Разина и Пугачева привлекали внимание историков. Тема «народных возмущений» в целом оказалась в то время притягательной для наиболее вдумчивых исследователей. Так, С.М. Соловьев опубликовал в 1860 г. в «Русском вестнике» очерки «Рассказы из русской истории». Их сюжеты относятся к эпохе Петра I – в них повествуется о событиях в Астрахани в 1698 г. (отголосок стрелецкого бунта в Москве), восстании Булавина, измене Мазепы и настроениях в среде украинского казачества перед Полтавской битвой¹⁴.

Именно в 1860–1862 гг. в журналах вышли первые статьи и очерки Д.Л. Мордовцева о разбойниках на Волге в XVIII в. и о самозванцах – предшественниках Пугачева¹⁵. Затем отдельным изданием в Петербурге были опубликованы сборники его монографий и очерков «Самозванцы и понизовая вольница» (1867, в 2 т.) и «Политические движения русского народа» (1871, в 2 т.). В первом из них на основании архивных документов освещается «история разбоев», происходивших в Нижнем Поволжье в 1775–1778 гг., т.е. непосредственно после восстания Пугачева. Во втором помещены три монографии о Пугачевщине и несколько очерков о разбойничьих атаманах более позднего времени.

Интерес к истории пугачевского восстания проявлял не только Мордовцев. В 1865 г. появилась монография П.К. Щербальского «Начало и характер Пугачевщины»¹⁶. У автора этой работы был своеобразный взгляд на причины популярности, которой пользовался Пугачев в среде простого народа и в особенности – у казаков. Он полагал, что существование на территории, где распространилось восстание, двух центров раскола – в Нижегородской губернии и на Иргизах – объясняет и необычайный размах дви-

¹⁴ Русский вестник. 1860. Т. 28. С. 269–402.

¹⁵ Мордовцев Д.Л. Самозванец Ханин // Русский вестник. 1860. Т. 26. С. 319–330; *Он же*. Понизовая вольница. (Материалы для истории народа) // Русское слово. 1860. Декабрь. С. 1–51; *Он же*. Атаман Брагин и разбойник Зубакин // Русский вестник. 1862. Январь–февраль. С. 703–730.

¹⁶ Щербальский П. К. Начало и характер Пугачевщины // Русский вестник. 1865. Вып. 5. С. 475–522; Вып. 6. С. 52–108.

жения, и успех самого его предводителя. П.К. Щебальский писал, что старообрядчество заключает «в самой сущности своей условия сопротивления как вообще действиям правительства, утратившего, по понятиям сектаторов (сектантов. – А. М.) старинное православие, так и формам жизни, слагавшейся в обновленной, послепетровской России»¹⁷.

По его мнению, старообрядческие «братства» предоставляли возможность для многих категорий людей жить вне закона: «Какой распространенный, хотя и безмолвный заговор против порядка и строгих форм государственной жизни! Стоило человеку выйти раз из узких рамок законности, и он повсюду находил себе пособников, покровителей... Он делался здесь членом какого-то обширного братства, где каждый протягивал ему руку...» Пугачев, по словам Щебальского, со времени его пребывания на территории Изюмского полка и первых контактов со старообрядцами находился «почти исключительно между раскольниками до самого того времени, когда он является во главе мятежа»¹⁸. Историк склонен видеть в старообрядчестве «отечественное наше франк-масонство», придавая оттенок таинственности эпизодам биографии Пугачева, которые предшествовали его появлению в качестве «чудесно спасшегося Петра Федоровича»: «Пребывание его на Ветке оказалось ему не бесполезным, оттуда он, так сказать, по маслу докатился до Иргиза и Яика. Невидимая рука вела его, везде являлись приятели и благотворители, а в трудные минуты та же таинственная рука посылала ему ходатаев и заступников»¹⁹.

В качестве рецензии на труд Щебальского Д.Л. Мордовцев опубликовал обширный очерк «Пугачевщина», в котором изложил свои взгляды на причины и сущность крупнейшего народного восстания²⁰. Он не согласен видеть в этой тяжелой драме результаты «беспокойного состояния умов яицкого войска» (таково было мнение А.С. Пушкина) или попыток раскольников отомстить за притеснения со стороны правительства и «таинственных интриг», как полагал Щебальский. Мордовцев ищет причины социальных потрясений гораздо глубже. По его мнению, «пугачевщина со всеми ее последствиями была порождением всей России, неизбежным плодом темной стороны тысячелетней жизни русского народа и результатом ненормального состояния всего тогдашнего ее государственного

¹⁷ Там же. С. 479.

¹⁸ *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 504.

¹⁹ Там же. С. 504–595.

²⁰ *Мордовцев Д.Л.* Пугачевщина. Начало и характер Пугачевщины. Соч. П. Щебальского. Москва, 1865 // Вестник Европы. 1866. Т. 1. Отд. 2. С. 301–372.

стройка»²¹. Под «темной стороной» автор подразумевает, конечно, крепостное право. Можно сказать, что эти суждения Мордовцева предвосхищают взгляды отечественных историков XX в., которые рассматривали все крупные народные движения XVII–XVIII вв. как проявления борьбы крестьянства против крепостного права.

Изучая вопрос о причинах восстания, Д.Л. Мордовцев считает необходимым рассмотреть в этой работе состояние России непосредственно перед началом выступления казаков на Яике. Привлекая самые разнообразные источники, он создает яркую картину, которая завершается авторским замечанием: «Недовольных было больше, чем войска в полках императрицы»²². Относительно описания русской действительности, которое было дано Д.Л. Мордовцевым, можно сказать, что он изображает кризис русского общества во второй половине XVIII в. При этом создается впечатление, что и в отдельных деталях, и в целом он соотносил эту картину с современным ему состоянием России, т.е. состоянием в пореформенную эпоху. Вот одно из авторских обобщений: «Публикование фальшивых манифестов, бунты, вспышки в самых темных углах России, повсеместные разбои..., движение в народе и предчувствие чего-то недоброго в передовых людях государства, выразившееся горькою ирониею в литературе...»²³.

В завершение описания кризиса Д.Л. Мордовцев делает вывод, опираясь при этом на воспоминания «современников и очевидцев». Он замечает, что сам по себе этот вывод принадлежит тоже современникам, но только не русским, а иностранцам – «дышавшим не тем воздухом, который вдыхало привычное к тому русское общество». Далее следует изложение того самого вывода иностранцев (имена которых не названы): «...Какая-то кровавая драма была неизбежна вследствие всего склада общества, да и народ не мог долее выносить своего тяжелого положения»²⁴. Здесь явно использован публицистический прием – автор передает свою мысль, подчеркивая и заостряя те высказывания иностранных авторов, которые наиболее отвечали его собственному взгляду. Трудно сказать, насколько вывод о неизбежности кровавой драмы в XVIII столетии Д.Л. Мордовцев проецировал на свою эпоху. Но картина кризиса столетней давности у него соотносится с современностью. Возможно, он просто хотел сделать «предупреждение» тем, в чьих руках была власть. Однако публицистический пафос Мордов-

²¹ Там же. С. 302.

²² Мордовцев Д.Л. Пугачевщина. С. 306.

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Там же. С. 302.

цева скорее воздействовал не на представителей власти, а на их противников. Радикально настроенная молодежь на основании его сочинений о пугачевском восстании и о «понизовой вольнице» сделала свои, далеко идущие выводы.

Следует подчеркнуть, что взгляды Д.Л. Мордовцева на саму суть крупнейшего социального потрясения второй половины XVIII в. оказались близки взглядам народников. Уже заглавие сборника монографий и очерков, вышедшего в 1871 г., – «Политические движения русского народа» – демонстрирует его подход к изучаемым событиям. В предшествующей историографии и в трудах современников Мордовцева все социальные взрывы именовались бунтами. Но для саратовского историка и пугачевское восстание, и самозванцы, и разбои на Волге – проявления воли народа, который не имел других возможностей выразить эту волю. Мордовцев не был склонен идеализировать народные движения. Содержание вводной статьи к сборнику «Политические движения русского народа» (написана в 1870 г.) показывает, что он не закрывал глаза на «массовые преступления и массовые убийства», происходившие во время восстаний и в ходе разбоев. Тем не менее, он полагал, что в изучаемый им период именно в «массовых и единичных народных движениях... по возможности сказывалось участие русского народа в политическом и гражданском росте русского государства»²⁵. Мордовцев убежден в том, что восстания, крестьянские бунты и разбои понизовой вольницы, хотя и «возмущают человеческое чувство историка», но требуют нового истолкования. Он призывает своих коллег искать истинные причины подобных явлений, «чтобы то, что, по-видимому, ложится темным пятном на память русского народа, было бы снято с этой памяти»²⁶.

По мнению историка, «...не конечная деморализация народа двигала его на массовые убийства и преступления, а неудачно сложившийся строй общественной жизни...»²⁷ Необходимо отметить, что это суждение Мордовцева не совпадает со взглядом Н.И. Костомарова на причины народных восстаний. Если Костомаров усматривал в них проявление противоречий между «старой вечевой вольницей» и новым «гражданским порядком», то его младшему коллеге наиболее важной причиной народного недовольства представляется общественный строй в России. Кроме того, Костомаров и

²⁵ Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа: В 2 т. СПб., 1981. Т. 1. С. I.

²⁶ Там же. С. II.

²⁷ Там же. С. III.

Мордовцев по-разному расценивали степень участия различных социальных сил в народных выступлениях. Костомаров основную роль в них отводил казачеству, а Мордовцев характеризовал восстания как выражение политической воли широких масс народа. О том, что Костомаров, возможно, не был согласен с таким подходом, свидетельствует фраза из его письма. По поводу «Понизовой вольницы» Костомаров писал Мордовцеву: «У вас большой исторический талант, только будьте пообъективнее»²⁸.

Н.А. Варганова полагает, что данное высказывание Костомарова относится к оценке им «элементов беллетристики», которые были характерны для сочинений Мордовцева. В связи с этим она замечает: «Привнесение исследователем собственных толкований, элементы беллетристики, не всегда согласующиеся с историческим материалом, нередко понижали достоинство ученых трудов Мордовцева»²⁹. Но критическое замечание Костомарова, вероятно, нужно оценивать по-другому. Будучи квалифицированным историком, он не мог возражать против высказываний, истолковывающих содержание источников. Толкование источников является неотъемлемой частью труда историка, любой исследователь второй половины XIX в. считал это достоинством, а не недостатком исторического сочинения. Что касается «элементов беллетристики», то в работах Мордовцева о пугачевском восстании они, безусловно, присутствуют. Однако сопоставление текстов документов, которые он использовал, с их изложением Мордовцевым показывает, что он не допускал искажений текстов, приводил их дословно. Костомаров, призывая его быть более объективным, скорее всего, имел в виду высказывания своего младшего коллеги о причинах восстания, о положении крестьянских масс во второй половине XVIII в., которые могли показаться ему предвзятыми, оправдывающими «массовые преступления и массовые убийства» во время народных бунтов.

Р.Д. Костылева в связи с анализом общественно-политических и исторических воззрений Мордовцева попыталась дать характеристику его взглядов на природу народных восстаний. Она сделала вывод, который все же нуждается в уточнении. Исследовательница пишет, что Мордовцев в своем понимании народных движений «был близок к демократическому направлению в русской историографии»³⁰. В основании этого суждения лежат оценки сочине-

²⁸ Цит. по: *Варганова Н.А.* Д.Л. Мордовцев и Н.И. Костомаров // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Сб. науч. тр. Саратов, 1999. С. 244.

²⁹ Там же.

³⁰ *Костылева Р.Д.* Общественно-политическая позиция и исторические взгляды Д.Л. Мордовцева в 1850–1870 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 19.

ний историка, высказанные в современной ему публицистике. В первую очередь, Костылева отмечает, что в 1860–1870-е гг. и позднее его труды «имели злободневное звучание». И если в периодических изданиях консервативного направления сочинения Мордовцева вызвали неодобрительные отзывы, то демократическая печать, наоборот, оценивала их высоко³¹.

Об этом писал также известный исследователь жизни и творчества Д.Л. Мордовцева В.С. Момот. Кроме того, он подчеркнул, что сочинения историка были известны не только в России, но и за ее пределами. Так, А.И. Герцен подготовил сообщение о «Самозванцах и понизовой вольнице» для «Колокола». Более ранняя работа Д.Л. Мордовцева – «Пугачевщина» – также вызвала глубокий интерес у знаменитого публициста, кроме того, она получила высокую оценку И.С. Тургенева³². Как следствие внимания редакции «Колокола» к некоторым произведениям русского историка следует рассматривать и тот факт, что среди книг К. Маркса и Ф. Энгельса были «Политические движения русского народа» и «Самозванцы и понизовая вольница» Д.Л. Мордовцева³³. Как видим, не только публицисты демократического направления в России, но и деятели европейского революционного движения проявляли интерес к произведениям Мордовцева, посвященным пугачевскому восстанию.

Вполне понятно, что и в России работы историка вызвали пристальный интерес революционно настроенной молодежи. Очень важные сведения об этом приводит Костылева. Она пишет, что сочинения Д.Л. Мордовцева «изучали участники “хождения в народ”, пытаясь использовать эти работы для влияния на крестьян. Они упоминаются в письмах С. Ширяева, Д. Рогачева, А. Михайлова, В. Фигнер»³⁴. Костылева указывает на то, что теоретик народничества Н.К. Михайловский привлек некоторые наблюдения Мордовцева для обоснования идеи о союзе «вольницы» и «подвижников»³⁵. Сведения, приведенные Костылевой, позволяют прояснить очень важный вопрос – какая именно историческая литература могла оказать решающее влияние на выбор региона для пропаганды своих идей участниками «хождения в народ». Очевидно, именно труды Д.Л. Мордовцева в значительной степени способствовали формированию их представлений о бунтарских настроениях в среде

³¹ Там же. С. 20

³² Момот В.С. Писатель-демократ // Мордовцев Д.Л. Великий раскол: Исторический роман; Накануне воли: Архивные силуэты. Ростов н/Д, 1987. С. 610.

³³ Там же. С. 604.

³⁴ Костылева Р.Д. Указ. соч. С. 20.

³⁵ Там же.

поволжского крестьянства, которые, по их мнению, существовали и в 70-е гг. XIX в.

Дело в том, что некоторые сочинения Мордовцева содержат фактический материал, который мог быть истолкован именно в таком плане. В этом отношении представляется замечательным очерк из второго тома «Политических движений русского народа» под названием: «Типы современной понизовой вольницы» (опубликован в 1871 г.). В нем рассказывается о разбойниках, действовавших на Нижней Волге уже в середине XIX в. Общеизвестно, что наличие в регионе многочисленного разбойного элемента было одной из его особенностей как в XVIII, так и в первой половине XIX в. Мордовцев, описывая современных ему представителей этого своеобразного сообщества – понизовой вольницы, стремится показать, что в их среде были люди очень разные по характерам, встречались даже личности самоотверженные и благородные, способные на подвиг. У читателей, знакомых с данным очерком и с другими работами этого автора, включенными в сборник «Самозванцы и понизовая вольница» (опубликован в 1867 г.), могло сложиться впечатление, что социальная обстановка в Нижнем Поволжье в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. была примерно такой же, как и во времена Пугачевщины, то есть, что понизовая вольница продолжала существовать, и недовольство крестьян своим положением могло в любой момент вылиться в открытый бунт.

Возникает вопрос: насколько сам автор «Пугачевщины» был близок к воззрениям своих молодых читателей, которые использовали его произведения для пропаганды революционных идей? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к содержанию его книги очерков «Накануне воли», созданной в ближайшие годы после выхода в свет «Политических движений русского народа». Первая попытка публикации очерков «Накануне воли» относится к 1872 г., но тогда она была запрещена и появилась в печати гораздо позднее в полном собрании сочинений Мордовцева, вышедшем в 1910–1914 гг.³⁶ Книга эта представляет собой одновременно и историческое исследование, и памятник общественной мысли конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в.

Здесь Мордовцев проанализировал обширный фактический материал и изложил свои выводы о настроениях в среде крепостного крестьянства, о нравственном состоянии крестьянской массы в 20–50-е гг. XIX в. и о том, что представляла собой «вольница» в эту эпоху. Книга была напи-

³⁶ Момот В.С. Писатель-демократ... С.615.

сана на основании материалов ведомственных архивов, главным образом, саратовских губернских учреждений. Кроме того, Мордовцев использовал публикации документов Министерства внутренних дел, что давало возможность делать широкие обобщения на общегосударственном уровне. Эти обобщения свидетельствуют о том, что историк не видел в крестьянской массе в изученную им эпоху способности к активному сопротивлению, к вооруженной борьбе против социальной несправедливости. Данный вывод у Мордовцева подчеркивается сравнением морального состояния русского народа «во времена пугачевщины и понизовой вольницы» и «накануне воли».

Историк рассматривает предреформенный период в истории крестьянства как время упадка его моральных сил: «...Мы находим в нем (в русском народе. – А.М.) страшную перемену. В прошлом веке в народе еще бродят силы, и он норовит их проявить то тем, то иным образом; накануне воли, напротив, он уже окончательно покорился своей участи, на все махнул рукой, он способен только на пассивную работу автоматов и на такое же пассивное неповиновение...»³⁷ Причина «страшной перемены» – именно крепостное право, которое, по выражению историка, ведет к «деморализации» крестьянства. «Молодое крестьянское поколение исторически, от генерации к генерации воспитывалось в ненависти к притеснителям, и деморализация народа доходила до ужасающих размеров»³⁸. По мнению Мордовцева, деморализация не означала «выработки преступных инстинктов в массе, ...напротив, все данные говорят в пользу народа, в пользу его терпеливости и безусловного повиновения законам необходимости»³⁹.

Примечательно то, что в глазах автора книги эта пассивность и «деморализация» – безусловное зло, не только для народа, но и для государства. Он пишет, что «деморализация» шла в направлении «самом безотрадном для народа и государства: народ терял чувство человечности, он становился рабом в полном смысле слова, ...на все акты его деятельности легла какая-то безнадежная апатия...» Мордовцев подчеркивает: «Такая народная деморализация страшнее для государства, чем, если бы народ известным давлением был вызываем на протесты, на вспышки, на бунты»⁴⁰. Пафос этих высказываний историка вполне понятен – ведь он, как и многие его современники, размышлял над причинами поражения России в Крымской

³⁷ Мордовцев Д.Л. Накануне воли // Мордовцев Д.Л. Великий раскол... С. 474.

³⁸ Там же. С. 473.

³⁹ Там же. С. 474.

⁴⁰ Там же.

войне 1853–1856 гг. Напрашивалось сравнение с событиями эпохи Екатерины II, когда страна вышла победительницей из двух войн с Турцией, несмотря на тяжелейшие внутренние потрясения, наиболее мощным из которых было восстание Пугачева. Вывод для историка, который специально изучал время Пугачевщины, напрашивался сам собой – отсутствие у народа моральных сил, способности к сопротивлению влечет за собой падение военного потенциала государства.

Особого внимания заслуживает оценка, данная Д.Л. Мордовцевым «пониговой вольнице» предреформенного периода и первого десятилетия после крестьянской реформы. Как отмечалось выше, участники народнического движения возлагали надежды на союз с «вольницей», и эти надежды не оправдались. Д.Л. Мордовцев в рассматриваемой книге проводит грань между «эпической первобытной вольницей» XVIII в. и тем, что представляли собой «простые разбойники» следующего столетия. Историк подчеркивает: «В большинстве случаев все это продукты крепостничества»⁴¹. При этом он описывает «порядок» возникновения разбойничьих шаяк в XIX в., которые «воссоздавали из себя, если не первообраз, то подобие исторической пониговой вольницы». К разбойникам приставали крестьяне, которых помещики сдавали в рекруты или ссылали в Сибирь, «большею частью, беспокойных из них, вредных, ходоков по отысканию воли..., или просто таких, которых... было выгодно или желательно удалить из вотчины». Они, «обращаясь в дезертиров или бегло-ссыльных, являлись обыкновенно на родину» и создавали шайки, «первым делом» которых было «мщение тем, кто был виновен в их несчастье»⁴².

Особенностью разбойничьих шаяк XIX в. Мордовцев считал то, что они были порождением крепостнических порядков, т.е. следствием распространения дворянского землевладения на территории Саратовской губернии. Автор книги не напоминает своим читателям о том, что было хорошо известно его современникам – если к середине XIX в. губернию можно было назвать помещичьей, то в XVIII в. Саратовское Поволжье еще не было регионом, где дворянские имения составляли сплошные массивы земель. В соответствии с этим и «пониговая вольница» формировалась из других социальных элементов, чем в XIX в., и «разбои» носили иной характер. Разбойники в XVIII в. грабили караваны судов на Волге и богатых купцов на сухопутных дорогах, они вступали в сражения с воинскими командами и в большинстве случаев выходили победителями. О них писал

⁴¹ Мордовцев Д.Л. Накануне воли. С. 546.

⁴² Там же. С. 546–547.

Д.Л. Мордовцев в своих более ранних трудах, на основании документов архивов саратовских и астраханских учреждений.

В книге «Накануне воли» он стремится подчеркнуть, что в пору господства крепостного права в Саратовской губернии распространение разбойничьих шаек как основной формы мести крестьян вызывало новые акты жестокости со стороны помещиков. «Крестьяне мстили помещикам разбоем за их жестокость, – пишет Мордовцев, – помещики, с своей стороны, мстили крестьянам кнутом, плетью и Сибирью...» При этом, чем безжалостнее были помещики, «тем ожесточеннее становились некоторые, более энергичные личности из крестьян и становились бичом всего населения – и помещиков, и непомещиков»⁴³. Следует обратить внимание еще на одно наблюдение Мордовцева – относительно разбойничьих шаек, которые продолжали существовать и после крестьянской реформы. Автор книги характеризует их как «историческое видоизменение “понизовой вольницы” и пишет, что они являются «почти исключительно продуктом и органическим наследием крепостной России»⁴⁴. Таким образом, «вольница» XIX в., как в дореформенную эпоху, так и после отмены крепостного права, по мнению Мордовцева, не представляла явления столь масштабного и опасного для государственной власти, каким была «историческая пониговая вольница».

Этот вывод Мордовцева не был известен народовольцам 1870-х гг. (Вспомним, что книга очерков «Накануне воли» вышла более чем через сорок лет после ее создания.) Идеологи народовольческого движения в своей оценке «вольницы» исходили из ее описаний, которые были даны Мордовцевым в «Самозванцах и понизовой вольнице» и в «Политических движениях русского народа», т.е. при описании явления XVIII в. А результаты изучения Мордовцевым современного состояния разбойных элементов в Саратовской губернии могли быть полезны участникам «хождения в народ». Они давали возможность более реально оценивать социальную ситуацию в Нижнем Поволжье начала 70-х гг. XIX в.

То же самое можно сказать и о понимании настроений крестьян, возможности восприятия ими антиправительственной пропаганды. В этом плане следует отметить еще одно наблюдение Мордовцева. Он указывает на то, что после отмены крепостного права бывшие крепостные крестьяне утратили общность сословных интересов. Гораздо большее значение, чем прежде, приобрело разделение крестьянства по имущественному положе-

⁴³ Мордовцев Д.Л. Накануне воли. С. 546–547.

⁴⁴ Там же. С. 595.

нию. Кроме того, выходцы из крестьянской среды получили возможность участвовать в судебных органах и органах земского самоуправления.

Эти новые явления отмечены Мордовцевым в заключительных строках книги «Накануне воли». Здесь Мордовцев пишет о том, что, просматривая списки земских гласных, мировых судей, избирателей и гласных городских обществ и присяжных заседателей (имеются в виду списки конца 1860 – начала 1870-х гг.), он постоянно встречал крестьянские фамилии.

Причем на выборных должностях были люди, чьи отцы и деды выступали действующими лицами в драматических событиях, описанных в архивных документах, которые использовал историк для своей книги «Накануне воли». Предки современных земских деятелей, подчеркивает Д.Л. Мордовцев, до отмены крепостного права подвергались тяжелым наказаниям и издевательствам за попытки протестовать против своего бесправного положения⁴⁵.

Выводы Д.Л. Мордовцева о настроениях крестьянства Нижнего Поволжья в последние десятилетия перед реформой, о влиянии отмены крепостного права на социальную обстановку в губернии в первое пореформенное десятилетие, о характере «вольницы» в ту эпоху были вполне справедливы. Об этом свидетельствуют результаты «хождения в народ». Крестьяне в своей массе не откликнулись на пропаганду молодых революционеров. Конечно, книга Мордовцева «Накануне воли» и сделанные им выводы были предназначены не только для радикально настроенной молодежи. Это сочинение должно было заставить задуматься многих современников, принимавших активное участие в общественной жизни страны. Она была очень актуальной для своего времени, и автор стремился донести ее содержание до читателей. Он сделал первую попытку опубликовать ее в журнале «Дело» в 1872 г., но тогда она была запрещена. Вторая попытка ее публикации, уже отдельным изданием в 1889 г., тоже окончилась плачевно – весь тираж был конфискован цензурой и сожжен. Как уже отмечалось, она стала доступной для читателя только в полном собрании сочинений Мордовцева, вышедшем в 1910–1914 гг.⁴⁶

Почему же эта книга знаменитого историка так долго находилась под запретом? Ведь в ней не содержалось никаких высказываний, которые можно было бы истолковать как критику крестьянской реформы или как критику правительственной политики в целом. Скорее, наоборот, автор выражает удовлетворение результатами всех реформ 1860-х гг. В самом

⁴⁵ Мордовцев Д.Л. Накануне воли. С. 603.

⁴⁶ Момот В.С. Писатель-демократ... С.615.

начале книги он подчеркивает, что именно законы, изданные правительством, смогли решить судьбу народа, а сам он был бессилён в борьбе с несправедливыми порядками. А в заключение, как уже говорилось, Мордовцев указывает на участие в земских органах и в судах детей и внуков крестьян, которые «заседают... за одним столом» с детьми и внуками своих прежних владельцев. Напоминая о пытках, которым подвергались «ходоки по отысканию воли», автор книги заканчивает свое сочинение оптимистическим высказыванием: «...Значит, и тою, и другою стороною забыты старые несчастья – потому что это действительно были обоюдные несчастья и той, и другой стороны – теперь обе стороны дружно и честно работают для общего дела. Все забыто – и слава богу». Правда, тут же Мордовцев добавляет: «Ничего не должна забывать только история, хотя она еще менее злопамятна, чем люди»⁴⁷.

Его утверждение, что все забыто, вряд ли можно понимать однозначно. Это было скорее пожелание, чем констатирование факта. Возможно, Мордовцев написал «все забыто», чтобы облегчить путь своей книги к читателю. Но запрет, наложенный на ее публикацию, стал еще одним свидетельством того, что память о крепостной неволе оставалась болезненным наследием и в 70-е, и в конце 80-х гг. XIX в. Казалось бы, позиция автора, который характеризовал крестьянскую реформу и ее результаты как истинное благо для народа, должна была открыть путь к ее публикации. Однако основное содержание книги могло вызывать только неприятие со стороны тех, кто стоял у власти. Очерки из книги «Накануне воли», в которых цитированы или пересказаны архивные документы, поражают правдивостью описания отчаянного положения, в котором оказался русский народ к середине XIX в. В.С. Момот достаточно метко охарактеризовал содержание этого труда: «Со страниц книги встают страшные картины жестокости помещиков-крепостников и беззащитности крестьян перед ними»⁴⁸. Причем Д.Л. Мордовцев настойчиво повторяет мысль о пагубном влиянии крепостного права не только на крестьян, но и на их владельцев, помещиков. Он подчеркивает, что крепостнические порядки развивали всевозможные пороки, моральные уродства в среде дворян. Основу повествования в книге «Накануне воли» составили тексты документов, в которых имена участников событий не были изменены. Дети и внуки жестоких душевладельцев, чьи поступки (их зачастую можно охарактеризовать как преступ-

⁴⁷ Мордовцев Д.Л. Накануне воли. С. 603.

⁴⁸ Момот В. С. Писатель-демократ... С. 614

ления) описаны в книге, в 1872 г. жили и здравствовали. Им не хотелось читать нелюбезные отзывы о своих родственниках. Не желали вспоминать о крайних проявлениях бесчеловечности в эпоху крепостного права и многие политические деятели 1870-х гг.

Вероятно, поэтому книга Мордовцева «Накануне воли» была опубликована спустя сорок лет после того, как была написана. В начале XX в., когда она вышла в свет, значительная часть выводов автора уже утратила свою актуальность. Явное последствие поздней публикации этого труда Мордовцева – то, что радикально настроенная молодежь 1870-х гг. не смогла ознакомиться с его наблюдениями о настроениях крестьян Саратовского Поволжья «накануне воли» и в первое десятилетие после реформы. Вопрос о том, как были бы восприняты народолюбцами указанные наблюдения историка, в принципе, не подлежит обсуждению. Ведь книга не была издана вовремя.

Однако более ранние его труды стали одним из источников создания представлений революционно настроенной молодежи 1870-х гг. о традициях народных восстаний в Нижнем Поволжье. Это были книги «Самозванцы и понизовая вольница» и «Политические движения русского народа». Вероятно, и монография Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» тоже относилась к числу исторических сочинений, которые привлекли внимание участников «хождения в народ» к Саратовской губернии. На основании трудов Мордовцева и Костомарова у народников сложилось устойчивое убеждение в том, что крестьянское население Саратовской губернии не может не откликнуться на антиправительственную пропаганду. Почему революционно настроенная молодежь с доверием относилась к сочинениям этих историков? Их яркие монографии были написаны хорошим литературным языком, с использованием значительного количества источников. Но главное, что привлекало их молодых читателей – это сочувственное отношение авторов к народным выступлениям, стремление историков посмотреть на восстания глазами его участников.

Костомаров для своей книги «Бунт Стеньки Разина» собирал фольклорный материал и привел в ней тексты народных песен. Мордовцев неоднократно высказывал мысль о том, что народные бунты – это попытки борьбы против «ненормального состояния государственного строя» России. Взгляды Костомарова и Мордовцева на события русской истории оказались созвучны представлениям революционно настроенной молодежи 60–70-х гг. XIX в. о прошлом народа. Необходимо отметить, что политические воззрения двух историков имели различия. Взгляды каждого из них на события

современности, конечно, не совпадали со взглядами революционно настроенной молодежи. Мы видели, что даже Мордовцев, который в оценке народных восстаний стоял ближе к революционным демократам, чем Костомаров, был склонен преувеличивать положительные стороны правительственных реформ 1860-х гг. Тем не менее, труды этих двух историков о народных восстаниях в Нижнем Поволжье оказались актуальными для современников, а их наблюдения нашли выход в общественную практику – они были взяты на вооружение участниками «хождения в народ».

**История социальная, национальная, всеобщая:
«Журнал Министерства народного просвещения»
и Историческое общество при Санкт-Петербургском
университете на пороге XX века**

Вплоть до 1880-х гг. историография в России представляла собой автономную область науки, почти закрытую для внешнего мира, не склонную к компаративистике.

Такое положение объяснялось в конечном счете ситуацией возникновения национальной историографии. Действительно, университетская реформа 1835 г., вдохновленная во многом немецкими образцами, в плане институционализации разделила исторические кафедры на два вида: русской истории – с одной стороны, и всеобщей (главным образом, античной и западноевропейской) – с другой. Следствием этого новшества была изоляция русской историографии; эта тенденция стала еще более очевидной после европейской Революции 1848 г. В самом деле, до 1856 г. были полностью прекращены из политических соображений стажировки в зарубежных университетах, которые если и не считались прежде необходимыми, то, по крайней мере, часто использовались для подготовки будущих профессоров-историков. Когда же поездки возобновились, то касались более всего историков Европы и античников, но отнюдь не специалистов по русской истории.

Относительная изоляция, будучи результатом преднамеренного протекционизма, не мешала и даже содействовала расцвету изучения национальной истории. Эта область была оснащена собственной периодизацией, своими источниками, своей специфической терминологией и собственной проблематикой. До середины столетия историографические дебаты вращались вокруг вопроса о месте России в «мире», то есть в Европе. Порожденные спорами между западниками и славянофилами 1830–1840-х гг., они несли отпечаток немецкого происхождения этих течений, так как чаще всего брался немецкий образец для того, чтобы осмыслить всеобщую историю и наделить Россию местом, которое немецкие конструкции ей отнюдь не оставляли. С конца XVIII в. труды историков геттингенской школы, а затем теории Гердера, Шеллинга, Гегеля, наконец, произведения Л. Ранке и немецкого историзма провоцировали на русской почве практику имитации,

трансплантации, реакции или неприятия. Но по мере того, как русские историки обретали профессионализм и углублялись в конкретные исследования, происхождение их концепций забывалось. Историко-философские конструкции (которые в случае Гегеля были неблагоприятны для славян, поскольку он их оставлял за рамками истории) теряли свою жизненность и едва сохраняли память о своем происхождении. Например, С.М. Соловьев, глава кафедры русской истории в Московском университете, занимавший самый престижный пост в своей области науки, обладавший почти неоспоримым авторитетом с 1850 по 1879 г., замышлял «великие планы» универсального характера во время своей учебы и путешествия во Францию и Германию. Но его «История России с древнейших времен», кроме введения, где гегелевский «волк» явно показывал свои уши, не сохранила следов прежних планов, кроме расплывчатой общей концепции, которая измеряла прогресс России прогрессом ее государства¹.

Таким образом, идейная эволюция совпала с институциональными причинами в деле изоляции преподавания и исследования русской истории.

Начиная с 1860-х гг. развитие социальной истории еще более способствовало изоляции российской историографии. На протяжении второй трети XIX в. русские историки, по крайней мере те, которые вышли за рамки чисто событийного и узкополитического подхода в написании истории, стали активизировать исследование русского государства и права от средневековья до конца Московского периода, т.е. до конца XVII в. Чаще всего затрагивались вопросы происхождения институтов княжеской власти, централизации политической власти, истории земельного права и роли государства в установлении крепостного права. Трактовка этих проблем сохраняла некоторое влияние гегельянства, особенно под пером тех исследователей, которых условно объединяли под названием «государственная школа», т.е. тех, которые отдавали приоритет изучению государственных институтов в их историческом развитии. В этом они противостояли славянофильской концепции, которая покоилась на «эссенциалистском» видении русских общественных институтов, происхождение которых славянофилы выводили с помощью методов, выработанных немецким романтизмом.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 1. М., 1959. Т. 1. В предисловии Соловьев наметил три этапа в истории русского народа (родовой быт, государство, наконец, период самопознания собственной истории), которые несомненно имеют гегелевское происхождение.

Однако в 1860–80-е гг. юридическое изучение общественных институтов быстро уступило место их социальной истории. В целом предметы научных интересов оставались теми же, но сменился угол зрения. Право «историзовалось», государство основывалось на общественных отношениях, которые в конечном счете и составляли предмет исторического исследования.

Такова была точка зрения В.О. Ключевского, который заменил Соловьева на кафедре русской истории Московского университета с 1879 по 1911 г. и обладал значительным влиянием на историков Москвы и Петербурга². Например, его работы о происхождении крепостного права высоко котировались и продолжали вызывать споры в начале XX в.³ В своем «кредо», представленном в первой лекции «Курса русской истории»⁴, он четко разделял национальную или «местную» историю, посвященную главным образом социальным отношениям и, следовательно, проникнутую «социологической точкой зрения», и историю универсальную или «общую», посвященную прогрессу цивилизации в мире. Однако ни Ключевский, ни кто-либо другой не взяли на себя труд объяснить поле деятельности исследователя всеобщей истории. Таким образом, Ключевский, который выступает как представитель первой дисциплины, отказывался в конечном счете от второй, в которой без труда можно признать философию истории, а именно – тень Гегеля.

Историк средневековой Англии П.Г. Виноградов (1854–1925), который преподавал в Московском университете и в Оксфорде, очень ясно обозначил это зарождение социальной истории: «Социальная история имеет дело по преимуществу с двумя сторонами общественной жизни: с правоспособностью различных общественных классов и с их хозяйственным положением». И он сразу же ссылается на М.М. Ковалевского: «У М.М. Ковалевского, юриста по своей преподавательской деятельности, в работах по английской истории история хозяйственного быта получает ре-

² См., например: *Emmons T. Kluchevskii's Pupils; The Problem of Russia's «Separate Path» // Historiography of Imperial Russia / Eds. T. Sanders et M.E. Sharpe. Amonk, New York, 1999. P. 118–145, 163–187.*

³ Работы Ключевского, к которым следует прибавить труды М.Ф. Владимирского-Буданова и И.Е. Энгельмана, критиковались В.И. Сергеевичем. Книга М.А. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» (СПб., 1898) продвинула вперед изучение этого вопроса. Дьяконов регулярно сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения» и был очень активным членом Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.

⁴ См.: *Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. М., 1987. Лекция 1.*

шительное преобладание над историей юридических норм»⁵. Не будучи марксистами, историки 1880-х гг. предпочитали социальный подход в изучении государства, его институтов и права, проделывая важный, но безболезненный поворот, так как объекты изучения радикально не менялись. «Социально-институциональная» история России глубоко укоренилась в университетах и публикациях. Но ее подъем во всех заметных проявлениях не положил конец той изоляции, которой, как и прежде, была отмечена русская история. Ее разделение со всеобщей историей проистекало теперь не от романтического и «эссенциалистского» видения народа, а от избранного способа научного описания.

В недрах следующего поколения, которое можно квалифицировать как поколение учеников Ключевского, произошла быстрая эволюция, положившая конец внешней изоляции. Растущее знакомство с университетами и историческими журналами Германии, Франции и Британии, глубокая потребность поставить русскую историографию в связь с другими и определить ее место на шкале стадий «развития» – вот факторы, совокупность которых произвела эффект маленькой научной революции в поколении молодых русских историков.

Притягательность и престиж европейской социологии (французской, английской, немецкой) много значили в этой эволюции, доказательством чему служит, как мы видели, то, что сам Ключевский чувствовал себя обязанным на нее сослаться. Мы могли бы умножить количество примеров, которые показывают это открытие историей социологии, иногда даже мнимую зависимость от последней. В некрологе памяти Н.П. Павлова-Сильванского, опубликованном в 1908 г., петербургский историк А.Е. Пресняков не преминул указать, что покойный «к историческим изучениям... готовился в социологической школе» (Бокля и, особенно, Спенсера)⁶. Кроме особого случая историка, этнографа, юриста, но прежде всего социолога Ковалевского, именно историки часто были в России открывателями западных социологов и их свежих публикаций.

В своем исследовании земельной собственности в Риме И.М. Гревс отмечал новые тенденции в антиковедении, которые отдавали предпочтение социально-экономической проблематике, и цитировал в первую очередь труд

⁵ *Виноградов П.Г.* Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1901. Июнь. С. 324.

⁶ См.: ЖМНП. 1908. Ноябрь. С. 12.

Макса Вебера 1891 г.⁷ Э. Дюркгейм и его «*Année sociologique*» («Социологический ежегодник») также были хорошо известны в России. В статье, помещенной в 1899 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», посвященной первому номеру «*L'année sociologique*», основанному в 1898 г., историк Ф.Ф. Зигель писал так: «Новое издание может послужить сближению социологии с некоторыми специальными науками, которые теперь держат себя в дали (*sic!*) от нее к обоюдной невыгоде. Особенно это относится к истории. Историки должны убедиться, что социологи не отступают даже перед подробностями, но что факты имеют для них значение только, поскольку они сведены к типам и законам. Историк должен сознать, что простое описание невозможно без сопоставления, что “история может быть наукою только, поскольку она объясняет, а нельзя объяснять без сравнения”»⁸.

Это изобретение социальной истории, понимаемой как истории компаративной, пришло скорее из области всеобщей истории, но оно вело к преодолению преграды, отделявшей ее от национальной истории. В своем «Курсе истории Средних веков» И.М. Гревс, цитируя Ранке, доказывал пользу истории, которая из всеобщей становится глобальной, так как она должна «представить жизнь всех народов, во все времена, в их взаимосвязи... формируя единое целое», включая все его аспекты: социо-политический, экономический, материальный, этико-религиозный, научный и художественный. Если невозможно охватить все, необходимо, чтобы точка зрения всеобщего историка всегда была бы перед глазами хорошо образованного историка⁹. Несколько позже в большой журнальной статье, посвященной западной историографии, П.Г. Виноградов также принимал Ранке и его «*Weltgeschichte*» за точку отсчета, но критикуя его: «Ранке стремился создать историю человечества, показывая универсальную историческую жизнь, которая переходит от одного народа к другому», но он недостаточно учитывал «внутреннюю эволюцию каждого государства», и особенно ему недоставало анализа социально-политических форм, например, «большой экономической трансформации античного общества в эпоху империи»¹⁰. По

⁷ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения во времена Империи // ЖМНП. 1895. Февраль. С. 81.

⁸ См.: ЖМНП. 1899. Январь-февраль. С. 482.

⁹ Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских курсах в 1892–1893 гг. (литографированный курс). СПб., 1892. С. 8–9.

¹⁰ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // ЖМНП. 1884. Июнь. С. 245–246.

Виноградову выходило, что только социальная история может реализовать наконец большой и давно задуманный проект всеобщей истории.

В общем, эта ориентация, собственно не свойственная России, приняла здесь такой важный оборот, что большинство значимых исторических трудов, признанных в то время, записывались в разряд социальной истории, в особенности – аграрной. Западные авторы, решавшие большие вопросы происхождения и истории феодализма, были хорошо известны в России: такие как Н.Д. Фюстель де Куланж, которого читали, переводили, комментировали и очень почитали¹¹, Э. Фримен, который был почетным профессором Санкт-Петербургского университета, Г.Л. фон Маурер, Г. Вайц, К. Лампрехт, Ф. Сибом, Ф.У. Мейтленд и т.д. Примечательно, что эта открытость к Западной Европе отразилась также в профессорских курсах всеобщей истории, например, в курсах истории средних веков Васильевского и Гревса, в учебнике по всеобщей истории Виноградова – в них авторы представили очень широкие исторические панорамы¹².

Наиболее значительные русские историки, стоявшие во главе кафедр всеобщей истории, специализировались по проблемам аграрной истории. В.Г. Васильевский занимался проблемами земельной собственности в Византии, в которой он видел наследие римского колоната, а также земельными общинами средневековых славян. П.Г. Виноградов был признанным авторитетом в области английского землевладения в средние века. Он был одним из тех, кто сознательно и систематически использовал выражение «социальная история» для характеристики нового направления историографии в Европе¹³. Его ученики Д.М. Петрушевский (1863–1942) и А.Н. Савин (1873–1923) продолжали его работы, поделив между собой английскую историю от XIV до XVI столетия. Н.И. Кареев (1850–1931) посвящал свои исследования французскому крестьянству XVIII в. в перспективе социальной истории Французской революции¹⁴. Наконец, Н.П. Павлов-Сильванский открыл, как известно, дискуссию о русском феодализме, которую подхватили А.Е. Пресняков (1870–1929),

¹¹ См., например, рецензию И.М. Гревса на работу Фюстель де Куланжа о колонате: ЖМНП. 1886. Ноябрь–декабрь. С. 347–353.

¹² См.: *Васильевский В.Г.* Лекции по средней истории. СПб., 1880–1881; *Он же.* История Средних веков. СПб., 1883–1884, 1891–1893; *Гревс И.М.* История Средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских курсах в 1892–1893 гг.; *Виноградов П.Г.* Учебник всеобщей истории. М., 1913.

¹³ См.: *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в Средние века // ЖМНП. 1886–1887 (Отдельное издание — СПб., 1887).

¹⁴ См. его переведенную на фр. язык диссертацию: *Karéïew N.I.* Les paysans et la petite paysannerie en France dans le dernier quart du XVIII siècle. Paris, 1899.

Н.И. Кареев и др.¹⁵ Вся эта работа, наверное, была бы невозможна, если бы она не была вписана в предшествующие ей западноевропейские дебаты о происхождении феодализма, которые русские историки-всеобщники (Виноградов, Васильевский и их ученики) довели до сведения русских читателей. Историки России, такие как А.Е. Пресняков, Ю.В. Готье (1879–1943), М.М. Богословский (1867–1929), С.Ф. Платонов, М.А. Дьяконов (1855–1919), С.В. Рождественский (1868–1934) и другие, также публиковали работы по социальной истории между 1878 и 1910 г. Обращает на себя внимание то, что понятия и термины, такие как «община»¹⁶, «писцовые книги»¹⁷, «барщина»¹⁸, «отхожие промыслы»¹⁹, «поземельный и подушный налог»²⁰ и т.д., которые до сегодняшнего дня востребованы русской наукой, широко использовались для описания других исторических реалий, будь то римская или византийская история, западное средневековое общество или общество неевропейское. Историки, изучавшие Запад, смело использовали русские понятия, когда имели в виду западноевропейские ис-

¹⁵ Первая книга Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» вышла в 1907 г. после публикации в ЖМНП; вторая книга вышла после его смерти, в 1910 г. К дискуссии, вызванной этой книгой, см.: *Кареев Н.И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России (По поводу теории Павлова-Сильванского). СПб., 1910 (Известия Санкт-Петерб. политех. ин-та. Т. 14).

¹⁶ Это понятие широко использовалось с начала 1880-х гг. Виноградовым – в отношении Англии, Лучицким – в отношении Франции, Ковалевским – в общих работах.

¹⁷ Например, византинист Ф.И. Успенский (1845–1928) в работе «Следы писцовых книг в Византии» (ЖМНП. 1884. Январь. С. 1–43). Спустя два года П.Г. Виноградов в связи с историей Англии в «Исследованиях по социальной истории Англии в средние века» (СПб., 1987). В своих мемуарах, опубликованных только в 1987 г., М.М. Богословский вспоминает свою первую встречу с этим источником, открытым Н.В. Калачовым: «Открывался совершенно новый памятник, говоривший не о событиях и не о героях. В писцовой книге выступает народная масса, тысячи и десятки тысяч простых, рядовых, обыкновенных людей, посадских и крестьян, имена которых она спасла от исторической безвесности, бережно сохранила, как бы для признательности и памяти потомства, которой их труд заслуживает, может быть, не в меньшей степени, чем подвиги героя. Писцовая книга подводила читателя к общественным низам, к тем могучим таинственным силам, которые слагают основы исторического процесса». См.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 43.

¹⁸ У П.Г. Виноградова и Н.П. Павлова-Сильванского.

¹⁹ См.: *Никонов С.П.* К истории отхожих промыслов в Риме, «Leges de oleo Catonis» // ЖМНП. 1895. Октябрь. С. 1–13. Здесь речь идет о сезонных работах свободных людей в Риме; автор интересуется также «societas» свободных работников такого рода, на которые он находит указание у Катона и которые без колебаний определяет как «артель» со своим «старостой», ссылаясь на работы Пахмана по обычному русскому праву.

²⁰ См.: *Ростовцев М.И.* Новые учения по истории финансового управления Греко-римского Египта (по поводу книги U. Wilcken «Die Griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien») // ЖМНП. 1900. Январь. С. 133.

торические труды. Савин, например, явно переводил «community» как «община», «virgate holdings» как «наделы» и использовал такие русские выражения, как «круговая порука», «чересполосное владение»²¹. Полагаю, что эта эволюция русской историографии особенно отчетливо наблюдалась в двух местах Петербурга (хотя она и не ограничивалась этим городом). Речь идет, с одной стороны, о «Журнале Министерства народного просвещения», а с другой – об Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете.

В конце XIX в. «Журнал Министерства народного просвещения» заявил о себе как о главном историческом журнале своего времени. Действительно, в России не было столь авторитетных исторических журналов, как старый немецкий «Historische Zeitschrift» или французский «La revue historique», основанный в 1879 г. Существовавшая тогда историческая периодика была посвящена исключительно русской истории. Три журнала («Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник») можно определить как полупопулярные, причем они были почти целиком посвящены публикации документов. Некоторые журналы общего характера («Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Отечественные записки») регулярно публиковали исторические статьи, которые претендовали на звание научных изданий, но не дотягивали до таковых из-за ограниченности научного аппарата. Тем более, что история или социология могли здесь занимать лишь скромное место, даже если они были связаны с современностью.

Поэтому «Журнал Министерства народного просвещения» играл, хотя и не полностью, но вполне реально, роль перекрестка и законодателя в области гуманитарных наук, в особенности – истории и истории литературы. Этот официальный ежемесячник, основанный в 1834 г., включал со второй половины 1860-х гг. ученую часть, состоявшую из научных статей и узкоспециальных исследований. С середины 1870-х гг. этот раздел принял ярко выраженную историческую ориентацию, возможно, под влиянием историка России XVIII в. Л.Н. Майкова, который был главным редактором.

Эта эволюция журнала проявилась еще более ярко под руководством В.Г. Васильевского (1838–1899), который был его главным редактором с 1890 г. до своей смерти и который придал журналу сильный персональный

²¹ См.: Савин А.Н. Английский юрист в роли историка: Maitland «Domesday Book and beyond», 1989 // ЖМНП. 1898. Ноябрь. С. 310–322; 1898. Декабрь. С. 419–443. Выражение «круговая порука» использовалось с 1886 г. П.Г. Виноградовым. См.: Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии. С. 12.

акцент²². Ученик М.С. Куторги (1809–1886), которого вообще считают отцом русского антиковедения²³, профессор Санкт-Петербургского университета, академик с 1890 г. Васильевский был прежде всего историком классической Греции, прошедшим курсы Моммзена и Дройзена в Берлине и А. Шмидта в Йене. Однако очень рано он начал интересоваться историей поздней античности, а затем Византии, которой он посвятил большинство своих позднейших работ и журнал «Византийский временник», главным редактором которого был с 1894 г. Таким образом, он вообще считался основателем школы византинистов России, поскольку среди его учеников числился и знаменитый А.А. Васильев (1867–1953)²⁴. Научная эволюция также привела Васильевского к занятиям историей Средневековой Руси и славян.

Широкий спектр интересов в сочетании с эрудицией определенным образом повлияли на имидж журнала, которым руководил этот профессор и который сохранил свой профиль после его смерти вплоть до революции 1917 г., тем более что ни один исторический журнал, сравнимый с западноевропейскими изданиями, так и не был основан до Первой мировой войны. Еще при жизни Васильевского его помощниками были другие представители Санкт-Петербургской профессуры: Н.Д. Чечулин (1863–1927) – историк Древней Руси и XVIII в., который играл важную роль в редакции журнала как до, так и после 1899 г., а также С.Ф. Платонов (1860–1933)²⁵.

²² О карьере Васильевского см. некролог, опубликованный В.И. Модестовым (близкий к Васильевскому, он был профессором латинской эпиграфики в Одесском университете, а до того преподавал ее в Петербургском университете до 1889 г.) в ЖМНП (1902. Т. 339. Январь. С. 134–168), а также некролог, опубликованный Н. Чечулиным в «Новом времени» 15 мая 1899 г., перепечатанный затем в издании «Памяти учителя» (СПб., 1901. С. 9–13). См. также: *Бузескул В.П.* Памяти В.Г. Васильевского // Харьковские губернские ведомости. 1899. № 132 (имеется отдельный оттиск); *Платонов С.Ф.* Василий Григорьевич Васильевский. СПб., 1900 (речь, произнесенная в Русском археологическом обществе в ноябре 1899 г.).

²³ В вопросе об исследованиях античности мы опираемся на весьма полный труд Э.Д. Фролова «Русская наука об античности» (СПб., 1999).

²⁴ По этому вопросу см., например: *Исакова Л.В., Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Б.* 100 лет византиноведения в ЛГУ // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1976. Т. 3. С. 26–39.

²⁵ Соответствующие функции Чечулина и Платонова не вырисовываются ясно по документам, которыми мы располагаем. В письме к В.Ф. Миллеру (будущему академику и директору Лазаревского института, а в то время профессору Московского университета) в 1890 г. С.Ф. Платонов писал, что редактирование журнала ложится на Васильевского и на него самого. См.: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930. М., 2003. С. 29–30 (письмо от 27 июня 1890 г.). См. также письма П.Н. Милюкова к С.Ф. Платонову 1891 г.; московский историк там упоминает о

Некоторые другие историки, как античник С.А. Жебелев (1867–1941) или И.М. Гревс (историк античности и средневековья), также принимали активное участие в редакции журнала. Под эгидой Васильевского она превратилась в место, где многие историки публиковали свои первые работы, а именно: свои диссертации, иногда и последующие работы, которые затем появлялись в виде книги. П.Н. Милюков здесь опубликовал свою диссертацию о государственном хозяйстве при Петре Великом в 1891–1892 гг.; А.С. Лаппо-Данилевский свою первую работу в 1884 г.; А.Е. Пресняков в 1895 г.; Н.П. Павлов-Сильванский свои первые сравнительные работы о феодализме в 1901 г.; М.М. Богословский свой труд о местной администрации в XVI в. в 1903 г. и т. д. Эти публикации утверждали историков в их профессии и приносили им кроме авторских прав вполне ощутимый гонорар: порядка 100–180 рублей за статью монографического типа на рубеже столетия²⁶. Кроме того, журнал обеспечивал достаточно обширную сеть иностранных абонентов в славянских странах, в Германии, в Англии и в меньшей степени во Франции²⁷.

В.Г. Васильевский, кажется, не отдавал преимущества близким ему исследованиям, что объясняется «общим» характером журнала, в котором публиковались работы по литературе, филологии и философии. Но история здесь преобладала: в 1890-е гг. более 50% статей «неофициальной части» журнала были историческими²⁸. Бросается в глаза широкий охват исторических дисциплин: античная история, история Византии, история

публикации своей диссертации в ЖМНП: *Корзун В.П., Мамонтова М.А.* «Ваше питерское предложение было для меня гораздо заманчивее...» Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову 1891 г. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 195–217. Из двух писем Платонова к М.А. Дьяконову в 1891 и 1895 гг., кажется, следует, что Платонов принимает самое активное участие в редактировании журнала, но второе упоминает в похвальном тоне работу Чечулина в качестве заместителя редактора. См.: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. С. 44–45 (письма от 1 мая 1891 г. и 25–26 октября 1895 г.).

²⁶ Как это можно видеть из бумаг бухгалтерии этого журнала, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 742. Оп. 2. Д. 2, 3. Например, за первую часть своей статьи, посвященной земельной собственности в древнем Риме, опубликованной в феврале 1895 г., И.М. Гревс получил 162 руб. 50 коп. (РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 36. Л. 33). К сожалению, архив журнала содержит очень мало корреспонденции научного содержания.

²⁷ Как это явствует из списка бесплатной рассылки и обмена 61 экземпляра журнала (РГИА. Ф. 742. Оп. 2. Д. 235, без даты).

²⁸ Включая историю искусства. Подсчитано на основании 1508 научных статей (исключая важную рубрику педагогики), по табелям с 1892 по 1900 г.; история литературы занимала 20% статей. С 1901 по 1910 г. пропорция оставалась та же: 51 % из 1603 статей проходили под рубриками «История», «Право», «Геология» и «Искусство и археология», 23 % – приходилось на историю литературы.

Средневековой Европы, история Древней и Московской Руси. Среди разнообразных предметов, затрагиваемых в этих статьях, сектор истории аграрной, экономической и социальной пользовался явным предпочтением.

Большинство Санкт-Петербургских историков, но также и многие московские и провинциальные историки сотрудничали более или менее регулярно в «Журнале» либо в виде основных публикаций, либо, по крайней мере, в виде рецензий на научные труды или научной хроники. Действительно, мы находим здесь рубрику очень представительных критических рецензий, к которой примыкали некрологи русских и иностранных ученых и важная рубрика, посвященная научной жизни в Европе, включая этнографические, археологические, исторические съезды.

Рецензии часто посвящались только что опубликованным за рубежом книгам. Кроме рецензий на книги русские историки часто публиковали обзоры статей, подчас очень пространные, проливающие свет на западноевропейскую историографию определенных проблем. С 1880-х и до начала 1900-х гг. Виноградов, Савин, иногда Петрушевский вели в «Журнале» регулярную хронику, в которой откликались на важнейшие явления западноевропейской историографии в целом и английской, в частности²⁹. Еще более примечательно то, что историкам, специализировавшимся по русской истории, приходилось публиковать статьи, посвященные зарубежным историкам, например, рецензия Преснякова на программное сочинение П. Лакомба «История как наука» (Париж, 1886)³⁰.

Таким образом, «Журнал Министерства народного просвещения» был одним из главных средоточий компаративных исторических исследований в России. Под влиянием социологии русские историки полагали, что сравнительные исследования социальных феноменов, в особенности аграрных, поверх разделяющих их географических и хронологических гра-

²⁹ См., например, большую обзорную статью П.Г. Виноградова «Очерки западноевропейской историографии» (ЖМНП. 1883. Август. С. 390–408; 1883. Сентябрь. С. 160–192; 1893. Октябрь. С. 371–385; 1883. Ноябрь. С. 176–198; 1884. Январь. С. 237–262); А.Н. Савин последовал этому примеру почти через 20 лет в статье «Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии» (ЖМНП. 1901. Январь. С. 318–344); см. также статью Д.М. Петрушевского «Новое исследование о происхождении феодального строя», посвященную работе П.Г. Виноградова «Villainage in England» (Clarendon Press, 1892) (ЖМНП. 1892. Декабрь. С. 307–376), которая на самом деле является очень важным обзором, и другие работы Петрушевского того же типа, посвященные «разложению феодализма» (ЖМНП. с октября 1896 по март 1897 г.).

³⁰ См.: ЖМНП. 1895. Январь. С. 188–210.

ниц составляют основной исторический метод в конце XIX в.³¹ В этом убеждении их укрепляла не только французская, английская или немецкая социология, но и такие русские авторы, как М.М. Ковалевский (ученик Г. Мэна, способствовавший популяризации его работ в России) или И.В. Лучицкий, работы которого по истории сельских общин открыто пропагандировали гуманитарные исследования, связанные одновременно с социологией, историей и правом. Действительно, эти общественные институты – «аграрный и вообще хозяйственный вопрос, как слишком глубоко коренящийся в свойствах человеческой природы», как пишет Успенский³², – в социологической перспективе менялись по тем же «законам», так что такая фундаментальная форма, как сельская община, составляет «одну из фаз или, вернее, ряд фазисов этого развития, через которые неизбежно проходят все народы»³³. Может быть, больше чем во Франции и Германии, по крайней мере, в плане высказанных притязаний, русская историография приняла вызов социологии и использовала в целях перехода от частных к общим заключениям. Со стороны всеобщей (особенно) и русской истории были переброшены мосты во всех направлениях в надежде на синтез, который бы открывал доступ к универсальному: Ф.И. Успенский, другой ученик Васильевского, мог таким образом цитировать своего учителя, заявляя, что изучение аграрных отношений не было только «делом историков Византии, но также и исследователей всеобщей и русской истории». Примечательно, что в начале работы по изучению поземельных отношений в Византии этот автор также ссылаясь на Спенсера, чтобы констатировать, что знание целого невозможно без знания части, точно так же, как знание части невозможно без знания целого (то есть всеобщей истории)³⁴.

Это изучение стимулировалось вызовом, брошенным зарождающейся социологией и трудами экономистов, но не в меньшей мере и вызовом современности – остротой аграрного и социального вопроса в России. Современники это хорошо сознавали. В предисловии к своему исследованию земельной собственности в Риме Гревс писал в 1895 г.: «К числу таких далеко не вполне выясненных капитальных явлений исторической жизни антич-

³¹ См.: *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века // ЖМНП. 1882. Январь. С. 31.

³² *Успенский Ф.И.* Следы писцовых книг в Византии // ЖМНП, 1884. Январь. С. 30.

³³ *Лучицкий И.* Поземельная община в Пиренеях // Отечественные Записки. 1883. Сентябрь, С. 57–58.

³⁴ *Успенский Ф.И.* Из истории крестьянского землевладения в Византии // ЖМНП. 1882. Январь. С. 31.

ных народов принадлежит в области социальной *история их земельного строя*... Историческая наука не только не дала нам пока общей истории земельной собственности в римской древности, но и вообще *экономическая история Рима* сравнительно недостаточно привлекла внимание ученых... Идея о необходимости тщательного исследования фактов социально-экономической жизни человечества возникла в нашей науке только недавно. Такому повороту значительно содействовало влияние новейших успехов политической экономии и статистики и, шире, то значение, которое приобрели в практической жизни и общественной жизни наших дней вопросы об экономической организации общества»³⁵.

Во многих отношениях Историческое общество при Санкт-Петербургском университете, открытое в 1889 г., было местом, где характерные черты «Журнала» заявляли о себе еще более отчетливо, по крайней мере, в намерениях его основателей.

Его первым избранным председателем был В.Г. Васильевский, что указывает на интеллектуальное родство, связывавшее эту ассоциацию с «Журналом Министерства народного просвещения», и на важную роль, которую в нем играли специалисты по всеобщей истории. Но главным основателем Общества был Н.И. Кареев, который вынужден был принять пост председателя со второго собрания членов-учредителей³⁶. Историк Франции второй половины XVIII в., Кареев много раз ездил за границу, где встречался с некоторыми из вышеупомянутых европейских ученых. Ковалевский, с которым он был тесно связан³⁷, познакомил его во Франции с Фюстель де Куланжем и, естественно, с А. Оларом. Позже Кареев связался с Г. Моно – главным редактором «Revue Historique» и много переписывался с ним. Именно Моно просил его найти корреспондента, который бы регулярно составлял рецензии на русскую историографическую продукцию для фран-

³⁵ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения во времена империи. С. 66–67. Подчеркнуто в оригинале.

³⁶ Об этом см. в двух письмах С.Ф. Платонова М.А. Дьяконову, где он вспоминает «скандал, который разразился в новом Историческом обществе». Платонов принял сторону Васильевского и отказывался иметь дело с комитетом Общества после переворота Кареева, которому он совсем не симпатизировал. См.: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. С. 27–28, 28–29 (письма от 2 декабря 1889 г. и 26 декабря 1889 г.)

³⁷ А также с Ю.С. Гамбаровым и И.В. Лучицким. См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л., 1990. С. 148–149, 154–155. О Карееве см. также: Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1992.

цузского журнала; Кареев предложил себя³⁸. Еще позже Кареев встретил Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, стоявших во главе так называемой «методической» (позитивистской) школы, и совсем на другом «поле» – А. Берра – главного редактора журнала «La Synthèse historique». Последняя встреча имела свои последствия. Кареев опубликовал благоприятную рецензию на работу А. Берра «Синтез в истории» (Париж, 1911)³⁹. Кареев не мог не заинтересоваться идеями Бера, который не ограничивался простым исследованием фактов. В нем Кареева привлекала идея тотальной истории, выходящей за рамки традиционной всеобщей истории. Меньше связанный с Германией, Кареев тем не менее высоко ценил встречи с К. Лампрехтом. Учитывая особый случай историков Французской революции А. Олара, а затем А. Матъеза, можно констатировать, что Кареев был в контакте с теми историками, которые находились в центре историографических дебатов своего времени. Все они не просто были знаковыми авторами в исторической науке⁴⁰, но что касается Моно и Бера, то они играли видную роль в редактировании исторических журналов. Фактически Кареев был очень склонен к теории исторического знания, которой он посвятил множество докладов и публикаций в Историческом обществе⁴¹. Он также пристально интересовался социологией: был близок к Ковалевскому, посещал Р. Вормса, Г. Тарда, Эпинаса, Л. Уорда (но, кажется, пропустил появление трудов Э. Дюркгейма и М. Вебера). Он посвятил им многочисленные статьи и публикации. В 1899 г. Кареев стал вице-президентом Международного института социологии, руководимого Р. Вормсом⁴².

Среди членов-учредителей Общества мы находим И.М. Гревса, а также историков России, в частности, А.С. Лаппо-Данилевского, проявлявшего особую активность в качестве секретаря, Н.Д. Чечулина, С.Ф. Платонова,

³⁸ Об этих встречах и связях Кареева см. его воспоминания: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 218–219; а также письма Г. Моно в архиве Кареева: ОР РГБ (Москва). Ф. 119 (Кареев). Папка 32. Ед. хр. 37. Л. 1–3 (письма Моно от 4 февраля и 29 ноября 1907 г.).

³⁹ Историческое обозрение. 1912. Т. 17. С. 274–287.

⁴⁰ Заметим, что сочинения Ланглуа и Сеньобоса были переведены и опубликованы в России: «Введение в изучение истории» (СПб., 1897, 1899, 1913). Также лекции Сеньобоса в Collège libre des Sciences sociales: (Исторический метод в приложении к социальным наукам / Под ред. П.С. Когана. М., 1902).

⁴¹ *Кареев Н.И.* Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение. 1890. №1. С. 3–34.

⁴² См.: ОР РГБ. Ф. 119 (Кареев). Папка 32. Ед. хр. 9. Л. 1–10б (письмо Вормса к Карееву 10 декабря 1916 г.).

М.А. Дьяконова, В.И. Сергеевича, Е.Ф. Шмурло и т.д.⁴³ Отчасти Общество было наследником старой студенческой ассоциации – Научно-литературного общества, которое было закрыто в 1887 г. В рядах последнего находились А.С. Лаппо-Данилевский, В.В. Водовозов, А.А. Кауфман, И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург – все они были связаны с Кареевым как ученики с учителем⁴⁴, всех их, специалистов разных направлений, мы находим в составе Общества. Исходный кружок находился под заметным влиянием личности Кареева; в него вошел и В.И. Семевский, которому запретили преподавание из-за его политических взглядов, в него вошли и многочисленные специалисты по всеобщей истории, такие как Г.В. Форстен, В.И. Ламанский и т.д. Вскоре Общество уже насчитывало 162 члена – почти все были профессорами-историками, 57 из них – петербуржцы⁴⁵. В середине 1890-х гг. количество членов возросло до 275. Большинство значимых историков того времени вступили туда: мы находим здесь помимо уже названных М.С. Куторгу, П.Г. Виноградова, Ф.И. Успенского, В.И. Модестова, М.А. Дьяконова, позже – В.С. Иконникова, М.И. Семевского, М.М. Ковалевского, С.В. Рождественского, В.И. Герье, П.Н. Милюкова, Н.В. Антоновича, И.В. Лучицкого, Д.И. Багалея, В.И. Ламанского, Н.П. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, М.Д. Приселкова, И.И. Туган-Барановского, В.П. Бузескула, М.И. Ростовцева, то есть историков Античности, Средневековья, европейского Нового времени, Византии и России. К ним можно добавить специалистов по западной и русской филологии (А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов), востоковедов (В.В. Бартольд), социологов (А.А. Кауфман), правоведов (С.А. Муромцев) и др.

Отсутствие В.О. Ключевского, причин которого мы не знаем (они могли быть конъюнктурными, организационными или более важными), подводит нас к вопросу о географической локализации членов общества, которые представляли многие университеты и высшие учебные заведения, но наиболее активными были петербуржцы⁴⁶. Как мы видели, это были

⁴³ См. первый отчет Общества: Историческое обозрение. 1890. № 1, отд. 2 (2-я пагинация). С. 12; а также общий отчет о деятельности Общества: Историческое обозрение. 1915. №20. С. 188–221.

⁴⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 188.

⁴⁵ Следующие сведения в основном основываются на данных журнала Общества «Историческое обозрение» (1890–1916). См., например, первые списки его членов (№ 1. С.57–64). См.: Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинг. ун-та. Л., 1988. Т. 2. С. 138–151.

⁴⁶ Это верно лишь отчасти. Например, М.А. Дьяконов был профессором в Дерптском университете, П.Г. Виноградов и П.Н. Милюков, активно участвовавшие в работе Общества, преподавали в Москве и т.д.

также активисты «Журнала Министерства народного просвещения». Можно ли объяснить это преобладание петербуржцев над москвичами исключительно географическим фактором (расположением общества в столичном университете, опекой министерства)? Этот вопрос заставляет нас коротко остановиться на проблеме, которая активно дискутируется в России два последних десятилетия: о предполагаемом существовании многочисленных «школ» в русской историографии с конца XIX в. Этот сюжет в первую очередь был поднят историками Петербурга, которые противопоставляли свою собственную историческую школу, приверженную к источниковедению и предположительно более строгую в своих трактовках, более склонную к эмпирическим исследованиям, московской школе, более расположенной к теоретическим историческим конструкциям⁴⁷. С тех пор как некоторые московские историки приняли, хотя и в более умеренном виде, это видение, а пример петербуржцев породил последователей в других университетских центрах бывшей Российской империи, например, в Киеве⁴⁸, русский университетский пейзаж имеет сегодня тенденцию к падению на серию «школ», которым придается такое же значение, как геттингенской исторической школе или французской позитивистской школе.

Петербургские историки А.Н. Цамутали, В.М. Панеях и другие охотно опираются сегодня на тексты А.Е. Преснякова (петербуржца), П.Н. Милюкова (москвича), а также С.Н. Валка (петербуржца), чтобы подтвердить свои положения⁴⁹. Однако необходимо заметить, что два первых

⁴⁷ Проблема петербургской и московской «школ» нашла сбалансированное рассмотрение в кн.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 32–47. Здесь же представлена полная библиография вопроса. Автор исходит из того, что две школы существовали, но они представляются слишком схематично с хронологической и типологической точки зрения, они были одновременно представлены в Петербурге, так как влияние Ключевского (который, собственно говоря, не был «теоретиком») достигало и северной столицы (в случае Дьяконова и Платонова), что было также замечено Т. Эммонсом. А.С. Лаппо-Данилевский находился где-то между школами эмпириков и теоретиков. Ростовцев подвергает серьезному сомнению аргументы, на которые опираются сторонники существования «двух школ», но мог бы пойти еще дальше, придя к заключению, что существование «школ» было по большей части мифическим.

⁴⁸ См.: *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (Н.В. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.; Брянск, 1997.

⁴⁹ См., например: *Панеях В.М.* Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа // *Историографические этюды*. СПб., 2005. С. 152–165 (впервые опубликовано: *In memoriam: сборник памяти Я.С. Лурье*. СПб., 1997. С. 133–146). Автор упоминает о «знаменитой петербургской исторической школе», которая формировалась на протя-

текста «основоположников» говорят не об одном и том же. Пресняков в речи на защите своей диссертации в 1920 г. подчеркивал, что он апеллировал к «научному реализму» петербуржцев, т.е. к их уважению к источникам независимо от любой предварительной теории, унаследованной из традиции. Со своей стороны Милюков в «Воспоминаниях» противопоставлял слепому эмпиризму (французы сказали бы «позитивизму») петербуржца Бестужева-Рюмина⁵⁰ критический метод, унаследованный из Геттингена и представленный более в Москве, чем в Петербурге: как известно, вышеупомянутый метод совсем не предполагает необходимости теоретических конструкций, но обязательно – критическое изучение источников и, следовательно, научную строгость. Следует добавить, что Пресняков испытывал еще до падения старого режима очевидный интерес к теории истории, и его некролог, посвященный Павлову-Сильванскому, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1908 г., обнаруживает глубокие размышления и не менее глубокое уважение к компаративной истории и социологии⁵¹, то есть к тому, что уводит нас далеко от изучения источников Бестужева-Рюмина и от метода работы Платонова.

Эти тексты имели ретроспективную направленность. Кроме того, два процитированных автора были единственными историками того поколения, высказавшимися таким образом. Если мы исследуем тексты начала

жение всего XIX и начала XX в. и которая расцвела в последние десятилетия (этого периода), благодаря таким крупнейшим ученым, специализировавшимся в области истории России, как Платонов, Лаппо-Данилевский, Шахматов, Павлов-Сильванский, Пресняков и др. В деталях он ссылается на Валка, а также на Преснякова, чтобы сформулировать фундаментальные принципы этой школы (С. 153–154). См. также работу этого автора в том же сборнике: *Панях В.М.* Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // *Историографические этюды*. С. 187–222 (впервые опубликовано: У источника. М., 1997. Вып. 1: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. С. 490–545); *Он же*. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; *Цамутали А.Н.* Петербургская историческая школа // *Интеллектуальная элита Петербурга*. СПб., 1993. Ч. 1. С. 138–152; см. также работы В.С. Брачева, который придает оппозиции Москва – Санкт-Петербург политическое значение: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый, педагог, человек. СПб., 1997; *Он же*. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.

⁵⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 161–162.

⁵¹ Пресняков А.Е. Н.П. Павлов-Сильванский (Некролог) // *ЖМНП*. 1908, Декабрь. С. 11–17. Из-за недостатка места мы не можем здесь проанализировать по достоинству эту короткую, но содержательную статью. В ней Пресняков характеризует интеллектуальный путь Павлова-Сильванского, под пером которого сравнительные исследования феодализма были прогрессивно сориентированы от синхронного описательного метода (унаследованного от социологии) к более комплексному историческому подходу, позволяющему изучать эволюцию обществ, не заменяя историю социологией.

XX в., то встретим идею не многих исторических школ, а *одной русской исторической школы*. Например, уже цитированный некролог Чечулина, посвященный трем петербургским историкам, упоминал их как выдающихся представителей «русской исторической науки», а отнюдь не в локальном плане⁵². Идея локальной школы была, очевидно, чуждой историкам того времени, более озабоченным тем, чтобы заявить о русском присутствии в мировой научной жизни, чем отметить местные различия. Что касается очень содержательного и тщательного эссе Валка⁵³, то он описал зарождение петербургской школы, подчеркивая вслед за Пресняковым ее научные качества, и, будучи далеким от того, чтобы считать ее территорией историографии России, как это делают современные историки, он старался охватить работы петербуржцев в их совокупности, отводя много места историкам Античности, а также Средневековья, европейского Нового времени. По Валку, эта школа зародилась благодаря Васильевскому, который, с одной стороны, решительно вводил «критический метод» в России, а с другой – весьма способствовал помещению истории России в контекст всемирной истории. Впрочем, содержание, которое Валк вкладывал в понятие «школа» (он не давал его определения), остается скромным, скорее географическим, чем методологическим.

Идея оппозиции двух «школ» кажется нам производной от ретроспективной историографической конструкции, которая преувеличивает, часто в панегирическом стиле, едва уловимые тенденции и нюансы, которые ограничиваются сферой истории России. При этом не вполне адекватно приоритет отдается трудам некоторых историков (например, Бестужева-Рюмина и Платонова, с одной стороны, Милюкова, Покровского Рожкова – с другой) в ущерб другим. Действительно, можно ли оценить эрудитские работы москвичей А.А. Кизеветтера и М.М. Богословского как результат теоретического подхода, а очень амбициозные компаративные работы петербуржца Н.П. Павлова-Сильванского как эмпирические исследования, ограниченные в своем предмете? Еще более важно то, что эта конструкция склонна рассматривать русскую университетскую жизнь так, будто ее действующие лица оставались привязанными к определенным городам: «теоретик» Кареев, игравший важную роль в Петербурге, обо-

⁵² Чечулин Н.Д. Памяти учителей. К.Н. Бестужев-Рюмин, В.С. Васильевский. Л.Н. Майков. СПб., 1901. С. 6.

⁵³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106 (впервые опубликовано: Ленинградский государственный университет. Труды юбилейной научной секции ЛГУ. Секция исторических наук. Ленинград, 1948. С. 3–79).

значен как «москвич» под предлогом его изначально московского образования. Это конструирование школ, интересное само по себе с точки зрения послевоенной интеллектуальной эволюции, кажется нам лишенным оснований применительно к историографии начала XX в., когда деятельность Исторического общества при Санкт-Петербургском университете была особенно показательной.

Это общество не имело аналогов в России, так как другие исторические общества, даже более старые, которые существовали в Москве (Общество истории и древностей Российских) и в Санкт-Петербурге (Императорское Русское историческое общество)⁵⁴, были целиком обращены к изучению русской древней и новой истории и их периодика принципиально состояла из публикаций документов. Оно имело лишь отдаленное сходство с Юридическим обществом, находившимся в Московском университете, которое сильно выделялось своими социологическими исследованиями и ролью в дискуссиях по политическим вопросам.

Историческое общество не стремилось выйти за рамки исторических исследований, но оно должно было унифицировать историю как исследовательскую дисциплину, сближающую историю Западной Европы с историей античности и России, наконец, оно должно было служить местом теоретических размышлений по методологии истории. Таковы были принципы, сформулированные в статусе Общества и в многочисленных выступлениях Кареева⁵⁵. Будучи очень амбициозным, Кареев имел преобладающее влияние в начале деятельности Общества, что негативно сказывалось на поведении его коллег. Но цели, которые он преследовал, кажется, разделяли многие историки разных возрастов: приоритет социальной истории, важность социологии как смежной дисциплины и как источника вдохновения, необходимость поисков места русской истории в громадном поле всеобщей истории. В уже цитированном некрологе Павлова-Сильванского Пресняков приписывал своему другу качества, необходимые для «плодотворного пересмотра существенных общеисторических вопросов», что приводило к «признанию, что изучение русской истории столь же важно для западно-европейской науки, как и обратные научные отношения»⁵⁶.

⁵⁴ Можно также упомянуть Московское археологическое общество, Историческое общество Нестора-летописца в Киеве, историко-филологические общества в Одессе и Харькове, Общество археологии, истории и этнографии в Казани и др.

⁵⁵ См. речь на открытии Общества Н.И. Кареева в «Историческом обозрении» (1890, 31) и опубликованный там же статут общества.

⁵⁶ *Пресняков А.Е.* Н.П. Павлов-Сильванский (Некролог). С. 15.

Кареев претендовал на то, чтобы основать издание Общества, способное успешно сравниться с «Historische Zeitschrift» или с «Revue historique»⁵⁷. В большой программной статье, опубликованной в первом номере журнала «Историческое обозрение», издаваемого Обществом, Кареев и Форстен называли эти зарубежные издания, обращая внимание на три аспекта, которые им представлялись существенными и которые, как им казалось, наилучшим образом представлены в этих журналах: их открытый и универсальный характер, т.е. охватывающий все области истории, их роль трибуны для дискуссий между историками, в том числе по вопросам теории истории, их открытость для исторической продукции других стран, в частности, благодаря рубрике, посвященной публикациям и научной жизни. Авторы также сожалели о неосведомленности читателей большинства европейских стран в русской научной продукции⁵⁸. Сближение между различными отраслями истории должно происходить по ряду теоретических причин: история славян и Руси, вопреки утверждениям славянофилов, составляет часть всеобщей истории; история античности не должна обрываться на классическом периоде, но должна продолжаться дальше и примыкать к средневековой и новой истории, что подтверждается ретроспективным значением Античности для Ренессанса⁵⁹.

Общество (и редакция журнала) старались информировать российское университетское сообщество о научной жизни в Западной Европе, а также знакомить читателей Западной Европы с продукцией русских университетов. В 1892 г. журнал опубликовал большую статью, подписанную Гревсом и учеником Кареева П.Д. Погодиным, посвященную историческому образованию в высших учебных заведениях Парижа. Она была нацелена на открытие целой рубрики и имела программный характер.

Общество переживало период расцвета до 1899 г. – начиная с этой даты, оно до некоторой степени пришло в упадок, между прочим, и потому, что либерал Кареев был исключен из университета вследствие позиции, занятой во время «студенческих беспорядков»⁶⁰. Сыграли свою роль и важное по-

⁵⁷ Историческое обозрение. 1890. № 1. С. 9.

⁵⁸ Кареев Н.И., Форстен Г.В. Иностранные исторические журналы // Там же. С. 244–253.

⁵⁹ Кареев Н.И. Всеобщая история в университете // Историческое обозрение. 1891. Т. 3. С. 14–15.

⁶⁰ С этого времени собрания Общества перестали быть публичными, что сократило количество присутствующих.

ложение, которое Кареев занимал в Обществе, и его плохие отношения с некоторыми коллегами, в частности, с Платоновым⁶¹.

Интересно проанализировать тематику сообщений, представленных на заседаниях Общества. Из 359 докладов 109 были посвящены всеобщей истории, 172 – истории России, 25 – теории истории, остальные распределялись между вопросами образования, рецензирования и научной жизни, а также были посвящены смежным сюжетам других дисциплин (филологии, этнографии, социологии). В трех вышеуказанных исторических категориях из 306 докладов 84, т.е. более четверти, были посвящены социальной или экономической истории, или вопросам социологии, или экономики. Из этих восьмидесяти четырех 54 относились к аграрной истории, из них 5 по русской истории касались изучения писцовых книг. Многие из этих сообщений затем нашли место на страницах журнала Общества. Он также публиковал отчеты о курсах лекций, научных дискуссиях, защитах диссертаций.

Впоследствии Кареев признал два принципиальных недостатка Общества⁶². Во-первых, журнал Общества не смог играть отведенной ему роли, главным образом, из-за недостатка средств, но также, может быть, вследствие разобщенности и консерватизма. Во-вторых, разделение Общества на секции (в частности, наиболее многочисленная и однородная секция русской истории и секция всеобщей истории, гораздо более разрозненная) порождало тенденцию к воспроизводству традиционного раскола и мешало Обществу, общие собрания которого становились все более редкими в первые годы XX в., играть роль плавильного котла новаций, которую Кареев ему отводил. Это не мешает нам признать отчасти неудавшуюся попытку показательной для своего времени, в частности, для 1890-х гг., когда история, облагороженная и побуждаемая современностью, стала театром новых потребностей и видела новые открывающиеся горизонты. Ее выход на простор, который происходил параллельно с растущей профессионализацией и структурированием, обозначил в России дебют нового поколения историков в области Античности, Средневековья, Нового времени, как Европы, так и Востока. Эта тенденция была слабой, но вполне заметной: имена Кареева,

⁶¹ Платонов, положение которого в Санкт-Петербурге становилось все более влиятельным, более тяготел к другому более престижному, но и более консервативному и официальному обществу, каким было Императорское Русское историческое общество, членом которого он стал в 1902 г., а членом совета – в 1908 г.

⁶² См. отчет о деятельности Общества с 1889 по 1915 г.: Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 194.

Виноградова, Гревса, М.И. Ростовцева (1870–1952), П.Н. Милюкова (1959–1943) становились известными на Западе, а некоторые из них развивали все более и более тонкие идеи в области компаративной истории, которые предвосхищали знаменитую статью М. Блока (см. отзывы на труд Павлова-Сильванского).

Мы лишь кратко представили издание и научное общество, которые, кажется, должны были играть большую роль, во-первых, в эволюции русской историографии в сторону социальной истории и в ее включении во всеобщую историю и, во-вторых, были собственно проявлением этой эволюции. Конечно, это не было единственное место, где русская и всеобщая история должны были скрещиваться в недрах большого проекта социальной истории. Некоторые журналы могли играть сходную роль. Изучение русских научных обществ именно Серебряного века – это дело, которое еще предстоит осуществить и которое может преподнести нам сюрпризы в этом плане. В начале XX в. Русская высшая школа общественных наук в Париже, основанная М. Ковалевским в 1901 г., также была местом, где одновременно происходили контакты разных общественных наук, где имело место общение между русскими и западноевропейскими университетариями, между специалистами по истории России из разных стран⁶³. Журнал глобальной истории, о котором мечтал Кареев, увидев свет в 1915 г., внезапно прервал свое существование. Речь идет о «Русском историческом журнале», существование которого было прервано революцией 1917 г. Он объединял большинство видных историков своего времени, кроме Платонова. После революции 1905 г., многие историки, как «русисты», так и «всеобщники», по образцу своих французских и немецких предшественников опубликовали сочинения, посвященные анализу исторического знания⁶⁴.

Перевод с французского *С.А. Мезина*

⁶³ См. об этом очень содержательную работу: *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.) М., 2004. Она содержит массу новой информации «с русской стороны», но контакты между русскими (Ковалевский, Кареев, Виноградов, Лучицкий, Милюков, Чупров, Гамбаров и др.) и французскими (Сеньобос, Леруа-Болье, Сорель, Вормс, Тард, Мосс и т.д.) университетариями, а также влияние этой школы на эволюцию русских специалистов в книге не рассматриваются.

⁶⁴ Например, вслед за Кареевым Р.Ю. Виппер выпустил «Очерки теории исторического изучения» (М., 1911) и А.С. Лаппо-Данилевский – «Методологию истории» (СПб., 1910–1913. Т. 1–2).

Первые исследования М.В. Нечкиной в историографии

О Милице Васильевне Нечкиной (1901?–1985)¹ накопилось немало литературы². В дальнейшем предстоит написать обобщающую монографию, подобную той, какую сама академик создала о В.О. Ключевском³. Однако прежде чем приняться за столь капитальное дело, придется выяснить ряд еще неясных обстоятельств ее жизни и творчества. В частности, как и когда Нечкина заинтересовалась историей и ее самостоятельным элементом – историографией.

О недостатках дореволюционной гимназии говорилось очень много. Повторяться нет надобности. Заметим только то, что гимназистка Милица Нечкина вполне вкусила бессмысленность тупой зубрежки и старалась пополнить знания чтением серьезных книг и журналов. В школьные годы многое зависит от учителя. С переездом из Ростова-на-Дону в Казань гимназистке повезло. Учителем истории у нее оказался талантливый магистрант всеобщей истории С.П. Сингалевич. Критически настроенная ученица седьмого класса, разделяя изучаемые дисциплины на необходимые и ненужные, занесла историю в список первых. Дневник девушки содержит любопытные строчки: «Я сознаю, что мне надо хорошо знать историю, не факты вроде того, через какие ворота Дмитрий Самозванец въехал в Москву и у кого пировал Петр Великий, когда ему доложили о заговоре против него Саковнина и Пучинина, а настоящую историю»⁴. Таковой увлекавшаяся позитивистами Нечкина считала науку, отражавшую «движение законов

¹ Год рождения 1901 указан в «Советской исторической энциклопедии» (М., 1967, т. 10, столб.147). А.Н. Гребенкина (Бисташева) обнаружила несоответствие этого с реальностью. Изучив архивные документы, она установила, что М.В. Нечкина родилась 12 февраля (ст. стиля) 1899 г. См.: *Гребенкина А.Н.* Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов в Казанский период: автореф. дис. ... ист. наук. Казань, 1992. С. 10. Это совпадает и с нашими наблюдениями. В дневнике Нечкиной 8 марта 1917 г. записано: «...во время революции 5-го года (мне было 6 лет) писала революционные стихотворения...» (Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 246. Л. 141). Вот более ранняя запись от 12 ноября 1914 г.: «Я живу еще все-таки немного на свете, всего 15 лет» (Там же. Д. 245. Л. 170об.). Исследователям предстоит установить, как произошла подмена.

² См.: Милица Васильевна Нечкина (1901–1985) / Вступ. ст. М.Г. Вандалковской и В.А. Дунаевского. М., 1987.

³ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1820. Оп. 1. Д. 246. Л. 2–3об.

истории»⁵. Гимназистку более занимала социология и она прочитала по этому предмету несколько довольно сложных работ.

Ближе к концу 1915/16 учебного года девушка, настроенная на высшее образование, переговорила о получении исторического образования с профессором М.М. Хвостовым – крупным специалистом по античности.

Беседа запала в душу М.В. Нечкиной. Она, заноса в тетрадь события дня, даже отказалась от их детализации. «Я не хочу писать очень подробно о времени, проведенном у него (Хвостова. – Ю.И.), потому что я не хочу портить и разбавлять впечатление». Запись завершена словами: «Я очень рада, что была у него. Поразила меня его любезность и внимательность. Кажется, гимназистка-семиклассница пришла, ничего интересного собой не представляет, разве кроме курьеза, что она, еще неокончившая гимназию, мечтает о профессуре и говорит о социологии ...»⁶. Встреча имела то последствие, что девушка захотела учиться именно у этого профессора.

Желая разузнать, насколько успешно осуществляет Хвостов научное руководство, гимназистка принялась расспрашивать Сингалевича, благо учитель проводил экскурсию по Казанскому кремлю, что создавало непринужденную обстановку. Незаметно разговор перешел в другое русло: о степени достоверности выводов исторической науки и о ее предназначении. Нечкина поделилась давно вынашиваемой мыслью, что исторические исследования являются всего лишь материалом для социологических обобщений с целью выявления законов развития общества. Собственно говоря, такая мысль и побуждала гимназистку получить в будущем высшее историческое образование. Однако ответ Сингалевича был ошеломителен: «Никаких законов в истории нет». Ученица, возможно несколько патетически, передала свою реакцию: «У меня в сердце со звоном порвалась какая-то струна. “Как нет? Быть не может!!”»⁷ Так у Нечкиной появились сомнения в правильности намеченного пути.

Она продолжила учебу в восьмом специализированном классе гимназии, избрав математический уклон. Ее привлекала наука, приучавшая к строго логическому мышлению. В гимназии ее и застала Февральская революция, показавшаяся осуществлением либеральных мечтаний всей семьи. Ученица с энтузиазмом включилась в общественную жизнь. Впрочем, вскоре порыв выдохся, поскольку воцарившийся хаос давал о себе знать буквально повсюду.

⁵ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922. С. 162.

⁶ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д.246. Л. 16об.

⁷ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д.246. Л. 52.

Нечкину больше занимал вопрос, куда пойти учиться. Абитуриентка долго решала, какой выбрать факультет. В дневнике отражены ее сомнения: «Прежде я не колебалась – исторический, но теперь нет. Я хочу истинной науки, а история не есть таковая»⁸. Так отозвались всего четыре слова учителя. Не обошлось тут и без доброхотов, подававших противоречивые советы. И, несмотря на все, период колебаний завершился поступлением Нечкиной вольнослушательницей на историко-филологический факультет Казанского университета. А когда через два месяца произошла Октябрьская социалистическая революция, вольнослушательнице до нее было мало дела. Нечкиной, чтобы стать полноправной студенткой, пришлось сдавать на аттестат зрелости и она, не отрываясь от университетских занятий, готовилась к экзамену по физике и латинскому языку на аттестат зрелости по программе мужской гимназии.

Годы учения Милицы Васильевны в университете (1917–1921) были очень трудными. Сказывались разруха, голод, сыпной тиф и другие последствия гражданской войны. Вот мнение одного казанского историка: «Несомненно, период 1918–1921 годов был одним из самых сложных для университета и истфила»⁹. Сложности сказывались в полной мере и на бытовом уровне. Тем не менее, к 1919 г. студентка всецело прониклась большевистским сознанием. Свои революционные чувства она излила в поэме, прославляющей ЧК'а. Руководству Татарской чрезвычайной комиссии творение поэтессы понравилось и Нечкину встречали благосклонно, когда она приходила хлопотать за арестованных отца и приятелей. Конечно, на студентку влияла марксистская литература, которую она жадно поглощала, сказывался настрой молодежи, с которой ей доводилось общаться, и хорошее отношение коммунистов, с которыми она работала на вещевой базе при штабе военного округа.

Преодолевая различные невзгоды, Милица Васильевна упорно пробивалась к знаниям. Университетская обстановка, лишенная мелочной регламентации, ей чрезвычайно импонировала. С огромным удовольствием студентка готовила семинарские доклады. Реферат о декабристе П.И. Пестеле в семинаре профессора Огородникова принес первый успех. Затем последовали доклады на занятиях по средним векам у Бречкевича и по французской революции у Хвостова. Как видим, стройной системы в прохождении учебных дисциплин не имелось. В Казани повторялось то, что будущий

⁸ Там же. Л. 150.

⁹ *Зайцев А.В.* Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. Казань, 1998. С. 14.

академик, а в начале 20-х гг. прошлого века студент МГУ Б.А. Рыбаков запечатлел в воспоминаниях «История и перестройка» (М., 1989). Нарушение хронологической последовательности затрудняло понимание существа исторического процесса и восполнялось только усиленной проработкой материала.

С первого же курса студентка желала принять участие в конкурсе на медальное сочинение, причем непременно у Хвостова. Когда на доске объявлений появилось название темы «Теория прогресса в XVIII в.», первокурснице захотелось познакомиться с объяснительной запиской, обычно прилагаемой к теме. Таковой нигде не оказалось. Тогда студентка решила: «Пойду к самому». После встречи с профессором в дневник была вписана загадочная фраза: «Определение Хвостова: человек больной самим собой»¹⁰. А вслед за ней через несколько дней Нечкина записывает: «Я хотела бы заниматься только русской историей, сейчас стыдно тратить силы на изучение французской революции»¹¹. Хвостов же во время распространения на город власти Комитета членов Учредительного собрания был избран делегатом съезда по вопросу высшего образования и в конце августа 1918 г. отправился в Самару, где должны были проходить заседания. Обратного в Казань ученый не вернулся и в 1920 г. умер в Томске, заразившись сыпным тифом. Занятия на втором курсе у Нечкиной начались со слушания лекций по историографии профессора П.Г. Архангельского. Студенты посещали их неохотно, и профессор вскоре обратил внимание на прилежную студентку. Когда в объявленном им семинаре по Герцену распределяли доклады, руководитель поручил ей один из трудоемких – «Отношение А.И. Герцена к существующему социально-политическому строю и социальной борьбе». Милица Васильевна собрала на своем письменном столе все, что имелось в библиотеках города о Герцене и его труды. Работала над литературой четыре месяца. Доклад занял три семинарских занятия. О его качестве можно судить по дальнейшему развороту событий. Во-первых, Архангельский предрек студентке профессорское будущее. Во-вторых, предложил рассказать о Герцене в Обществе археологии, истории и этнографии, где собирались профессоры и преподаватели Казани. Предложение было принято. В дневнике выступившая отметила: «После доклада меня поздравили с “блестящим” докладом, аудитория хлопала»¹². Кавычки

¹⁰ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 246. Л. 281.

¹¹ Там же. Л. 342.

¹² АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 247. Л. 191.

внутри цитаты свидетельствуют, что Нечкина иногда относилась к себе с долей иронии. Докладчица, выступая перед почтенной аудиторией и не имея перед собой даже конспекта, держалась свободно, говорила долго, и слушатели не подозревали, что ей приходилось преодолевать мучительные боли, которые были вызваны туберкулезом позвоночника.

Обострение болезни не позволило Нечкиной принять участие в конкурсе на лучшую студенческую работу 1919 г., хотя Архангельский предложил тему – «Приложение теории экономического крестьянина к изучению русской истории». Студентку отправили в санаторий, из которого она возвратилась на третий курс.

В январе 1920 г. профессор заранее сообщил своей ученице тему предстоящего медального сочинения – «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых (критико-библиографический обзор трудов данного направления и выявление роли последних в развитии русской науки)». Похоже, что сложное заглавие отражало смутное представление Архангельского о содержании предстоящего сочинения. Нечкина же за тему взялась с жаром. Правда, 41 год спустя академик М.В. Нечкина заявила: «Я просила заменить непосильную для меня тему конкретно-исторической по истории рабочего класса, но мне в этом было отказано»¹³. Следов подобной просьбы мы в ее дневнике не нашли, но обнаружили иное. Составив библиографию по 25 русским историкам-материалистам, конкурсантка установила, что ей предстоит изучить 40 тысяч печатных страниц. Сделав подсчеты, она впала в панику. Оказалось, что, изучая в сутки по 25 страниц, только на их чтение придется затратить около пяти лет. Взвесив это обстоятельство, студентка выдвинула профессору условие: «...или я ограничиваю тему Рожковым и Покровским, давая вводные главы о состоянии русской историографии, или я не пишу вовсе»¹⁴. Названные историки привлекли ее внимание ранее, и по ним был собран значительный материал.

Разговор с научным руководителем передан в дневнике очень кратко: «Объяснение с Архангельским, он резко против моей формулировки темы. Надо дать характеристику всего направления – читать всего не надо, просмотреть главное. Я долго доказывала свое, осталась при своем мнении, решила не писать сочинение»¹⁵. Несколько дней Нечкина провела в тяже-

¹³ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 376. Л. 78.

¹⁴ Там же. Д. 249. Л. 179, 173.

¹⁵ Там же. Л. 174.

лых раздумьях. Жалко было расстаться с давней мечтой – поучаствовать в конкурсе студенческих работ, ведь больше такой возможности не представится, больно было не использовать собранные материалы. И она засела за сочинение. Пришлось забросить занятия, получить на службе отпуск. Наконец 11 сентября 1920 г. труд был закончен. Нечкина взялась писать дневник. «Ночь. Девочки (сестры. – Ю.И.) спят. Я сижу за столом. Горит моя зеленая лампа. Справа и слева две огромные баррикады книг, скопившиеся почти за девять месяцев непрерывной ожесточенной работы. Кроме книг – груды тетрадей, заметок, около семи папок заметок, вызванных этой работой»¹⁶. Для сочинения объемом 644 рукописных страницы Нечкина в качестве девиза выбрала изречение Д.И. Писарева «Слова и иллюзии гибнут, факты остаются».

В советской республике золотые медали отменили. В силу этого сочинение удостоилось почетного отзыва. Нечкину такая замена не расстроила. В августе 1916 г. ей вместе с аттестатом об окончании седьмого класса гимназии вручили только свидетельство на золотую медаль. Война заставила экономить.

Сочинение издали, потребовав несколько сократить рукопись. Книга получила вполне академическое заглавие: «Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк)» (Казань, 1922). Перед публикацией Нечкина намеревалась переделать свою первую работу, но обстоятельства сложились неблагоприятно. И как-то, перечитывая записки, она карандашом пометила: «К сожалению, переделок не удалось сделать, как хотела»¹⁷.

Сочинение получилось не таким, каким оно представлялось научному руководителю, и не таким, как оно первоначально задумывалось автором. Это и понятно. Задание было неподъемным. Конкурсантке пришлось столкнуться с нетронутой исследовательской целиной. Позднее Нечкина отметила: «Тема вообще была очень трудной для студентки – достаточно сказать, что за истекшее сорокалетие ни один аспирант не взял этой темы и вообще новой работы по этому вопросу».

Нечкина сразу же столкнулась с тем, что молодая российская история исторической науки не определила еще требования к историографическим исследованиям. Тогда то она и начала вырабатывать такие требования, занимаясь их совершенствованием и углублением до конца жизни.

¹⁶ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 248. Л. 7об.

¹⁷ Там же. Д. 376. Л. 194 «ж».

Конкурсантка была убеждена, что, приступая к изучению творчества отдельного историка, нельзя игнорировать его биографию, которая интересна уже сама по себе и должна помочь связать особенности творчества ученого с обстоятельствами жизни. Ведь его труды являются «главными событиями этой жизни» (с. 12). Позже Нечкина убедилась, что не все здесь так просто, как казалось вначале, но биографический метод в ее исследованиях присутствовал.

Конкурсантка заметила, что не всегда ученый, декларировавший свои теоретические установки, воплощает их в конкретных трудах. Поэтому предлагала обязательно сосредоточивать внимание на установлении единства теории и практики у того или иного историка, а если есть расхождение, то выяснять, чем оно обусловлено. Предлагалось также проследить, как складывалась судьба опубликованной работы: не было ли дистанции между ее окончанием и изданием, степень распространения произведения, отношение современников, стала ли работа достоянием науки.

После того, как подобным образом будет рассмотрен каждый историк изучаемого периода, автор считала возможным переходить к наиболее интересной части исследования, а именно – к созданию общей картины развития «истории истории» (с. 12) на данном отрезке времени. Здесь молодая исследовательница считала нужным предусмотреть два момента: «...вопрос о влиянии одного историка на другого и тесно связанный с ним вопрос о заимствованиях» (там же). Причем она предостерегала от поспешных необдуманных заключений, поскольку нельзя забывать случайных совпадений мыслей у различных людей. «Прочитанное забывается, услышанное не всегда помнится, а умственная работа личности идет своим чередом и часто ей приходится “открывать Америку” совершенно независимо от предыдущих исследователей» (с. 18).

Подводя итоги теоретической части сочинения, автор задумалась над вопросом: возможно ли рассматривать ход исторической науки в качестве самостоятельного процесса? Ведь многие ее проблемы возникают не в силу результатов, полученных предыдущими исследователями, а вследствие того, что «...на них обратило внимание настроение общественной мысли, чаще всего совершенно не считающейся с научными задачами» (с. 21). Окончательного ответа в работе не дано, но аргументы в пользу «несамостоятельности» содержатся. Следовательно, сомнения в самостоятельности исторической науки в какой-то мере оставались.

Рассмотренная нами часть работы, конечно, во многом несовершенна. Тем не менее, ее значение отрицать невозможно. Глава показывает, что

Нечкина еще студенткой стала искать научный подход к задачам историографии, пыталась выяснить ее теоретические основы. И во второй половине жизни она столько сделала для этой теории, что мы охотно пользуемся ее разработками системного подхода к изучению истории исторической науки.

Вторая глава «Основные положения и эволюция теории экономического материализма» построена на высказываниях К. Маркса и Ф. Энгельса по проблемам материалистического понимания исторического процесса. Название главы не должно нас удивить. Г.А. Алексеева, изучавшая тот период, очень точно подметила: «В первые послереволюционные годы, когда влияние ленинизма не было всеохватывающим, как это стало позднее, марксизм нередко трактовался историками как “экономический материализм” (например, М. Покровским)»¹⁸. Слова историка целиком относятся и к Нечкиной. Ибо та признавалась: «Собрания сочинений В.И. Ленина тогда еще не было. Небольшая работа М.Н. Покровского “Экономический материализм” была одной из главных моих опор»¹⁹. Изданная в 1906 г. и в двадцатые годы переизданная чуть ли не в каждом губернском городе брошюра открывалась словами: «Экономическим или иначе “Историческим материализмом” называется такое понимание истории, при котором главное, преобладающее значение придается экономическому строю общества...»²⁰. Какие сомнения могли возникнуть у студентки, для которой Покровский стал высшим авторитетом?

Прорабатывая литературу вопроса, студентка заметила, что в ней учение основоположников марксизма «...подверглось очень сильной вульгаризации» (с. 27). Такое явление она объяснила формой, в которой Маркс и Энгельс изложили свои взгляды. Они по столь сложной и тонкой проблеме не создали какой-то общей солидной работы. Все их соображения высказаны в полемике с Е. Дюрингом, П. Прудоном и другими оппонентами. В пылу же спора одно упускается, другое заостряется и высказываются неточные формулировки. Причем Нечкиной показалось, и не без основания, что вопросы, связанные с ролью личности в истории, основоположниками марксизма разработаны всего менее. Возможно, ее задело грубопрямое утверждение Покровского: «...“индивидуальная” особенность “великого человека” была так же безошибочно продиктована ему

¹⁸ Алексеева Г.М. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 31.

¹⁹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 376. Л. 78.

²⁰ Покровский М.Н. Экономический материализм. М., 1906. С. 3.

экономикой его времени, как изменение в состоянии атмосферы безошибочно предсказывает дождь»²¹.

Для раскрытия темы глава ничего не давала. А вот допущенная «вольность» автору долго припоминалась.

Собственно историографическому исследованию были отведены две следующие главы: «Первые попытки применения теории экономического материализма к русской истории в 90-е годы XIX в.» и «Приложение теории экономического материализма к русской истории в первое двадцатилетие XX в.». Уже заглавия свидетельствуют, что Нечкина классифицировала изучаемых ею историков лишь по хронологическому признаку, будучи убеждена в единстве историографического потока. Партийные пристрастия авторов, их деление на большевиков, меньшевиков, легальных марксистов исследовательницу не волновали. Равно не волновало ее и то, когда вышла работа – до или после Октябрьской революции. Подробно рассмотреть всех историков – сторонников материалистического подхода, к объяснению явлений прошлого студентка была не в состоянии. В центре исследования находились две фигуры: М.Н. Покровский и Н.А. Рожков. Причем Нечкина сконцентрировала внимание всего на трех их работах. Она взяла «Город и деревня в “Русской истории”» Н.А. Рожкова и две книги М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времен» и «Очерки русской культуры». Впрочем, когда требовалось усилить доказательную базу, делались ссылки и на другие труды указанных ученых. Эпизодически затрагивались А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, не был обойден В.О. Ключевский. Упоминались и другие авторы.

Историографический анализ начался с выявления условий, в которых теорию экономического материализма приложили к русской истории. Нечкина указала на спор между марксистами и народниками, в котором первые и использовали свое учение для объяснения исторических явлений. В выводах (тезисах) студентка дополнила свои наблюдения: «Экономический материализм не является случайным и наносным явлением в русской историографии. <...> В процессе изучения русской истории экономический материализм явился необходимым течением, вызванным предыдущим состоянием науки» (с. 201). Упомянув книгу П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», конкурсантка исключила ее из разряда исторических исследований и отнесла к экономическим. Аналогично она отнеслась и к работе Ленина

²¹ Покровский М.Н. Указ. соч. С. 37.

«Развитие капитализма в России». Нечкина обозначила ее в качестве чисто экономического труда, не имеющего целью «...проследить влияние экономики на политику, право, моральные воззрения эпохи» (с. 48). Критика впоследствии не преминула выявить «антиленинские» взгляды автора. Даже в 1961 г. М.В. Нечкиной приходилось оправдываться.

С первых шагов в науку студентка стала обращать внимание на то, какую периодизацию применяют исследователи, рассматривая исторические процессы на протяжении длительного времени. Вот с определения факторов, которые Рожков и Покровский положили в основу периодизации Русской истории, и начала конкурсантка свой историографический анализ. С удивлением она обнаружила, что два историка, основываясь на экономических факторах, выдвинули не совпадающие схемы периодизации. Стараясь найти тому объяснение, Нечкина остановилась на следующем: «Покровский далеко не всегда исполняет требования экономического материализма: ведь учение, признающее хозяйственную жизнь основой всякой другой, естественно предполагает, что факты социального, политического и даже психологического порядка сменяются соответственно стадиям народного хозяйства. Мы у Покровского этого не видим» (с. 110). О Рожкове говорилось нечто схожее, а именно, что он, сам часто того не замечая, «...приближается в своем исследовании к юридической школе, прямым противником которой он является» (с. 93). Так сказывалось преувеличенное представление о влиянии экономического фактора на все стороны жизни общества.

Большое место в сочинении уделялось вопросам зарождения и развития идеи закономерности исторического процесса. Конкурсантка остановилась на воззрениях хорошо знакомого ей Герцена, коснулась земляка А.П. Щапова и основательно рассмотрела взгляды Н.Г. Чернышевского. Затронуты были и труды В.О. Ключевского, в которых имелись следы поиска исторических законов. Нечкина констатировала, что эти попытки ни к чему не привели.

Исследовательницу заинтересовала проблема феодализма в русской истории. Сперва она познакомилась с постановкой проблемы Покровским. Только выяснив, что тот самостоятельных исследований не проводил, Нечкина проштудировала работы Н.П. Павлова-Сильванского и поняла, откуда Покровский почерпнул фактический материал для своей трактовки феодализма, придав ей социально-экономическую направленность, отсутствовавшую у предшественника. Причем в заслугу новому направлению

автор поставила то, что его сторонники пользуются сравнительно-историческим методом, и не заметила, как Павлов-Сильванский включил этот метод в систему доказательств.

Однако нельзя предъявлять к студентке чрезмерные требования. Она проделала огромную работу. Конечно, и промахов наделала предостаточно. Тем не менее, сочинение заслуживает внимания. В нем много интересных наблюдений и рассуждений, которые показывают, что начинающий автор обладал необходимыми исследователю качествами. Была тщательно продумана компоновка материала вокруг нескольких проблем. Работа над сочинением позволила Нечкиной приобрести первые навыки, требующиеся для занятий историографией.

Радость творчества у студентки умерялась тем, что образовалась громадная академическая задолженность. Предстояло за несколько месяцев сдать около двадцати экзаменов. Все они неизменно сдавались на высший балл. Профессор Бречкевич, проэкзаменовавший свою ученицу по истории южных и западных славян, предложил: «Вам стоит сказать только одно слово, и вы останетесь»²². Речь шла об оставлении профессорским стипендиатом по кафедре всеобщей истории. Предложение было привлекательным и все же слово «согласна» Милица Васильевна не произнесла: история России перевешивала.

27 октября 1921 г. М.В. Нечкина получила диплом об окончании университета. Закончился очень важный период ее жизни, когда формировались ее научные интересы. Кто читал монографию «Василий Осипович Ключевский», тот вероятно обратил внимание на начало главы «Студенческие годы», где говорится о значении студенческих лет для стремящихся к научному поприщу. Напомним несколько строк: «Постепенно определяется любимая отрасль избранной специальности, рождается первая тема. <...> Неизбежны кризисы, сомнения, поиски»²³. В эти слова автором были вложены и свои переживания.

Университет оставил Нечкину при кафедре русской истории. Еще не получив об этом уведомления, выпускница обдумала свои дальнейшие шаги: «Ближайшие работы по русской истории – разработка, и самая тщательная, темы: “Ключевский как социолог”. Затем подготовка к печати моего медального сочинения, в нем будет много переделок. Затем буду работать над изучением опричнины – вероятно, она будет моей диссертацией. Затем под-

²² АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 248. Л. 194.

²³ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С. 84.

готовка к чтению курса социологии искусства»²⁴. Эта программа отражала не столько задачи научной подготовки, сколько реалии жизни. Готовить курс лекций пришлось в связи со службой в Государственных художественных мастерских. То, что студенческое сочинение имеет недостатки, она знала, о них говорил и Архангельский незадолго до своей смерти. Но, как мы знаем, обстоятельства не позволили Нечкиной выполнить задуманное, а желание увидеть работу изданной было велико. По Ключевскому уже имелся большой задел. Не совсем понятно, откуда возникло желание заняться опричниной. Возможно, оно появилось, когда Нечкина сравнивала трактовку этого явления у Карамзина, Ключевского, Покровского и Плеханова. Ей импонировало, что Покровский объяснил возникновение этой организации экономическим переворотом, нашедшим «...свое политическое выражение в смене у власти одного общественного класса другим» (с. 109). И Нечкина никак не могла понять, почему Плеханов не принял во внимание данных соображений, и Грозный в его понимании «разнузданный зверь», человек «с наслаждением купавшийся в крови своих подданных» (с. 153). Было соблазнительно подтвердить точку зрения Покровского обстоятельными изысканиями, покритиковать Карамзина и следующего в его фарватере Плеханова.

Пункт об опричнине был включен, как мы бы теперь сказали, в программу ее аспирантских занятий, которая была выработана научным руководителем профессором Н.Н. Фирсовым. Не был он изъят и тогда, когда программа подверглась «актуализации» в предметной социально-исторической комиссии при Восточном педагогическом институте. Следует пояснить, что за время учебы Милицы Васильевны университет претерпел ряд реорганизаций: историко-филологический факультет превратился в факультет общественных наук. Затем в 1922 г. его закрыли, исторические кафедры передали в указанный институт и Нечкиной снова пришлось ходатайствовать о зачислении на кафедру русской истории, а затем ждать решения Главпрофобра.

Опричниной тогда заняться не пришлось. Зато изучение творчества Ключевского шло весьма интенсивно. Этот историк заинтересовал исследовательницу по многим причинам. Ей еще в пору написания медального сочинения показалось, что знаменитый ученый являлся соединительным звеном между историко-юридической школой в русской историографии и материалистическим направлением, возникшим на рубеже двух столетий: XIX и XX. Обосновывая желание заниматься Ключевским, Нечкина писала: «...он фи-

²⁴ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 248. Л. 194 «ж».

гура переходного времени, стоящая перед двумя течениями и поэтому крайне любопытная»²⁵. Кроме того, хотя об историке писали многие, тем не менее капитального исследования о человеке, внесшем в науку значительный вклад, не имелось, и привлекала возможность заполнить пустоту.

6 июля 1922 г. аспирантка сделала в дневнике запись: «Работа по Ключевскому все углубляется, ширится, организуется и приносит много наслаждения»²⁶. Углубление в тему поставило перед исследовательницей новые проблемы, пришлось обратиться к творчеству предшественников Ключевского, дабы проследить генезис некоторых идей, им сформулированных. Через три дня после приведенной записи в дневнике появилась новая: «Я рассчитала: при очень большой и интенсивной моей работе, я закончу Ключевского только к январю. Каждую главу “Курса” я внимательно прочитываю. На внешних полях обязательно план, на внутренних делаю социологические и стилистические заметки. Потом я подробно письменно конспектирую главу и делаю ее подробный также социологический разбор. Это берет, конечно, массу времени»²⁷. На столе у Нечкиной кроме «Курса русской истории» были собраны почти все труды изучаемого историка. Мысль о Ключевском неотступно сопровождала Милицу Васильевну всюду. «Сегодня видела во сне Ключевского, – изумительно ярко и живо гласит дневниковая запись. – Будто бы библиотека, но не нашего университета, а какая-то другая. Ключевский седенький в крылатке за «прилавком» и я рядом. Я ищу что-то относительно житий святых и не могу найти. Он начинает помогать мне, усиленно роется в словарях, отчеркивает места, показывает какие-то снимки с миниатюр лицевых рукописей, объясняет. – “Вы меня простите, Василий Осипович, что я вас так затрудняю”. А он деловито и просто как-то мимоходом, не глядя на меня, ответил: “Что вы, что вы... Я ведь рад вам помочь...” И вместе роемся разговариваем. Я говорю ему: “Я, Василий Осипович, до корня хочу дойти”. А он отвечает: “Ну это едва ли” и прибавляет через несколько секунд: “Хотя некоторые доходили...”. Я не расслышала, переспрашивала. Он опять повторяет: “Хотя некоторые доходили”. Как хорошо...»²⁸.

Где-то ближе к осени Нечкина письмом обратилась за советом к М.М. Богословскому. Тот незамедлительно ответил, предложил, во-первых, расширить тему «Ключевский как социолог», во-вторых, рекомендовал ис-

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 114. Л. 173.

²⁶ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 248. Л. 318.

²⁷ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 248. Л. 343об.

²⁸ Там же. Л. 318.

следовать рукописный материал²⁹. Советы ученика знаменитого историка пригодились. К концу 1922 г. большая рукопись о Ключевском была подготовлена, и исследовательница все больше склонялась к мысли, что тема должна называться «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли». Новая постановка проблемы требовала серьезнейшей работы, и непременно в Москве, где прошла вся научная и преподавательская деятельность ее героя. Но прежде Нечкина занялась укреплением своих научных позиций. Собранный материал послужил основой для двух публикаций. В первой³⁰ показано, что издатели 5-го тома лекционного курса историка выбрали для публикации промежуточный вариант, а не окончательный. Здесь же доказывалось, что вся концепция русского исторического процесса у Ключевского основывалась на понятии правового государства. По мнению автора, ученый задался целью проследить, как в различные периоды истории общество пыталось приблизиться к заветной цели и не смогло этого осуществить. Аналогичной идеей был проникнут и доклад Нечкиной в Научно-исследовательском институте истории при факультете общественных наук 1-го МГУ, где в прениях участвовали Ю.В. Готье и Богословский. Содержание второй статьи характеризуется подзаголовком «Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии». В ней собраны доказательства уже знакомой нам идеи – «Ключевский типичный странник на распутье двух дорог исторического идеализма и материализма»³¹. Автор наметила пути выяснения того, что взяла школа экономического материализма у Ключевского, и попыталась осуществить свою давнюю мысль: связать биографию ученого с его творчеством.

К тому времени, а точнее в мае 1923 г., рабфак Казанского университета, где Нечкина преподавала, предоставил ей месячную командировку в столицу. Милица Васильевна воспользовалась этим обстоятельством для установления личных связей. Они упрочились, когда Милица Васильевна была делегаткой 1-го Всероссийского съезда научных работников. Съезд проходил 23–26 ноября. Нечкина задержалась на несколько дней и выступила с упомянутым докладом в Историческом институте. Да и на самом съезде она обратила на себя внимание. По окончании съезда состоялся банкет, на котором ей дали слово как самой молодой делегатке. Подняв-

²⁹ См.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 142.

³⁰ *Нечкина М.В.* К характеристике В.О. Ключевского как социолога (В связи с изданием 5 тома курса русской истории В.О. Ключевского) // *Вестник просвещения.* Казань. 1923. № 1–2.

³¹ *Нечкина М.В.* Взгляд В.О. Ключевского на роль идей в историческом процессе // *Красная новь.* 1923. № 5. С. 202.

шись, Нечкина произнесла: «Мне дали слово, – но только что передо мной выступило столько знаменитых ученых и профессоров, что я очень смущена и потому я решила отложить свое выступление до десятого съезда советских ученых, когда я буду академиком»³². Присутствовавшие весело хлопали, оценив краткость слича и его оригинальность.

Но не все на пути молодой исследовательницы было гладко. Ей был нанесен чувствительный удар В.И. Невским. Последний как раз подвергался серьезным нападкам со стороны М.С. Ольминского. Шла обычная борьба за теплое местечко в большевистском лагере. Доказывая свою «правомерность», Невский воспользовался промахами студенческой работы Нечкиной и включил ее в критический обзор исторической литературы наряду с книгами таких зрелых ученых, как А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Пичета. Причем Невский прочитал в работе «Приложение теории экономического материализма к русской истории» всего лишь одну вторую главу и тезисы. Иначе он не рекомендовал бы автору обратить внимание на труды Плеханова и особенно на его работу о Чернышевском. Все это студентка изучила и отразила в своей книге. Рецензента страшно возмутило то, что Нечкина посмела отметить отсутствие у Маркса работы, объединяющей все его мысли по историческому материализму. Разгневало Невского и предположение Нечкиной, что употребляемое Марксом понятие «бытие» шире понятия «экономика». Не оставил рецензент без внимания замечание автора о том, что связь духовных факторов с экономическими недостаточно разработана основоположниками. Невский разразился филиппикой. «Без сомнения, если искать в сочинениях Маркса нечто вроде Евангелия, хотя бы и светского содержания, то, конечно, возможно придти к заключению, что Марксу не удалось установить связи явлений духовных и социальных»³³.

Рецензент не преминул попенять исследовательнице за недооценку книги Ленина, которая «...есть блестящий образец применения теории исторического материализма к изучению эволюции народного хозяйства»³⁴. Нечкиной пришлось в устных выступлениях каяться в своих прегрешениях. Впрочем, поскольку критика служила средством приобретения политического капитала, а исследовательские качества Нечкиной были очевидны, все в конце концов обошлось благополучно: «большевики – в том числе М.Н. Покровский, В.И. Невский, А.В. Луначарский хотели, чтобы я училась дальше, – писала в 1961 г. Нечкина. – Меня спросили не хочу ли я учиться в

³² АРАН. Ф. 1840. Оп. 1. Д. 227. Л. 7–8.

³³ Печать и революция. 1923. № 7. С. 181.

³⁴ Там же. С. 182.

Институте красной профессуры. Это было большой честью – всего трое беспартийных историков было допущено в ИКП и я была в их числе»³⁵.

В Казани Нечкиной уже нечего было делать. Все, что Ключевский издал, и все, что было напечатано о нем, исследовательница изучила. Требовалось взяться за архивные материалы: переписку, рукописи, собрание литографий лекционных курсов. Ей хотелось включиться в работу Научно-исследовательского института истории, членами которого были ученики Ключевского: Богословский, Готье, М.К. Любавский и другие. Хотелось выступать перед ними, выслушивать их суждения и замечания.

В траурные дни января 1924 г. Нечкина прибыла в Москву и с вокзала отправилась проститься с Лениным, а потом погрузилась в хлопоты по устройству на новом месте. Благодаря покровительству Покровского ее почти одновременно зачислили преподавателем истории и политэкономии рабфака 1-го МГУ, научным сотрудником 1-го разряда Научно-исследовательского института истории (в мае институт передали Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук – РАНИОН), кроме того, вольнослушательницей исторического отделения ИКП. Это было не совсем то, на что она надеялась, поскольку лишало солидной стипендии в 160 рублей. В Институте истории столько получал один директор Д.М. Петрушевский, да и то совмещая две должности. Деньги же новоявленной москвичке были крайне необходимы. Ей приходилось помогать матери и младшей сестре. Приходилось браться за любую оплачиваемую работу, тем не менее, научные занятия не забрасывала. В декабре 1924 г. в Институте истории РАНИОН состоялся ее доклад о малоизвестном историке Густаве Эверсе.

Выбор этого объекта исследования был не случаен. Сыграли роль многие соображения: то, что к тому времени Эверса почти забыли, то, что к изучению его творчества требовалось приложить знание немецкого языка, которым Нечкина прекрасно владела, а главное, желание дойти «до корней». В этом убеждает ее статья «Гегельянские окаменелости» (Казанский библиофил. 1923. № 4), посвященная истории развития понятия внеклассового государства, внесенного Эверсом в русскую историческую науку. Работа об Эверсе увидела свет в 1927 г.³⁶ Ее исчерпывающий разбор сделан М.Г. Вандалковской³⁷. Повторять его нет надобности. Заметим лишь, что статья Нечкиной разительно отличается от других, помещенных в том же

³⁵ АРАН. Ф. 1840. Оп. 1. Д. 376. Л. 79.

³⁶ *Нечкина М.В.* Густав Эверс // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. статей / Предисл. и под ред. М.Н. Покровского. М., 1927. Т. 1.

³⁷ См.: *Вандалковская М.Г.* История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки 2001. М., 2001.

сборнике. Профессионализм автора здесь проявился в полной мере. Нечкина, взявшись за творчество Эверса, изучила множество явлений, так сказать, не историографического, а общеисторического порядка. Она прекрасно представляла обстановку в Германии в конце XVIII – начале XIX в., когда происходило становление научных взглядов и интересов Эверса. Столь же отчетливо представляла исследовательница, какие условия позволили Эверсу заняться в России проблемами развития государства и как готовилась почва для принятия его идей русской наукой.

Одним из достоинств статьи явилось то, что автору удалось органически связать творчество ученого с фактами биографии, показать, как по мере врантания воспитанника немецкого университета в русскую жизнь расширялся круг его интересов, охватывая все новые вопросы, связанные с теорией происхождения государства из родового строя. Удалось проследить и дальнейшую судьбу теории Эверса востребованную плеядой первых послереформенных ученых: С.М. Соловьевым, Б.Н. Чичериным, К.Н. Кавелиным. Конечно, сам характер сборника требовал идеологической заостренности материалов. Да и Нечкина прошла школу семинаров Покровского. Поэтому был сделан крен в сторону определения классовой физиономии Эверса как историка, связавшего себя «...с крупным дворянством, расцветшим на огромном хлебном сбыте, на интенсификации барщинного труда...»³⁸. Столь грубо-прямолинейные суждения были неотъемлемой частью теории Покровского, считавшего, что волшебником русской истории являются цены на хлеб, предлагаемые лондонской и берлинской биржами.

Тенденции советской исторической науки 1920-х гг. были направлены на изучение революционного движения. Нечкина серьезно занялась Чернышевским, много сделала для выявления идей и организации движения декабристов. Тем не менее не забывала, что в Москву она привезла исследование о Ключевском объемом в 600 страниц. На его основе Милица Васильевна подготовила обширную статью для второго тома того же сборника³⁹. Она почти не лукавила, когда заявила «...статья была сокращенным изложением большой рукописи, написанной в Казани в 1921–1922 гг. самостоятельно, еще до моего участия в семинаре ИКП»⁴⁰. На небольшую неточность в датах внимания обращать не будем. Это бич многих видных историков. Важно другое. В сборник был направлен не просто сокращенный вариант казанского труда, а вариант, подвергшийся серьезной идеоло-

³⁸ Нечкина М.В. Густав Эверс. С. 42.

³⁹ Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1930. Т. 2.

⁴⁰ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 39.

гической правке. Творчество Ключевского было жестко привязано к состоянию пореформенной экономики. С первой страницы подчеркивается, что ученым овладел страх перед революцией, что он солидаризировался с «...противореволюционными кругами»⁴¹. Так Нечкина нашла приличный эвфемизм для замены господствующего в советской историографии понятия «контрреволюция». Политическая предвзятость проявилась и в других формулировках, разбросанных по всему тексту. Например: «...понимание государства Ключевский заполняет явным содержанием классового соглашательства»⁴² или у Ключевского «...проявилась либеральная интеллигентская раздвоенность...»⁴³. Здесь же ученый назван «осторожным буржуазным профессором» и к тому же повинным в шовинизме. Это была дань «моде», появившейся в советской исторической науке в конце 20-х – начале 30-х годов⁴⁴. С подобными формулировками трактовка Ключевского в качестве предшественника новых подходов к исследованию прошедших эпох исключалась. Словом, работа, содержащая много новых биографических сведений, писалась в угоду политических тенденций и не объясняла смятений и колебаний в душе ученого. Пройдет много лет и Нечкина тактично заявит: «Прямолинейный вывод исследователей, что Ключевский принадлежал к “умеренно либеральному” направлению, не передает ни его смятения, ни поисков истины...»⁴⁵. Время многое изменяет.

Вообще, надо помнить: любая работа, вышедшая из-под пера историка, принадлежит своему времени и обязательно отражает веяния, присущие определенному этапу развития науки. Поэтому, рассматривая ранние работы Милицы Васильевны, мы не можем ставить вопроса о том, насколько они соответствуют представлениям сегодняшнего дня. Вспоминая о них, мы действуем в строгом соответствии с требованиями ее самой: «История исторической науки не может существовать без восстановления хронологического ряда ранее бывших работ историков»⁴⁶. Восстанавливая хронологию ее работ, мы понимаем, как шло развитие ее научных взглядов.

В хронологический ряд первых историографических работ М.В. Нечкиной стоит включить и ее статью, написанную в 1927 и вышед-

⁴¹ Нечкина М.В. В.О. Ключевский. С. 222.

⁴² Там же. С. 226.

⁴³ Там же. С. 345.

⁴⁴ Подробнее о зарождении и развитии такой «моды» см.: *Кривошеев А.И., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. Они же первыми обратили внимание на несправедливость обвинения Ключевского в шовинизме. (Там же. С. 145).

⁴⁵ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 95.

⁴⁶ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 376. Л. 103.

шую в следующем году⁴⁷. В статье подводился итог развития науки отечественной истории за десять лет советской власти. Десятилетие ознаменовалось возрастанием исторических трудов на основе марксистской методологии. Отметив данное обстоятельство, автор не скрывает, что сохранился и немарксистский подход к изучению прошлого, и даже намекает на те затруднения, которые чинились его существованию. Рассматривая вопросы, связанные с изменением исследовательской тематики, она заметила важное обстоятельство: в центре изучения оказались проблемы революции, а с изучением противников революции дело обстояло «очень, очень слабо ...»⁴⁸. Впрочем, было обращено внимание на то, что и с революционной тематикой не все обстояло благополучно. Ею занимались главным образом участники тех событий, делясь своими воспоминаниями. А мемуарная литература, вводя много ценного, не зафиксированного официальными документами, обладает субъективностью в освещении событий и ошибками памяти, выставлением на первый план автора произведения. Здесь же прозвучало предостережение Нечкиной от одностороннего увлечения революционной и предреволюционной эпохами и рекомендация не забывать и более отдаленные времена. Это была ее глубокая убежденность. Она, пользуясь любым удобным случаем, напоминала: «Мы не Иваны, не помнящие своего прозвания». И даже во времена Н.С. Хрущева, когда требование актуальности доводилось до полного абсурда, призывала не забрасывать исследования Киевской Руси и других проблем, «которые сейчас считаются древними»⁴⁹.

Хотя Невский в вышеупомянутой рецензии сурово отчитал начинающего автора за то, что в своей первой книге посмела говорить о малом количестве марксистских трудов по хозяйственной истории, Нечкина вновь отметила продолжающуюся недооценку экономической истории «...этой основы основ всех специальных марксистских изысканий»⁵⁰.

Произведенная «инвентаризация» результатов десятилетней деятельности обнаружила ничтожное количество обстоятельных монографий, отражающих научные достижения. И Нечкина обратилась к историкам с призывом: «Пишите монографии, давайте специальные исследования...»⁵¹. Все ее рекомендации основывались на личном опыте научной работы. Ав-

⁴⁷ Нечкина М.В. Наука истории СССР // *Общественные науки в СССР (1917–1927)*: Сб. / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.П. Луппола. М., 1928.

⁴⁸ Нечкина М.В. Наука истории СССР. С. 155.

⁴⁹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 79. Л. 35.

⁵⁰ Нечкина М.В. Наука истории СССР. С. 169.

⁵¹ Там же.

тор предложила шире издавать не только мемуары, но и дневники, листовки, воззвания, протоколы, приказы, декреты. Особенно ратовала она за публикацию различных библиографических справочников, спутников каждого «серьезного исследования»⁵². К сожалению, дело с библиографическими указателями обстоит и по сию пору из рук вон плохо. Но сама Милица Васильевна, став инициатором и ответственным редактором серии «История и историки», с первых же ее выпусков стала систематически помещать в них списки трудов наших видных ученых, что существенно помогает исследователям. Однако вернемся к статье. Она отличалась тем, что хотя и отдавала должное успехам советской исторической науки, тем не менее, не походила на панегирик, что и было впоследствии использовано против автора. Заведующий одной из кафедр истории КПСС Московского университета Д.И. Ковалевский позже подал в различные организации, включая ЦК КПСС, заявление, обвиняющее М.В. Нечкину в троцкизме. Аргументы для этого он нашел в студенческом сочинении Милицы Васильевны и в указанной статье. Особенно пасквилянта возмутило то, что Нечкина в статье «О периодизации истории советской исторической науки» (История СССР, 1960, №1) где-то в сносках упомянула и эту работу 1928 г. И тогда комиссия, организованная Бюро отделения истории АН СССР под председательством академика Б.А. Рыбакова (кроме него входили в комиссию члены-корреспонденты АН СССР С.Г. Гафуров и С.П. Толстов), вынесла решение, один из пунктов которого гласил: «М.В. Нечкиной не следовало в 1960 г. приводить в общем обзоре советской исторической науки свою старую ошибочную статью без соответствующих критических замечаний»⁵³. Но все же дело происходило в хрущевскую «оттепель», и упорная многомесячная борьба Милицы Васильевны увенчалась успехом. Комиссия президиума академии, возглавляемая академиком В.П. Волгиным, отменила решение Бюро отделения.

После статьи, написанной к десятилетию советской власти, и подновленной статьи о Ключевском исследовательница долго не бралась за историографические работы. Климат в общественных науках резко изменился. Знаменьем перемены стало письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», помещенное в октябрьском номере журнала «Пролетарская революция» за 1931 г. Оно прозвучало призывом бороться с оппортунизмом всех мастей. Партийные организации расшифровали указание как директиву «разоблачать и изобличать». И Нечкина была вовлечена в эту кампанию. Но нельзя в одной исследовательской статье ставить зада-

⁵² *Нечкина М.В.* Наука истории СССР. С. 169.

⁵³ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 376. Л. 22.

чу рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с темой «М.В. Нечкина как историк исторической науки». Нам важно было установить, как формировался ученый, владеющий методами историографического анализа: умением поставить задачу, отобрать нужный материал, характеризующий процесс. Это послужило отправной точкой для дальнейшего развития мастерства. Практическая деятельность Нечкиной показала, что историографию и историю исторической науки разграничивать нельзя, поскольку последнюю невозможно оторвать от истории мысли, без которой история науки превращается в снабженную комментариями библиографию. Кстати, дискуссии по последнему вопросу продолжаются.

Наследство, оставленное М.В. Нечкиной, огромно и надо его использовать в интересах развития истории исторической науки.

Старая Русса в Смутное время: история и историография

История Смуты в районе Старой Руссы мало привлекала внимание исследователей. Наиболее подробно изучен сюжет, связанный с событиями 1608–1609 гг., сведения о которых содержатся в Новом летописце. Все, что происходило в этом районе в дальнейшем, вплоть до заключения Столбовского мира (1617 г.), рассматривалось попутно при изучении других вопросов истории Смутного времени. Чаще всего историки вскользь говорили о присоединении Старой Руссы к шведско-новгородскому альянсу после захвата Новгорода шведами в 1611 г., о болезнях и гибели жителей города и его окрестностей.

Наиболее ценную информацию о данном периоде можно найти в общих трудах по истории России крупнейших отечественных историков, а не в трудах местных краеведов, которые занимались другими сюжетами (борьба Новгорода и Москвы XV в., соляные варницы XVII в., грязелечебницы XIX в., восстания военных поселян 1831 г. и т. д.). Краеведов, историков православной церкви, больше интересовали описания церквей и их внутреннее состояние после Смуты, судьба Старорусской иконы. Многие неудобные сюжеты, связанные с союзом новгородцев и шведов, их совместной борьбой против войск (в первую очередь, казачьих отрядов) Михаила Романова под Старой Руссой в 1613–1614 гг., действия последних по отношению к рушанам – сторонникам шведов, историки старались обойти стороной.

Одним из первых отечественных историков, который подробно описал события Смуты в этом регионе, был Н.М. Карамзин. Он использовал в своей «Истории» в качестве источника в дополнение к Новому летописцу сочинение Юхана Видекинда и исследования шведского историка XVIII в. У. Далина (выписки из трудов этих авторов Н.М. Карамзин опубликовал в примечаниях к 12-му тому). Н.М. Карамзин писал о захвате Старой Руссы тушинцами поздней осенью 1608 г. и о походе весной 1609 г. М.В. Скопина Шуйского из Новгорода к Москве. В этом походе объединенное русско-шведское войско Чулкова и Горна разгромило тушинский отряд полковника Кернозицкого под Старой Руссой, захватило в качестве

трофеев 9 пушек и освободило толпу женщин. Несколько подробнее этот сюжет освещен в труде Н.И. Костомарова¹.

Обо всех этих событиях писали местные историки М.И. Полянский (1885), В. Пылаев (1916), С.Н. Паренаго (1929)², а из современных краеведов – И.Н. Вязинин³. Этому же сюжету посвящен ряд небольших очерков Руфа Игнатъева, опубликованных в приложениях к Новгородским губернским ведомостям еще в середине XIX в.⁴

После 1609 г. город неоднократно подвергался захвату и разграблению тушинцами, поляками, казаками. Новгородцы и их союзники вели с ними упорную борьбу. Только за период 1609–1612 гг. город не менее пяти раз переходил из рук в руки.

О вторичном захвате Старой Руссы тушинцами или поляками короля Сигизмунда, который осенью 1609 г. начал свой поход в Россию, источники не сообщают. Однако известно, что весной 1610 г. город был уже вновь освобожден. Здесь источником может служить сочинение английского наемника на шведской службе Генри Бреретона⁵. Автор находился в составе 2-го вспомогательного отряда Эверта Горна, отправленного шведским королем на помощь Василию Шуйскому в конце 1609 г. Автор не делает разницы между поляками-тушинцами и поляками Сигизмунда. В книге Бреретона героем вторичного освобождения Старой Руссы от поляков в апреле 1610 г. (ровно через год после известного похода Чулкова и Горна) указан французский полковник Пьер Делавилль, похождения которого в

¹ См.: *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 465–466; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. XII. Примечания // Карамзин Н.М. История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII). СПб., 1843. Стб. 77; *Новый летописец* // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. Первая половина. СПб., 1910.

² *Полянский М.И.* Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885; *Пылаев В.* Старая Русса. Первая часть. Исторический очерк города. Сергиев Посад, 1916; *Паренаго С.Н.* Краткий исторический очерк г. Старой Руссы. Новгород, 1929.

³ *Вязинин И.Н.* Русь выстояла // «Новгородский комсомолец». 1962. 4 нояб.; *Он же.* Старая Русса. Л., 1967; *Он же.* Южное Приильменье. Новгород, 1963; *Он же.* Старая Русса в истории России. Новгород, 1994.

⁴ *Игнатъев Р.* Город Старая Русса и памятники ее древностей // Новгородские губернские ведомости. Отд. II. Часть неофициальная. Приложение к № 25. Б.г., *Он же.* Старая Русса. Опись 1625 г. // Там же. Приложение к № 19. Б.г.

⁵ *Бреретон Г.* Известия о нынешних бедах России. СПб., 2002.

России в последующие годы хорошо известны. Единственным из исследователей, кто упомянул об этом событии, был Н.И. Костомаров⁶.

Важным источником о событиях осени 1610 г. под Старой Руссой является донесение воеводы И.М. Салтыкова польскому королю Сигизмунду от 15 ноября 1610 г. Из него мы узнаем, что после Клушинского разгрома, когда власть в Москве захватили поляки, один из отрядов черкас Лаврина Рудницкого, находящегося на польской службе, захватил Старую Руссу. И.М. Салтыков, прибывший из Москвы для приведения новгородцев к присяге Владиславу, планировал отправить этих черкас для покорения других городов (Пскова, Порхова и т.д.). В своем письме Салтыков просит короля повлиять на своих буйных подчиненных, которые «пустошат» Старую Руссу. Ни один из исследователей, за исключением Н.С. Арцыбашева (1843)⁷, труд которого давно уже стал библиографической редкостью, и Н.И. Костомарова⁸ не использовал этот источник применительно к событиям Смуты в Старой Руссе, хотя это письмо было опубликовано дважды⁹.

О новой угрозе Старой Руссе и Новгороду весной 1611 г. со стороны поляков содержится краткая информация в исследовании о шведской интервенции В. Лилеева (1940), который, ссылаясь на Архив П.М. Строева, говорит о захвате и разграблении Старой Руссы польским отрядом Федора Пырского¹⁰. Именно сведения о зверствах поляков в Старой Руссе переполнили чашу терпения новгородцев, которые к тому времени уже получали грамоты от патриарха Гермогена и Прокопия Ляпунова. Все это привело к свержению польского ставленника И.М. Салтыкова (февраль 1611 г.), который позднее был казнен. Сведения об успешном походе новгородцев под командованием будущего защитника Тихвина Леонтия Вельяминова и героя обороны Новгорода казачьего атамана Тимофея Шарова содержатся в трудах современных исследователей А.А. Селина о Ладоге (2003) и П.В. Седова о Новгороде (1993)¹¹. Поляки были отброшены от Старой Рус-

⁶ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 529.

⁷ Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1843. Т. 3.

⁸ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 595.

⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. Ч. 2. СПб., 1819; ПДС Московского государства с Польшей (1609–1615) // Сб. РИО. СПб., 1913. Т. 142.

¹⁰ Лилеев В. Шведская интервенция XVII в. // Исторический журнал. 1940. № 1; Архив П.М. Строева. Т. 2 (Акты 1598–1645) // РИБ. Т. 35. Пг., 1917.

¹¹ Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. 1993. № 4 (14); Селин А.А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2003.

сы. Краткие сведения об этих событиях также имеются у Н.И. Костомарова¹².

После захвата Новгорода шведами Старая Русса сразу присоединилась к шведско-новгородскому альянсу. К сожалению, источники об этих событиях лета – осени 1611 г. ничего не сообщают. В. Пылаев писал, что в 1611 г. после того, как «Новгород присягнул Филиппу», «полковник Делагарди наступал на Руссу, разбил небольшую городскую рать, ворвался в город, разграбил и разрушил его за сопротивление»¹³. Эти сведения не подтверждены никакими источниками.

Дальнейшая информация о боях в районе Старой Руссы зимой 1612 г. содержится в труде Юхана Видекинда¹⁴. Шведы и новгородцы разбили казаков атамана Наливайко и некоего Алексея Михайловича, причем вначале шведы потерпели здесь крупное поражение, понеся значительные потери. Только вмешательство Эверта Горна помогло изменить ситуацию.

Эти казачьи отряды фактически никому не подчинялись. Некоторые из них признавали власть польского короля Сигизмунда и гетмана Ходкевича (гетман в это время зимовал под Волоком, готовясь идти к Москве), другие – власть Псковского вора Сидорки, третьи – лидеров подмосковного ополчения Трубецкого и Заруцкого (те сами вскоре на некоторое время дадут присягу Псковскому вору).

Из отечественных исследователей к данному сюжету обращался все тот же Н.И. Костомаров, который писал: «Это поражение заставило казаков покинуть Новгородскую землю, покоренную шведами»¹⁵. Вскользь об этом походе упоминает Р.Г. Скрынников: «После неудачи под Себежем отряд запорожцев атамана Наливайко ушел в район Старой Руссы»¹⁶. Видекинд говорит еще об одной угрозе городу со стороны казаков Псковского вора в мае–июне 1612 г., которые после гибели своего предводителя пытались захватить Старую Руссу, но они были легко рассеяны¹⁷.

С ликвидацией казачьей угрозы в Старой Руссе начинает налаживаться мирная жизнь. Эта мирная передышка продолжалась полтора года, до осени 1613 г. Именно наличие регулярных шведских войск помогло на некоторое время навести порядок в разоренной и замученной вакханалией различных

¹² Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 636.

¹³ Пылаев В. Указ. соч. С. 26.

¹⁴ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 235–236.

¹⁵ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 719.

¹⁶ Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986. С. 238.

¹⁷ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 242.

реквизиций Новгородской земле. Несмотря на продолжавшиеся несколько лет болезни и эпидемии, которые привели к большой смертности среди населения Старой Руссы, новая власть пыталась восстановить в городе добычу соли, разрушенные церкви. В это же время (1612 г.) шведы построили крепость в центре города. М.И. Полянский приводит подробные сведения о строительстве крепости в Старой Руссе по указанию Якова Делагарди¹⁸. Он использовал в качестве источника писцовые книги 1625 г. Используя сведения переписи 1625 г. и сочинение М.И. Полянского, И.Н. Вязинин составил план Старой Руссы периода Смуты¹⁹.

О событиях в районе Старой Руссы в заключительный период Смуты после избрания Михаила Романова сохранилось очень мало сведений. Здесь главным героем является Андрей Федорович Палицын, который со своим отрядом зимой 1614 г. укрепился в Рамышево и своими действиями парализовал деятельность шведско-новгородской администрации в районе Старой Руссы. Впервые о тяжелых боях под Старой Руссой зимой 1614 г. писал Г.В. Форстен (1889, 1894)²⁰, однако в дальнейшем никто из исследователей не воспользовался его трудом применительно к Старой Руссе. Г.В. Форстен при описании этих событий ссылаясь на труд шведского историка Галленберга. Эти же сведения имеются и у Юхана Видекинда²¹.

Однако Г.В. Форстен, как и шведские историки, ничего не писал о русском военачальнике А.Ф. Палицыне. В свое время эти сведения о партизанском отряде «русского интеллигента XVII века», Андрея Федоровича Палицына, привел С.В. Бахрушин (1924, 2-е изд. – 1955)²², но этот его очерк был посвящен совершенно другим проблемам – событиям 1630-х годов. С.В. Бахрушин использовал в качестве источника «Расспросные речи Никиты Калитина», опубликованные в 1911 г.²³, а также сослался на актовые материалы из московских архивов, опубликованные Н.А. Поповым еще в 1890 г.²⁴ Последний источник не был использован в свое время Г.В. Форстеном, который опирал-

¹⁸ Полянский М.И. Указ. соч. С.26–27.

¹⁹ Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 68.

²⁰ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI–XVII стол. СПб., 1894. Т. II; *Он же*. Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. II, X, XI.

²¹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 288, 290, 310.

²² Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Научные труды: В 4-х т. Т. III. М., 1955 (1-е изд.: Сб. «Века». Пг., 1924).

²³ Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. V, № 9. С. 28–29. (Февраль 1614 г. Расспросные речи Никиты Калитина).

²⁴ Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (№ 54, 61); СПб., 1894. Т. 2 (№ 271).

ся только на документы из шведских архивов. Как писал в свое время Г.А. Замятин, «в основу своей работы Г.В. Форстен положил исключительно источники на шведском языке; он знал, конечно, и русские акты, но не пытался согласовать данные тех и других»²⁵.

О действиях А.Ф. Палицына кратко упомянул И.Н. Вязинин: «Под Старой Руссой активно действовал отряд Андрея Палицына в 2500 человек»²⁶. Более подробные сведения о действиях отряда А.Ф. Палицына под Старой Руссой с указанием хронологии событий (чего нет у И.Н. Вязинина) приведены в книге А.Л. Станиславского о роли казаков в гражданской войне начала XVII в.²⁷

Действия Палицына под Старой Руссой были высоко оценены правительством Михаила Романова. Его казаки действовали здесь как на вражеской территории, считая новгородцев предателями и изменниками. Сами новгородцы позже в своей грамоте в Москву жаловались на то, что московские казаки «чинили насильства и беды такие, что и бесермены не чинят»²⁸.

Все исследователи приводят страшные описания Старой Руссы и ее окрестностей 1616 г., которые стали уже хрестоматийными. Эти описания были сделаны голландскими послами (Бредероде, Басс, Иоахими). Голландцы проезжали мимо Старой Руссы осенью 1615 г., следуя на переговоры в Дедерино, а также в феврале 1616 г., возвращаясь в Новгород²⁹.

По условиям Столбовского мира 1617 г. шведы вернули Старую Руссу. Говоря об этом, стоит указать соответствующие статьи в договоре о мире (№ 2, 4, 5, 7), где четко сказано, когда именно и каким образом шведы должны осуществить передачу Старой Руссы московским властям. Полный текст Столбовского договора был неоднократно опубликован³⁰. Первые вопросы, связанные с передачей русской стороне крепостей, захвачен-

²⁵ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 5.

²⁶ Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. С. 64.

²⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 106.

²⁸ Фигаровский В.А. О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. II. См. также: Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 116–117.

²⁹ См.: Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII в. глазами дипломатов). М., 1991. Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24; Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116.

³⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1; Лыжсин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 434–435.

ных шведами в Смутное время, были рассмотрены в трудах Н.П. Лыжина и С.М. Соловьева³¹. Особых споров между русской и шведской сторонами по поводу возвращения разоренной Старой Руссы не было.

Город долго не мог оправиться от этого разорения. Говоря об этом, многие историки приводят сведения писцовых книг о переписи 1625 г. Эти переписные книги Чоглокова и Семенова были опубликованы еще в 1827 г.³² Одним из первых сведения этой переписи (без упоминания о событиях 1609–1617 гг.) подробно использовал архимандрит Макарий (1866)³³.

Важная информация о состоянии города в первые годы после ухода шведов содержится в работах А.А. Строкова и Г.С. Рабинович³⁴. Дополнительным источником о первых послевоенных годах в Старой Руссе могут служить Книги разрядные³⁵, которые до настоящего времени еще недостаточно использованы исследователями. Здесь можно найти сведения о всех воеводах Старой Руссы, которые были в городе после первого московского воеводы Якова Боборыкина (1617), информацию о составе гарнизона и жителях города. Краеведы чаще упоминают фамилию новгородского воеводы И.А. Хованского, а те люди, которые практически восстанавливали Старую Руссу (или пытались это сделать в первое послевоенное десятилетие), остались в тени. Среди этих воевод – Леонтий Шеховской, Вельямин Трусков, Федор Воронов, Александр Тимашев, Бауш Маракушев³⁶.

В последнее время, в связи с расширением возможности использования архивных материалов из архивов Стокгольма и Тарту, наблюдается повышенный интерес к событиям Смуты на Севере. Об этом свидетельствуют труды А.А. Селина о Ладого, Г.М. Коваленко и Е.И. Кобзаревой о Новгороде (Е.И. Кобзарева привела фрагментарные, но весьма ценные

³¹ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1995 (также – другие издания); *Лыжин Н.П.* Указ. соч.

³² Писцовая книга Старой Руссы 1625 г. Опись города 1625 г. // Северный Архив. 1827. № 13.

³³ *Макарий*, архимандрит. Церковно-историческое описание города Старой Руссы, содержащее в себе сведения о старорусских церквях, Спасском монастыре и духовном училище. Новгород, 1866.

³⁴ См.: *Строков А.А.* Земельные владения и соляные варницы Новгородского Юрьева монастыря в Старой Руссе // НИС. Вып. 8. Новгород, 1940; *Рабинович Г.С.* Влияние соляных промыслов на развитие товарно-денежных отношений в Старорусском уезде в XVII в. // НИС. Вып. 10. Новгород, 1962.

³⁵ Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1.

³⁶ Книги разрядные по официальным оных спискам. Стб. 390, 522, 642, 716, 762, 866, 923, 1031, 1135, 1240.

сведения о Старой Руссе), В.А. Аракчеева о Пскове, О.А. Курбатова о Тихвине³⁷. Сегодня много внимания уделяется характеристике лиц второго плана, служивших шведам в период Смуты, отношению местного населения к новой власти, установившейся в Новгородской земле в 1611–1617 гг.³⁸

Думается, что настало время для более подробного исследования событий, происходящих в районе Старой Руссы в указанный период. Необходимо установить (насколько это позволяют имеющиеся источники) подлинную хронологию этих событий и роль в них отдельных лиц. Тем более, что даже опубликованные еще в конце XIX в. источники помогают решить эту задачу. Стоит привести несколько примеров, подтверждающих данный тезис.

Важные сведения о жизни в Старой Руссе в период шведской оккупации содержатся в документах оккупационного архива, опубликованных К. Якубовым³⁹. Среди них – документы о «псковском товарном деле» (о тайной торговле жителей Старорусского и Порховского уезда с псковичами в 1612–1613 гг.), о кормах, которые выдавались шведскому гарнизону Старой Руссы, о старорусских воеводах при шведах Андрее Константиновиче Шаховском и Франце Дейкере. Судя по описи документов Стокгольмского архива, которую привел К. Якубов (микрофильмы этих документов хранятся в ГАРФ), там имеются важные источники о Старой Руссе.

³⁷ См.: *Селин А.А.* Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2003; *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода к. XV – нач. XVIII в. СПб., 1999; *Коваленко Г.М.* Призвание варягов // *Родина*. 2005. № 11; *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005; *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004; *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение. М., 2006.

³⁸ См.: *Пересветов-Мурат Л.Н.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов-Мурат и другие русские байжор'ы // Из материалов конференции «NOVGORODIANA STOCKHOLMENSIA». Стокгольм. Ноябрь 1997 // *НИС*. № 7 (17). 1999; *Селин А.А.* Об «изменах» в Новгороде 1611–17 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2003. № 1 (11); *Коваленко Г.М.* Новгородский воевода князь Иван Никитич Одоевский // «Чело». Великий Новгород, 2002. № 1 (23); *Он же*. Новгородские переводчики XVII в. // *НИС*. № 7 (17). 1999; *Кобзарева Е.И.* Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города (1611–1615 годы) // *Прошлое Новгорода и новгородской земли (ПН и НЗ): Материалы науч. конф.* 11–13 нояб. 1999. Новгород, 1999. Ч. 1; *Селин А.А.* Григорий Никитич Муравьев. Кто создавал условия непрерывной жизни // *Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.: Сб. статей. СПб., 2003.

³⁹ См.: *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // *ЧОИДР*. 1890. Книга первая. М., 1890; Книга четвертая. М., 1891.

Среди них – отдельные, дозорные, обыскные, дачные книги ряда погостов Старорусского уезда Шелонской пятины.

Из приходно-расходных книг можно почерпнуть информацию о том, сколько провианта и фуража собрано с погостов Старорусского уезда, а также со Старорусских дворцовых сел и выдано «немецким людям» и на сколько человек (т.е. можно выяснить численность личного состава отдельных гарнизонов). Из отписных книг изменничьих поместий видно, кто из дворян Старорусского уезда и когда отъехал в Псков и перешел на сторону Михаила Романова, а кто продолжал служить шведам.

Подробности событий 1613–1614 гг. в районе Старой Руссы, сведения об обороне рамышевского острожка содержатся в двух отписках воеводы Андрея Палицына, опубликованных среди прочих документов Разрядного приказа Н.А. Поповым в 1890 г.⁴⁰

О наградах рамышевским сидельцам мы узнаем из Кормленной книги Костромской чети, Приходно-расходных книг Казенного приказа, Владимирской чети, Разряда, Четвертчиков Смутного времени и ряда других источников⁴¹. Здесь содержатся сведения о сотнях воинов, приводится информация об их дальнейшей судьбе. Все эти документы были опубликованы в 1912 г. или еще раньше, однако до настоящего времени исследователи не использовали их применительно к событиям в районе Старой Руссы. В недавно опубликованной Книге сеунчей говорится о высокой награде, которую получил сам Андрей Федорович Палицын от царя

⁴⁰ См.: Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына о присылке в острожек под Старую Русу ратных людей // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук под ред. Н.А. Попова (АМГ). Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. № 54. С. 87–88; Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына о поражении им между Новгородом и Русою немецких людей, при чем захвачены языки шесть человек, с приложением «листа» из Старой Русы от немецкого воеводы о размене пленных казаков на тело каптана Баннера, убитого под Рамышевским острожком. Март 1614 // АМГ. Т. 1, № 61. С. 98–99.

⁴¹ См.: Кормленная книга Костромской чети, 1613–1627 годов / Публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894; Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884; Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. / Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 1–116; Приходно-расходная книга Разряда 123 г. / Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 275–508; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. / Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 509–682; Расходная книга Устюжской чети 127 г. / Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 683–752; Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Предисл. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Михаила Романова⁴². Дополнительным источником информации о рамывских сидельцах может служить Сыская десятина 1619 г. Деревской пятины, опубликованная в 2003 г.⁴³

Ряд важных сведений о Старой Руссе имеется среди документов из архива Делагарди в Тарту, опубликованных в 1896 г. Г. Саблером⁴⁴.

О Разрядных книгах, опубликованных в 1853 г., уже говорилось⁴⁵.

Таким образом, комплексное использование всех сведений о городе, содержащихся в трудах различных исследователей, и наличие *опубликованных* источников о Старой Руссе в Смутное время позволяют составить некоторое представление о ходе борьбы между различными противоборствующими силами в данный период в этом районе. Дополнительной информацией о событиях Смутного времени в районе Старой Руссы может служить изданная недавно на русском языке книга шведского королевского историографа Юхана Видекинда.

Стоит также более внимательно отнестись к сведениям о разрушении церквей в городе, приведенным в писцовой книге 1625 г. (выделить церкви, разрушенные в 1609 г., в 1614 г., и оставшиеся целыми). При этом, используя план, составленный И.Н. Вязининым, можно получить представление о состоянии города до установления в Руссе твердой власти шведско-новгородской администрации и после отступления от Руссы отряда Андрея Палицына в 1614 г.

С вводом в научный оборот документов Новгородской приказной избы из Шведского государственного архива изучение событий Смуты в этом районе станет менее затруднительным для исследователей.

⁴² Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 19–98.

⁴³ Сыская десятина о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Деревская пятина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003. № 135. С. 259–265.

⁴⁴ Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896.

⁴⁵ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853.

Социальная история медицины: область исследований и проблематика

Медицинская история является одной из древнейших отраслей историографии. Она берет начало от Гиппократов и его книги «О древней медицине»¹. На протяжении многих веков, пока медицинское образование предполагало необходимость серьезного освоения трудов античных и ближневосточных классиков, знание истории медицинской мысли было составной частью медицинского знания. В XVIII и XIX вв., когда западная медицина стала более широко опираться на данные естествознания, потребность в освоении медицинской мысли прошлого начала ослабевать. Поскольку многие врачи активно занимались физиологией, химией и микробиологией, местом, откуда они черпали свое вдохновение, стали не библиотеки, а лаборатории.

Однако медицинская история не заглохла, а лишь изменила свое назначение. Отныне она должна была фиксировать основные вехи стремительного развития «научной медицины». Неудивительно, что медицинская история с этого времени стала делом интеллектуалов либерального толка, поклонников идеи прогресса, среди которых могли быть как специалисты с медицинским образованием, так и гуманитарии. Она расцвела в тех странах, где врачи наиболее активно участвовали в научных исследованиях и стали успешной социально-профессиональной группой.

В первой половине XIX в. безусловным лидером в западном мире были французские медики. Вследствие этого медицинская история либерально-прогрессистского толка также расцвела во Франции. Ее признанным лидером стал Эмиль Литтре (1801–1881), филолог и философ позитивистской школы, признанный знаток античности, переводчик и комментатор трудов Гиппократов. Его влияние на европейскую традицию изучения истории медицины было огромно². Один из его трудов был переведен в России³.

¹ См.: *Гиппократ. О древней медицине* // Гиппократ. Избранные книги. М., 1994. С. 143–169.

² См.: *Gourevitch D. Charles Daremberg, His Friend Emile Littre, and Positivist Medical History* // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History. The Stories and Their Meanings*. Baltimore, 2004. P. 33–51.

³ См.: *Литтре Э. Медицина и медики*. СПб., 1873.

Вслед за Францией медицинская наука XIX в. начала бурно развиваться в других европейских странах, а также в Северной Америке. Повсюду ее прогресс сопровождался появлением работ по истории медицины и становлением соответствующего типа историографии. В России родоначальниками медицинской истории были Савелий Григорьевич Ковнер (1837–1896) и Григорий Николаевич Минх (1836–1896). Оба были профессорами Киевского университета. При этом Ковнер сосредоточил свое внимание на изучении медицины античного мира и Древнего Востока, а Минх – на истории таких болезней, как проказа и чума⁴.

К концу XIX в. среди европейских интеллектуалов, прежде всего в Германии, укоренилось представление о том, что в сфере знания существует жесткое разграничение между «науками о природе» и «науками о духе», иначе «науками о культуре». В рамках этой дихотомии медицинская история как отрасль медицинской науки уверенно определялась как «наука о природе», а ее предмет – как история знания о явлениях природного порядка: теле, болезни, факторах окружающей среды, воздействующих на человека. Фактически медицинская история отгородилась от традиционной гражданской истории, которая в этой перспективе выступала как разновидность «наук о духе»⁵.

В начале XX в. медицинская история получила прописку в системе университетского медицинского образования, став составной частью знания, предлагаемого врачам. Ее институционализация началась в Германии, где в 1905 г. в Лейпцигском университете знаменитый филолог и поклонник старинных медицинских текстов Карл Зудхофф (1853–1938) сумел открыть специализированный Институт по изучению истории медицины⁶. Этот германский опыт оказал важное влияние на традиции американского универси-

⁴ *Ковнер С.Г.* История медицины. Ч. 1: Медицина Востока, медицина в Древней Греции. Киев, 1878; *Он же.* Очерки истории медицины. Вып. 2: Гиппократ. Киев, 1883. *Он же.* История древней медицины. Ч. 1. Вып. 3. Медицина от смерти Гиппократа до Галена включительно. Киев, 1888; *Минх Г.Н.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1978–79 г.) Ч. 1. Киев, 1898; *Он же.* Проказа и песь. Т. 2. История проказы и песи. Киев, 1890.

⁵ *Lammel H.-U.* To Whom Does Medical History Belong? Johan Moehsen, Kurt Sprengel, and the Problem of Origins in Collective Memory // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 33–51; *Schmiedebach H.-P.* Bildung in a Scientific Age: Julius Pagel, Max Neuburger, and the Cultural History of Medicine // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 74–93.

⁶ *Rutten T.* Karl Sudhoff and «the Fall» of German Medical History // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 95–113. О Карле Зудхоффе см. также: *Jones H.W.* Karl Sudhoff. Obituaries // *Bulletin of the Medical Library Association*. 1939. Vol. 27 (3). P. 216.

тетского образования. Преемник Зудхоффа в Лейпциге франко-швейцарец Анри Зигерист (1891–1957) после прихода к власти фашистов эмигрировал в США и там при поддержке ряда влиятельных фигур сумел возглавить Институт истории медицины в Балтиморском университете Джонса Хопкинса, а также включился в издание первого американского специализированного журнала («Bulletin of the History of Medicine»). Самой подходящей аудиторией для медицинской истории Зигерист считал медицинское сообщество. Он стал пропагандировать мысль о пользе медицинской истории для медицинской профессии⁷. В 1930-е гг. его инициативу подхватили и некоторые другие американские медики, которые получали образование в Германии, в частности, врач-офтальмолог Джордж Розен (1910–1977), впоследствии один из блестящих историков медицины в США⁸.

Историки медицины первой половины XX в. рассматривали работу врачей в тесной связи с развитием общества и культуры. Так же поступали и историки следующего поколения, которые шли по стопам своих учителей. На родине медико-исторического знания в Германии это были Людвиг Эдельштейн (1902–1965), крупнейший специалист по истории античной медицины, Эрвин Хайнц Аккеркнехт (1906–1988)⁹ и уроженец Минска еврей Овсей Темкин (1902–2002)¹⁰. Все они были учениками Зигериста и все в силу политических обстоятельств были вынуждены перебраться в США, где смогли создать собственные научные школы с многочисленными учениками и последователями. Во Франции похожие позиции занял выходец из Хорватии Мирко Грмек (1924–2000), изучавший историю медицинской мысли в тесной связи с историей философ-

⁷ *Nutton V.* Ancient Medicine: From Berlin to Baltimore // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 115–137; *Fee E., Brown T.M.* Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 139–164. Об Анри Зигеристе см. также: *Brown T.M., Fee E.* Henry E. Sigerist: Medical Historian and Social Visionary // *Amer. J. of Public Health*. 2003. Vol. 93 (1). P. 60.

⁸ О Джордже Розене см.: *Benison S.* Dr. George Rosen: An Appreciation // Rosenberg C.E. (ed.) *Healing and History: Essays for George Rosen*. N.Y., 1979. P. 242–251; Dr. George Rosen, Former Journal Editor, Yale Professor and Scholar of History of Science and Medicine // *Amer. J. of Public Health*. 1977. Vol. 67 (10). P. 997–999.

⁹ Об Аккеркнехте см.: *Rosenberg C.E.* Erwin H. Ackerknecht, Social Medicine, and the History of Medicine // *Bulletin of the History of Medicine*. 2007. Vol. 81(3). P. 511–532.

¹⁰ Об Овсее Темкине см.: *Rosenberg C.E.* Eloge: Owsei Temkin, 6 October 1902 – 18 July 2002 // *Isis*. 2004. Vol. 95 (3). P. 451–453. См. также: *Temkin O.* The Double Face of Janus and Other Essays in the History of Medicine. Baltimore, 2006. P. 30–37.

ского знания¹¹. В Великобритании такая работа велась на базе Университетского колледжа в Лондоне и связанного с ним Лондонского Института истории медицины Генри Веллкома¹².

Расцвет творчества этого поколения исследователей пришелся на послевоенные десятилетия, которые были не только периодом холодной войны между Западом и СССР, но и временем бурного научно-технического прогресса и щедрого финансирования научных и медицинских исследований. На повестке дня медицинских историков стояли многочисленные вопросы о научных компонентах медицинского знания, о героическом труде врачей, о превращении медицины в науку и пр. Однако социокультурные и социально-исторические аспекты медицинской практики, вопрос о взаимоотношениях врачей и пациентов отступали на второй план. Ситуация изменилась в годы американской войны во Вьетнаме, под влиянием радикальных социальных движений 1960-х гг., когда новое поколение интеллектуалов поставило вопрос о цене прогресса в науке и медицине, а также о месте пациента – в медицинской мысли и практике. Это было началом «поворота в сторону социальной истории медицины».

Рождение социальной истории медицины

Процесс становления историко-медицинских исследований нового типа был разноплановым и противоречивым. Проследить его здесь не входит в наши планы, и для этой цели могут быть рекомендованы другие работы¹³. Обратим внимание лишь на некоторые примеры, которые проливают свет на суть дела.

В США наряду с Институтом истории медицины в Балтиморе появились новые центры историко-медицинских исследований. Среди них в 1960-е гг. стал выделяться университет в Пенсильвании, где успешно развивалась социальная история науки и практиковались новые социологические и

¹¹ *Grmek M.D.* Diseases in the Ancient Greek World. Baltimore, 1989; *Idem.* History of AIDS: Emergence and Origin of a Modern Pandemic. Princeton, 1993.

¹² *Porter R.* The Historiography of Medicine in the United Kingdom // Huisman F., Warner J.H. (eds.) Locating Medical History. P. 194–207; *Symons J.* Wellcome Institute for the History of Medicine: A Short History. London, 1993.

¹³ См.: *Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И.* Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 8–40; *Reverby S.M., Rosner D.* «Beyond Great Doctors» Revisited: A Generation of «New» Social History of Medicine // Huisman F., Warner J.H. (eds.) Locating Medical History. P. 167–193; *Burnham J.C.* What is Medical History? Cambridge, 2005.

социально-исторические подходы к изучению медицины. Ведущую скрипку здесь стал играть один из учеников Темкина Чарльз Розенберг, сумевший со временем создать большую научную школу англоязычных исследователей¹⁴.

В Великобритании главными центрами исследований по-прежнему оставались Институт Веллкома и Университетский колледж в Лондоне, однако в начале 1970-х гг. ситуация быстро изменилась. В нескольких университетах страны – Оксфорде, Кембридже, Манчестере, Эдинбурге и Глазго – были созданы подразделения (Units) Института Веллкома, которые сразу же заняли достаточно независимую позицию по отношению к нему. В отличие от традиционной медицинской истории, господствовавшей в Лондоне, там стали делать акцент на изучение проблем здравоохранения, социальных аспектов медицинской практики и т.д. Одним из символов начавшихся перемен стало образование Общества социальной истории медицины (Society for the Social History of Medicine), руководство которого стало осуществляться из Оксфорда¹⁵. Общество объединило в своих рядах врачей и исследователей-гуманитариев, а его целью стало поощрение пионерских междисциплинарных подходов к изучению здоровья, социального благополучия, медицинской науки и практики. При этом хотя изначально членами Общества были британские исследователи, постепенно оно стало международным по составу своих участников.

Весьма скоро деятельность Общества стала заметным явлением в сфере медико-исторических исследований. Оно стало регулярно проводить крупные тематические конференции и публиковать свои издания. С 1970 по 1987 г. Общество выпускало свой Бюллетень (The Bulletin of the Society for the Social History of Medicine). В 1988 г. его сменил журнал (Social History of Medicine), который начал выходить три раза в год. По своему содержанию и тематическим приоритетам он существенно отличался от более традиционных изданий, выходящих в других местах: лондонского издания «Medical History», балтиморского «Bulletin for the History of Medicine» и более раннего оксфордского издания «Journal of the History of Medicine and Allied Sciences», выходящего с 1946 г. Кроме того, с 1990 г. периодически три раза в год стала издаваться газета (The Gazette of the Society for the Social History of Medicine), предоставляющая информацию о профессионально значимых событиях, текущих новостях из жизни Общества, но-

¹⁴ О Чарльзе Розенберге см.: *Tomes N., Greene J. Is There a Rosenberg School? // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2008. Vol. 63 (4). P. 455–466* и др. статьи в данном выпуске журнала.

¹⁵ Информацию об Обществе см.: URL: <http://www.sshm.org/>

вых книгах, исследованиях и пр. С 1987 г. на базе международного издательского концерна «Рутледж» (Routledge) Общество стало издавать специальную книжную серию «Исследований по социальной истории медицины» (Studies in the Social History of Medicine). Наконец, с 2002 г. Общество стало проводить Конкурсы научных студенческих работ, награждая победителей денежными премиями (500 фунтов стерлингов в 2002 г.) и публикуя их статьи на страницах журнала.

В других странах ситуация продолжала выглядеть более традиционно. В СССР история медицины продолжала оставаться прерогативой врачей, превратившись в послевоенный период в обязательную дисциплину для студентов, обучающихся на медицинских факультетах. Во Франции, где в послевоенных университетах были сильны позиции историков, работавших в духе Школы «Анналов», медико-исторические проблемы стали развиваться главным образом гражданскими историками. В результате на повестку дня были поставлены новые вопросы, а медицинская история была преобразована в исторические исследования болезни и здоровья. Такая же ситуация сложилась и в Германии, однако там, кроме того, медицинская история нашла себе надежную опору в стенах медицинских школ. При этом в течение долгого времени французские и немецкие исследователи имели слабые представления о том, что делали их коллеги в англо-американском мире¹⁶. То же было верно и для советских специалистов.

Окончание холодной войны, распад Восточного блока и падение СССР привели к усилению англо-американского культурного доминирования в Европе. Вследствие этого в 1990-е гг. усилились контакты между англо-американскими и европейскими историками медицины. Одновременно с этим начался процесс профессионализации историко-медицинского знания в европейских странах. Медицинская история там стала более основательно преподаваться в медицинских школах. Традиционные медицинские историки начали активнее взаимодействовать с гражданскими историками, социологами, антропологами и демографами¹⁷. В России, где англо-американское влияние оказалось слабее, преподавание истории медицины на медицинских факультетах претерпело минимальные изменения, а со-

¹⁶ *Dinges M.* Social History of Medicine in Germany and France in the Late Twentieth Century; From the History of Medicine toward a History of Health // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 209–235.

¹⁷ *Amsterdamska O., Hiddinga A.* Trading Zones or Citadels? Professionalization and Intellectual Change in the History of Medicine // Huisman F., Warner J.H. (eds.) *Locating Medical History*. P. 237–261.

общество исследователей в области традиционной истории медицины практически не внесло изменений в характер своей работы. Тем не менее в рамках социально-гуманитарных дисциплин некоторые изменения произошли. Появились отдельные группы в рамках исторических и социологических сообществ, которые шире стали привлекать методы, выработанные западными коллегами, а также проводить исследования в духе социальной истории медицины на отечественном и европейском материале¹⁸.

Предметное поле и проблематика

Характерной чертой новых социально-исторических подходов к изучению истории медицины с самого начала было то, что она стала трактоваться не столько как история медицинского знания, сколько как история медицинской практики. Интерес к истории медицины как истории медицинских идей и представлений уступил место исследованиям медицины как социального института и особого культурного феномена. Фигура врача-ученого и учителя жизни была дополнена фигурами целителей и парамедиков (медицинских сестер, аптекарей, гигиенистов, медицинских и гражданских администраторов и др.). Больше внимания также стало уделяться проблеме пациента, реконструкции популярных представлений о болезни, здоровье, лечении, профилактике, телесности и т.д. На этом пути были предприняты разнообразные опыты переосмысления традиционной медицинской истории. Некоторые из них были радикальными по своему содержанию, однако большая их часть отличалась умеренностью и взвешенностью.

Одна из весьма распространенных идей состояла в том, чтобы рассматривать медицину как социальный институт, обладающий функциями контроля над жизнью и здоровьем людей. Одним из первых этот тезис стал развивать французский философ и историк мысли Мишель Фуко (1926–1984), который в своих работах, посвященных ранней истории психиатрии, судебной медицины и социальной гигиены, изобразил медицину как инстанцию, способную устанавливать социальные нормы и контролировать поведение индивидов. В своих работах первой половины 1970-х гг. он ввел

¹⁸ Среди работ, выполненных отечественными гуманитариями в духе социальной истории медицины, отметим следующие: *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004; *Богданов К.А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005; *Градскова Ю.* Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 242–261 и др.

одно из самых популярных понятий в области критической социальной теории – «медикализация», под которым понимался долгосрочный исторический процесс установления власти врачей и психиатров над социальной реальностью¹⁹.

Проблему «медикализации общества», но на другом материале – хирургия, пересадки органов, анестезия и т.д. – проанализировал еще один радикальный западный интеллектуал Иван Иллич (1926–2002). Сама жизнь его была вызовом многочисленным социальным и культурным нормам. Уроженец Вены, хорват и еврей по крови, полиглот, большую часть жизни проживший в Латинской Америке, Иллич в своей культовой книге «Медицинская Немезида» (1976) заявил о том, что современные доктора заботятся не столько о здоровье пациентов, сколько о своих профессиональных интересах, а сама медицина часто наносит ущерб тем, кто надеется на ее помощь²⁰.

Радикальная позиция, занятая Фуко, Илличем и некоторыми другими исследователями, однако, не вызвала сочувствия тех, кто хотел всего лишь более трезвого понимания истории медицины. На этом пути требовалось не столько анализировать историю установления медицинского контроля, сколько изучать медицину как фрагмент более широкой социальной системы. Кроме того, было важно понять, является ли власть медицины над обществом действительно всеохватной.

Для большинства специалистов ответ на этот вопрос был отрицательным. Так, социальные антропологи, традиционно изучавшие культурную жизнь обществ, отличных от западного, видели ситуацию по-другому. В рамках такой субдисциплины, как медицинская антропология, которая начала складываться к началу 1970-х гг., исследователи имели дело с обществами, где культурное влияние западной медицины было минимальным, а функции врачей продолжали исполнять различного рода целители из народа. Американ-

¹⁹ См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; *Он же*. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 79–107; *Он же*. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007. См. также: *Hakosalo H.* Bio-Power and Pathology: Science and Power in the Foucauldian Histories of Medicine, Psychiatry and Sexuality. Oulu, 1991; *Sinding C.* The Power of Norms: Georges Canguillem, Michel Foucault, and the History of Medicine // *Huisman F., Warner J.H.* (eds.) *Locating Medical History*. P. 262–284.

²⁰ *Illich I.* *Medical Nemesis: The Expropriation of Health*. N.Y., 1976. Об Иване Илличе см.: *Gajardo M.* *Ivan Illich (1926–)* // *Prospects: the Quarterly Review of Comparative Education*. Paris, 1993. Vol. 23 (3/4). P. 711–720.

ский антрополог Артур Клейнман в 1980 г. представил один из развернутых отчетов о такой ситуации²¹.

В то же время исследователи в области социальной истории западной цивилизации также обращали внимание на тот факт, что так называемая «научная медицина» установила свою гегемонию на «рынке медицинских услуг» сравнительно недавно. Например, в Лондоне «старый медицинский порядок» пал лишь во времена Реставрации, а в континентальной Европе это случилось еще позднее²². При этом для историков было очевидно, что степень медицинского контроля над западным обществом является весьма фрагментарной даже в настоящее время, не говоря уже о более давней ситуации. Акцент на этом обстоятельстве сделал необходимым задаться вопросом об истории альтернативных практик врачевания, роли целителей и месте пациента в пространстве медицинского опыта²³.

В самом деле, вопрос о роли пациента оказался принципиальным. Уже Фуко в своей работе «Рождение клиники» (1963) обратил внимание на то, что современная медицина утратила способность слушать пациента, выработав вместо этого методы «объективного» наблюдения за ходом болезни в его теле. Согласно Фуко, говорящего пациента заменило безмолвное тело, труп, а сама медицина из «слушающей» стала «наблюдающей»²⁴. Аналогичную мысль позднее высказал британский социолог Никлас Джюсон, проследив, как в ходе длительного периода, начавшегося еще в конце XVIII в. и продолжавшегося вплоть до последней четверти XIX в., в медицинском сознании происходила глубокая трансформация, приведшая к исчезновению пациента²⁵. Тем самым перед исследователями возник вопрос о «возвращении пациента в историю». По своей масштабности эта задача совпадала с тем, что предприняли в то же самое время представители других направлений социально-исторического знания, в том числе историки-антропологи, представители феминистских, гендерных и постколониальных исследований.

В удачной форме проблема пациента была обозначена наиболее авторитетным британским историком медицины Роем Портером (1948–2002) в его

²¹ Kleinman A.M. *Patients and Healers in the Context of Culture*. Berkeley, 1980.

²² Cook H.J. *The Decline of the Old Medical Regime in Stuart London*. Ithaca, 1986.

²³ Ulrich L.T. *A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard, Based on Her Diary, 1785–1812*. N.Y., 1991; Whorton J. *Nature's Cures: The History of Alternative Medicine in America*. Oxford, 2004 и др.

²⁴ Фуко М. *Рождение клиники*. М., 1998.

²⁵ Jewson N.D. *The Disappearance of the Sick-Man from Medical Cosmology, 1770–1870 // Sociology*. 1976. Vol. 10 (2). P. 225–244.

статье 1985 г.²⁶, а затем в книге «Социальная история безумия» (1987), посвященной изучению взглядов и опыта душевнобольных людей в XVIII–XX в.²⁷ Последняя работа стала не только ответом на «Историю безумия» Фуко, но и проложила дорогу целому ряду исследований о взаимоотношениях психиатров и их пациентов в социально-историческом контексте²⁸.

«Возвращение пациентов в историю» предполагало необходимость исторической реконструкции их взглядов на проблемы болезни и здоровья, а также их эмоциональных реакций на факты телесной жизни, боль, кровотечения и др. При этом с самого начала было ясно, что большое значение наряду с их статусными, классовыми, гендерными и профессиональными характеристиками имеют также их религиозные и моральные убеждения, экономические и политические интересы и т.д. Пациенты – это, кроме того, индивиды, окруженные своими семьями, родственниками, соседями, соплеменниками.

Признание значения этой сложности мира пациентов вылилось в необходимость более дифференцированного изучения того, как относились к одним и тем же болезням представители разные социальных групп – богатые и бедные, образованные и простолюдины, мужчины и женщины. Появились исследования, касающиеся различных форм социального ответа и различных форм социального восприятия «острых болезней», в особенности эпидемий, например, чумы, холеры и пр.²⁹ Не были оставлены без внимания и социальные аспекты проблемы хронических болезней, таких, как туберкулез, диабет, а также фактически ставший хроническим заболеванием вследствие появления специальной терапии СПИД. Изучение личного и группового опыта таких болезней позволяет показать не только роль правильно организованной терапии, но и значение самоконтроля, а порой и искусства существования на грани смерти³⁰.

²⁶ *Porter P.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбама, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб., 2008. С. 41–72.

²⁷ *Porter R.* A Social History of Madness: The World Through the Eyes of the Insane. N.Y., 1987.

²⁸ Об этом см.: *Шлюббом Ю., Хагнер М., Сироткина И.* Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье. С. 18.

²⁹ Одно из лучших исследований такого рода: *Ranger T., Slack P.* Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence. Cambridge, 1992. См. также: *Cipolla C.M.* Cristofano and the Plague: A Study in the History of Public Health in the Age of Galileo. L., 1973; *Carmichael A.G.* Plague and the Poor in Renaissance Florence. Cambridge, 1986; *Calvi G.* Histories of a Plague Year: The Social and Imaginary in Baroque Florence. Berkeley, 1989 и др.

³⁰ *Rothman S.M.* Living in the Shadow of Death: Tuberculosis and the Social Experience of Illness in American History. Baltimore, 1995; *Feudtner C.* Bittersweet: Diabetes, Insulin,

Была также развернута работа, посвященная реконструкции женского опыта диетических расстройств, боли, беременности и деторождения, которая обнаружила общие интересы между социальными историками медицины и исследователями гендерных различий³¹. Наряду с этим было уделено внимание также проблеме здоровья иммигрантов. Она уходит корнями в прошлое и лучше позволяет понять современную ситуацию³². Были проведены оригинальные исследования, касающиеся здоровья детей, пожилых людей, людей с психическими расстройствами³³.

Особая тема – социальная история профилактики так называемых «вредных привычек», например, курения. В исследованиях такого рода показывается вклад медицины, гигиены и моды в конструирование представлений о здоровом образе жизни³⁴.

Поскольку «научная медицина» во многих случаях опирается на факты, полученные в рамках лабораторной жизни, то исследователи уделили внимание значению социальных контекстов экспериментально-медицинских исследований, вопросам о снабжении лабораторий биологическими материалами, тканями, трупами, животными. Были поставлены вопросы о том, как относятся к этому население, религиозные группы, политики, защитники прав животных³⁵.

Широта тематического репертуара в области современных социально-исторических исследований феномена медицины впечатляет. Вряд ли воз-

and the Transformation of Illness. Chapel-Hill, N.C., 2003; *Epstein S.* Impure Science: AIDS, Activism, and the Politics of Knowledge. Berkeley, 1996.

³¹ *Burmburg J.* Fasting Girls: The History of Anorexia Nervosa. 2nd rev. ed. N.Y., 2000; *Stokes P.R.* Pathology, Danger, and Power: Women's and Physicians' Views of Pregnancy and Childbirth in Weimar Germany // *Social History of Medicine*. 2000. Vol. 13 (3). P. 359–380; *Jasen P.* Breast Cancer and the Language of Risk, 1750–1950 // *Social History of Medicine*. 2002. Vol.15 (1). P. 17–43; *Howard S.* Imagining the Pain and Peril of Seventeenth-Century Childbirth: Travail and Deliverance in the Making of an Early Modern Word // *Social History of Medicine*. 2003. Vol. 16 (3). P. 367–382 и др.

³² *Fairchild A.* Science at the Borders: Immigrant Medical Inspection and the Shaping of the Modern Industrial Workforce. Baltimore, 2003.

³³ *Cooter R.* (ed.) In the Name of the Child: Health and Welfare, 1880–1940. L., 1992; *Pelling M., Smith R.M.* (eds.) Life, Death and the Elderly: Historical Perspectives. L., 1994; *Digby A., Wright D.* (eds.) From Idiocy to Mental Deficiency: Historical Perspectives on People with Learning Disabilities. L., 1996.

³⁴ *Brandt A.* The Cigarette Century: The Rise, Fall, and Deadly Persistence of the Product That Defined America. N.Y., 2007.

³⁵ *Richardson R.* Death, Dissection and the Destitute. L., 1987; *Sappol M.* Traffic of Dead Bodies: Anatomy and Embodied Social Identity in Nineteenth-Century America. Princeton, 2002; *Rader K.* Making Mice: Standardizing Animals for American Biomedical Research, 1900–1955. Princeton, 2004 и др.

можно дать хоть сколько-нибудь полную библиографию опубликованных в этой сфере работ. В одном только англоязычном мире число публикаций неизменно растет. Прекрасный пример этому дает серия «Исследования по социальной истории медицины» (Studies in the Social History of Medicine), выходящая на базе международного издательского концерна «Рутледж»³⁶.

Отечественные гуманитарии еще только начали осваивать эту сферу исследований. Это значит, что впереди предстоит еще большая работа. Необходимо будет познакомиться с работами западных коллег, а также более широко развернуть свои собственные исследования на российском материале. Тем для этого много.

³⁶ URL: http://www.sshm.org/publications/series_volumes.html.

СООБЩЕНИЯ

М.В. Черкасова

Научные общества и развитие архивного дела в 1918 – начале 1920-х годов.

(на материалах Самарской и Ульяновской губерний)

Становление государственной архивной службы в советской России началось после принятия декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». В этом процессе особую роль сыграли различные местные научные общества, которые нередко брали на себя обязанности по сохранению и учету архивных документов, входили в состав первых государственных архивных учреждений, непосредственно участвовали в их работе.

Деятельность местных научных обществ по сохранению документальных памятников и их участие в процессе становления архивной системы не получили достаточного освещения в отечественной историографии. В советской литературе надолго закрепилась негативная оценка деятельности ученых архивных комиссий. Историками и архивистами был воспринят тезис, прозвучавший в труде Д.Я. Самоквасова, о некомпетентности членов архивных комиссий и малой значимости их работ¹. Так, В.В. Адоратский в 1928 г. отмечал: «существование архивных комиссий по составу своему малокомпетентных не помогло тому, чтобы спасти архивы для истории»². Подобную мысль развивал и В.В. Максаков, указывая на буржуазный состав этих комиссий³. Он считал, что это негативно сказалось на деятельности первых государственных архивных учреждений, поскольку часто в архивах служили прежние члены научных обществ. В 1980-е гг. наметились

¹ См.: *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России: В 2 кн. М., 1902.

² ГАРФ. Р-332. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³ *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.) М., 1969. С. 58.

новые подходы в изучении истории научных общественных организаций, что позволило по-новому оценить их вклад в сохранение архивного наследия⁴. Интерес к этой теме не угасает и в Новейшее время. Однако большинство авторов указанных исследований деятельности местных научных обществ опираются на документы центральных архивов, публикации специальных краеведческих изданий. В связи с этим актуализируется потребность в проведении региональных исследований, восстанавливающих картину деятельности научных обществ по спасению архивного наследия по документам губернских архивов. Результаты подобных исследований позволяют существенно расширить представления о процессе становления архивного дела на местах и о взаимодействии власти, общества и архивов в первые годы советской власти. В этой связи заметим, что участие научных обществ в развитии архивного дела в Самарской и Ульяновской губерниях не являлось предметом специального изучения.

После Февральской революции 1917 г. последовали первые постановления Временного правительства, в которых функции охраны имеющихся в правительственных и общественных учреждениях предметов, представлявших художественный или историко-археологический интерес, возлагались на губернских и областных комиссаров⁵. Местные власти привлекали к содействию архивные комиссии, которые в условиях революции продолжали свою деятельность и стремились установить контроль над сохранением архивного наследия.

Во время социальных потрясений 1917 г. охрана и собирание архивов фактически оказались в руках общественных организаций, многие из которых, несмотря на материальные затруднения, продолжали работать по спасению исторических ценностей. Однако отсутствие соответствующих законодательных и правовых актов, оформлявших и узаконивавших деятельность общественных организаций на избранном поприще, ставило

⁴ См.: *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу М., 1982; *Филимонов С.Б.* Вопросы архивного дела в материалах руководящих краеведческих органов РСФСР и СССР 1920 – середины 1930-х гг. // *Историография и источниковедение архивного дела в СССР.* М., 1984. С. 71–76; *Шмидт С.О.* Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // *Интеллигенция и революция. XX век /* Под ред. К.В. Гусева. М., 1985. С. 163–170; *Филимонов С.Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929). М., 1989; *Жуков Ю.Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. М., 1989.

⁵ См.: *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 65.

их в неопределенное положение. Декрет от 1 июня 1918 г. провозгласил централизацию архивного дела. Однако вопрос о создании местных архивных органов на протяжении 1918 г. оставался открытым. С одной стороны, органы власти стремились установить контроль над архивными документами, создавая при губернских отделах народного образования соответствующие подотделы и архивные секции; с другой, Главное управление архивным делом (ГУАД) связывало развитие архивного дела на местах с общественными организациями, учеными архивными комиссиями⁶. Благодаря местной специфике взаимоотношений между этими учреждениями управление архивным делом в губерниях приобретало различные организационные формы.

В Симбирске в декабре 1918 г. управление местным архивным делом было поручено музейному подотделу губернского отдела народного образования. Для этой цели из состава музейного подотдела был выделен один сотрудник, а именно М.Д. Беляев. Скоро стало ясно, что одному лицу справиться с организацией архивного дела в губернии не под силу. Поэтому в начале 1919 г. при губернском отделе народного образования была создана особая архивная секция, состоявшая из трех человек: заведующего М.Д. Беляева, делопроизводителя С.Ф. Угрюмова и одного технического служащего⁷.

В то время, когда ГУАД издавало циркуляры, отдававшие архивную работу на местах в руки губернских ученых архивных комиссий, в Симбирске ни музейный подотдел, ни архивная секция не считали необходимым привлекать архивную комиссию к полноправному сотрудничеству. Архивная комиссия была вынуждена обращаться за помощью в разрешении сложившегося конфликта в ГУАД⁸.

Вместо ответа ГУАД в августе 1919 г. направило в Симбирск инспектора Н.Ф. Бельчикова, который созвал совместное совещание архивной секции и ученой архивной комиссии. На этом совещании была выработана следующая схема распределения обязанностей: «Все архивы губернии составляют губернский архивный фонд. Во главе управления архивным фондом стоит назначаемый Главным Управлением заведующий. Он действует в своей области... в контакте с губернской ученой архивной комиссией и отделом по народному образованию»⁹. Кроме того, Бельчиков объяснил позицию центрального архивного руководства по отношению к архивной

⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2. Л. 2.

⁷ ГАУО. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

⁸ ГАУО. Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 1. Л. 73.

комиссии, которая не могла получать субсидии ни от ГУАД, ни от местного отдела народного образования, а «должна сама изыскивать средства для своего дальнейшего существования»¹⁰. Таким образом, архивные комиссии лишались возможности активно содействовать развитию архивного дела.

В сентябре 1919 г. в Симбирске был назначен заведующий губернским архивным фондом. Им стал бывший заведующий архивной секцией губернского отдела народного образования М.Д. Беляев. Тогда же в губернии было образовано Симбирское губернское архивное управление и упразднена Архивная секция губернского отдела народного образования¹¹. Однако деятельность государственного архивного учреждения в Симбирске проходила в тесном контакте с архивной комиссией (позднее – краеведческим обществом).

Более тесное организационное сотрудничество между научными обществами и архивом сложилось в Самаре. 1 декабря 1918 г. на заседании Самарского губернского отдела народного образования с представителями Самарской ученой архивной комиссии и Археологического общества было принято решение об организации архивного дела в губернии. При губернском отделе народного образования был учрежден особый подотдел по охране и разборке архивных ценностей, который «находится в распоряжении коллегии архивного фонда и управляющего архивными делами»¹². В созданную коллегию архивного фонда вошли в основном члены архивной комиссии и Археологического общества, преподаватели Самарского государственного университета: профессор Е.И. Тарасов, профессор В.Н. Перетц, профессор А.В. Багрий, профессор П.П. Фридолин, А.В. Колышкин, Н.Н. Ефимов, Ф.Т. Яковлев и директор гимназии Н.А. Архангельский. На первом самостоятельном заседании коллегии архивного фонда 4 декабря 1918 г. было решено привлечь к работе коллегии «старого члена архивной комиссии» и «лучшего знатока» архивного дела товарища председателя губернской архивной комиссии С.А. Хованского¹³. Затем коллегия пополнилась членами архивной комиссии: М.М. Извозчиковым, П.А. Преображенским и др. Как видно, члены общества входили в состав Самарской коллегии архивного фонда, что усиливало тесную взаимную связь между этими организациями: представители общества участвовали в заседаниях совета при Самарском уполномо-

¹⁰ Там же. Л. 62 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-952. Оп.1. Д. 2. Л. 1.

¹² ЦГАСО. Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

¹³ Там же..

ном ГУАД, совместными усилиями производили обследования местных архивов и осуществляли их перевозку в губернские архивохранилища.

В то время как в Самаре и Симбирске складывались губернские архивные органы, в центральном архивном руководстве продолжала обсуждаться проблема устройства местных архивов. В записке на имя заведующего ГУАД Д.Б. Рязанова от старшего инспектора Н.П. Ашенова, заручившегося поддержкой С.Ф. Платонова и В.И. Пичеты, предлагалось уравнивать в правовом положении архивные учреждения и архивные комиссии: «архивное дело должно быть гибким... Если в данном городе, где от всех общественных организаций остались лишь развалины, необходимо немедленное назначение особоуполномоченного, то в другом может оказаться достаточной работа ученой архивной комиссии»¹⁴.

Однако архивное управление решило пойти по другому пути. В 1919–1920-х гг. в ходе реализации декрета СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)» от 31 марта 1919 г. в губерниях учреждались управления губернским архивным фондом во главе с заведующим¹⁵. В Самарской губернии заведующим стал С.А. Хованский, в Ульяновске – М.Д. Беляев.

Тогда же при Петроградском отделении ГУАД состоялось заседание комиссии по вопросу о дальнейшем направлении деятельности губернских ученых архивных комиссий и образованию новых ученых обществ по архивному, музейному и библиотечному делу. Отметив положительные итоги деятельности местных научных обществ, совещание высказалось за их сохранение «за изъятием от них тех функций, которые предусмотрены новым положением о губернских архивных фондах». Кроме того, по мнению участников заседания, надлежало активно создавать новые общества, «в которых было бы объединено архивное, музейное и библиотечное дело»¹⁶. Центральное руководство инициативы Петроградского отделения не поддержало. Положения об организации ученых обществ и их сотрудничестве с архивными органами не были приняты.

Но на местах и в отсутствие соответствующих положений продолжали действовать старые и создавались новые научные общества. Местная интеллигенция стремилась участвовать в работе по сохранению архивного наследия. Известно, что в России в 1910-х – начале 1920-х гг. раз-

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7798. Оп. 1. Д. 81. Л. 9.

¹⁵ Основные декреты и постановления Советского правительства по архивному делу. 1918–1982. М., 1985. С. 6–7.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7798. Оп. 1. Д. 104. Л. 8.

вивалось краеведческое движение. Опираясь на энтузиазм своих членов, общественные организации по изучению истории местного края стремились взять на себя как охрану, так и изучение культурных и исторических памятников.

В Самарской губернии представители губернских научных обществ и их уездных отделений брали на себя функции сохранения и учета архивных материалов, искали и обследовали местные архивы. В Самаре историческая комиссия Общества археологии, истории, этнографии и естествознания со времени своего возникновения в 1919 г. «приступила к историческому обследованию Самарского края по плану члена Общества Г.А. Луначарского, связанному со взятием на учет всего архивного материала в губернии»¹⁷. В фонде Самарской коллегии архивного фонда отложилось несколько отчетов о поездках в уезды преподавателя Самарского университета, члена Археологического общества Н. Архангельского¹⁸. Побывав в Бузулуке, Балакове, волостях Самарского и Бузулукского уезда, Н. Архангельский нарисовал в своих отчетах картину полного пренебрежения к архивам и культурным памятникам со стороны новых советских учреждений и местных администраций: «интересно, что в Красном Яре, когда я зашел в сельский совет, то застал секретаря его за таким занятием: он сложил вчетверо тетрадь исписанной бумаги и затискивал ее в самодельные туфли вместо стельки, причем любезно предложил бывшим здесь двум членам совета взять бумагу для той же надобности, на что они изъявили свое согласие» – так работники администрации распоряжались документами сельского архива, считая, «что исписанная бумага ни на что не нужна»¹⁹. Судьба многих архивов оказалась неизвестной. Так, разыскивая архив уездного полицейского управления в г. Бузулуке, Н. Архангельский узнал, что «его разбирал в 1913–1914 гг. Малеин, отобрал, что считал в нем ценным, а остальное, как ненужное, было уничтожено. Но где хранились и хранятся отобранное Малеиным неизвестно; его самого спросить не удалось, так как он арестован и находится в Самаре»²⁰.

Входивший в совет при Самарском уполномоченном ГУАД Н.А. Виноградов в 1919 г. обследовал состояние помещичьих усадеб в Бузулукском уезде, которые нашел в разрушенном состоянии. Из уцелевших он отметил только усадьбу Стобеуса в с. Александровка, «где уцелел архив

¹⁷ Хроника // Краеведение. 1923. № 2. С. 170.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. Р-780. Оп.2. Д. 23. Л. 13–13 об., 15–16 об., 18–21, 22.

¹⁹ Там же. Л. 15 об.

²⁰ Там же. Л. 22.

в виде писем»²¹. Обследовавший усадьбы Бугурусланского уезда член Совета Н.С. Ягужинский отмечал, что большинство усадеб «разрушены настолько, что не осталось даже следа, где они были»²². Среди сохранившихся усадеб Н.С. Ягужинский отметил усадьбу С.Т. Аксакова в с. Знаменском (Аксакове), где сохранились дом, парк, разные службы, церковь. При этом двухэтажный дом подвергся значительной переделке: для устройства большого зала в нижнем этаже были вынуты простенки, в дальнейшем там планировалось организовать народную читальню, но «пока помещение заполнено кучей мусора... в мусоре попадают листки книг, переписки, подвергшиеся полному уничтожению»²³.

Член Общества археологии, истории и этнографии и Коллегии архивного фонда Ф.Т. Яковлев обследовал состояние культурных и документальных памятников в уездах Самарской губернии. Примечательно его известие из с. Алексеевки, где подвергались уничтожению архивные документы XVIII в. Как указывал Федор Тимофеевич Яковлев, крестьяне истратили их на бумагу для «цыгарок»²⁴. Помимо архивной работы Ф.Т. Яковлев активно участвовал в формировании коллекций местных музеев. Он буквально радел за создание музея Общества археологии и археологических курсов. В письме своему коллеге и другу С.А. Хованскому Ф.Т. Яковлев с досадой отмечал: «нам необходимо иметь свой музей и не якшаться с ...прихвостнями последней марки. За меня Бог покарает всю эту сволочь и я в том не сомневаюсь, что и помещик...подохнет раньше времени, но зато Музей общества Археологии, Истории и Этнографии будет существовать»²⁵.

Уездные отделения научных обществ также принимали активное участие в спасении архивов. Например, в Пугачевском уезде кружок любителей мироведения²⁶ в первые послереволюционные годы собирал при своем музее архивы монастырей, дворянской опеки, удельного приказа и некоторые другие. Как отмечал в 1920 г. председатель археологического общества Пугачевского кружка любителей мироведения Е.Е. Корневский: «Предполагалось забрать и архив земства, но...за недостатком места и для

²¹ Там же. Д.19. Л. 13.

²² ЦГАСО. Ф. Р-780. Оп.2. Д. 19. Л. 10.

²³ Там же. Д. 23. Л. 10.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 6.

²⁵ Там же. Оп.1. Д. 22. Л. 10 об.

²⁶ Так называли кружки краеведения.

музея, – ограничились лишь охраной его»²⁷. В Бузулукском уезде в 1920 г. также было образовано отделение Самарского археологического общества – Комиссия по исследованию родного края в историко-археологическом, естественно-историческом и этнографическом отношениях, состоявшая из преподавателей учебных заведений, работников музейной секции уездного отдела народного образования. При этом историко-археологическая секция сразу приступила к разбору документов, находящихся в архиве Державина (с. Державино), а в дальнейшем планировала изучить архив Аксаковых, который готовила к перевозке из с. Языкова²⁸.

В соседней губернии развитие архивного дела в уездах протекало также благодаря активной поддержке местных научных обществ. В Сызранском уезде Симбирской губернии в 1923 г. краеведы взяли на себя контроль по охране и собиранию революционных памятников²⁹. В том же году 22 августа на заседании президиума Сызранского уездного исполнительного комитета впервые состоялось обсуждение вопроса о необходимости организации местного архива. Но решения по этому вопросу принято не было³⁰. В 1925 г. обязанности хранения и собирания архивных материалов приняло на себя уездное общество краеведения. Только 1 октября 1925 г. удалось организовать уездное архивное бюро при уездном исполкоме³¹.

В губернском центре тоже образовалось новое научное общество. В 1922 г. в Симбирске был организован кружок краеведения. Члены этого общества вынуждены были преодолевать ежедневные трудности. Постоянно ощущался дефицит финансов. Катастрофически не хватало лиц, интересующихся краеведческой работой. Как писал председатель общества А.Н. Путилов, «краеведческая работа в Симбирске кроме глубокого равнодушия большинства интеллигентных работников встречала и встречает еще такие препятствия... отсутствие средств у кружка не позволяет даже вести почтовые сношения. Отсутствие в Симбирске музея местного края служит весьма сильным тормозом в популяризации краеведения. Организовать его при книгохранилище нельзя по отсутствию места, а в губмузее эта идея почему-то не поддерживается. Местная газета за последнее время стала отказывать в помещении краеведческого материала. Активных ра-

²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

²⁸ Там же. Л. 26.

²⁹ См.: *Гурьев Н.* Сызранский музей местного края // Известия ЦБ Краеведения. 1925. № 3. С. 147–149.

³⁰ ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 1167. Л. 85.

³¹ Архивное дело // Известия ЦБК. 1925. № 6. С. 185.

ботников было еще меньше...трудно найти охотников на безвозмездную работу»³².

И все же на первом же собрании кружка было решено начать работу по сбору сведений о местных художниках и памятниках старины³³. Два года спустя, в 1924 г. краеведческое общество Симбирска инициировало поездки по уездам губернии, в ходе которых выявлялись документальные и культурные памятники. В частности, в результате поездки членов общества в Усолье был спасен от расхищения Усольский усадебный архив – «весьма крупный исторический памятник». Тогда же одним из членов общества были добыты остатки Зубовского архива из с. Карзинского³⁴.

С середины 1920-х гг. связи между краеведческими обществами и архивными органами стали ослабевать. На первое место выходит сотрудничество с местными отделениями истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б))³⁵. Центральное архивное руководство пыталось провести более жесткую границу между архивами и научными обществами, обвиняя своих недавних помощников в создании параллельных государственным архивным органам архивохранилищ³⁶. С точки зрения советского руководства, документальные собрания являлись собственностью государства, а не общества, а потому и храниться документы могли только в государственных учреждениях. В последней трети 1920-х гг. существовавшая связь между краеведческими обществами и архивами окончательно прервалась.

Таким образом, в 1918 – начале 1920-х гг., когда государственные архивные учреждения переживали трудный этап своего становления, научные общества выступили в качестве организационной и функциональной основы формирующихся архивных органов. Члены обществ являлись сотрудниками архивов. Они привнесли в новое учреждение традиции деятельности дореволюционных научных обществ. Вместе с тем они оказали существенную помощь в розыске и сохранении архивных документов. В уездах до образования местных архивных отделений научные общества принимали на себя ответственность за сохранение архивного наследия.

³² ГАУО. Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

³³ Там же. Л. 5 об.

³⁴ Там же. Д. 32. Л. 7 об.–8.

³⁵ См.: Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 242–252.

³⁶ См.: Константинов М. Съезд архивных деятелей РСФСР в Москве 14–19 марта 1925 г. // Архивное дело. 1925. Вып. 3–4. С. 46.

При этом стоит отметить, что общества зачастую работали на энтузиазме своих членов, так как, в отличие от государственных архивных учреждений, не получали государственного финансирования.

**Документы по истории Народно-трудового Союза
российских солидаристов в архиве НТС
во Франкфурте-на-Майне**

История первой волны российской эмиграции после Гражданской войны привлекает внимание многих отечественных исследователей. При этом часто они сталкиваются с отсутствием необходимых источников в российских архивах. Это связано с тем, что до настоящего времени за рубежом находится много архивных документов по истории русской эмиграции. Архив НТС во Франкфурте-на-Майне является одним из хранилищ таких документов.

Архив НТС – корпоративный архив Народно-трудового Союза российских солидаристов, оформившегося первоначально в 1930 г. как Национальный Союз Нового Поколения¹.

НТС оказался фактически единственной организацией послеоктябрьской российской эмиграции, сохранившейся до настоящего времени. С 1990-х гг. он частично перенес свою деятельность на территорию Российской Федерации, создав в Москве Российский центр и некоммерческое издательство «Посев» и сохранив Зарубежный центр во Франкфурте-на-Майне, где и был создан архив.

¹ Народно-трудовой Союз российских солидаристов несколько раз менял название. Образовался Союз путем слияния в 1930 г. Союза русской национальной молодежи в Югославии и Национального союза русской молодежи в Болгарии. Первый съезд представителей групп и союзов русской национальной молодежи состоялся 1 июля 1930 г. в Белграде. На Втором съезде (декабрь 1931) было принято название Национальный Союз Нового Поколения (НСНП). Эта организация, объединявшая часть эмигрантской молодежи, стояла на позиции «непредрешенчества», считая, что вопрос о форме правления решится русским народом после свержения власти большевиков. Главной своей задачей они провозгласили борьбу с большевиками и заявляли: «В борьбе с большевиками цель оправдывает средства».

В 1936 г. Совет Союза принял решение о переименовании его в Национально-трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП). С 1942 г. он стал именоваться Национально-трудовой Союз.

Вопрос участия членов Союза во Второй мировой войне до сих пор остается спорным и дискуссионным. Они выступали за идею «третьей силы» — создание независимого национального движения в России с помощью НТС. После войны Союз восстановился и продолжал свою деятельность. Название Народно-трудовой Союз российских солидаристов (НТС) организация получила в 1957 г.

Решение о сборе и хранении документов, отражающих историю организации, было принято только в 1984 г. До этого документы хранились разрозненно, в каждом отделе Союза, что оказалось ненадежным. Необходимость сохранения истории Союза стимулировала создание централизованного архива, который с самого начала располагался в цокольном этаже помещения НТС и издательства «Посев». К этому времени там уже хранились документы, отражающие деятельность издательства «Посев»: рукописи, договоры, вырезки.

Первоначально архив носил закрытый характер: для работы в нем допускались только члены руководящих органов НТС, которые использовали его материалы при написании ряда сборников статей и книг². Первым хранителем архива была Кира Владимировна Брюно. После ее смерти в архиве сотрудничали Владимир Батшев, затем Андрей Романович Редлих. В настоящее время архив находится в ведении Сергея Михайловича Пушкарева. Пополнение архива происходит главным образом за счет передачи личных архивов членов Союза.

Основной функцией архива на начальном этапе был сбор документов. К сожалению, описание документов не производилось. Первая попытка их систематизации была предпринята Эдуардом Эммануиловичем Долининым и Сергеем Михайловичем Пушкаревым в 2000 г.³

В настоящее время архив включает в себя 10 фондов (документы в фондах хранятся в папках, те, в свою очередь, делятся на дела):

- Ф. 1. Внутрисоюзная деятельность. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 2. Работа на Россию. 1930–1991 гг.
- Ф. 3. Работа с Западом. 1930–1991 гг.
- Ф. 4. Документы исторического характера. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 5. Периодические издания. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 6. Фотодокументы. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 7. Аудио (видео) материалы. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 8. Музейные экспонаты. 1930–1991 гг.
- Ф. 9. Книжный фонд. 1930 г. – по настоящее время.
- Ф. 10. Издательство «Посев». 1945 г. – по настоящее время.

² См.: *Рар Л.А., Оболенский В.А.* Ранние годы. Очерки истории Национально-трудового Союза (1924–1948). М., 2003; *Столыпин А.П.* На службе России. НТС: Мысль и дело. 1930–2000. М., 2000.

³ *Долинин В.Э.* Архив НТС во Франкфурте-на-Майне // Вестник Мемориала. Вып. 6. СПб., 2001. С. 262–264 // nature.web.ru/db/msg.html?mid=1188211.

Материалы архива позволяют более полно изучать некоторые вопросы истории русского зарубежья. В архиве хранятся документы, собранные членами НТС, поэтому они носят односторонний характер, так как касаются в основном деятельности Союза. Практически все материалы архива являются уникальными, так как имеются в единственном экземпляре и только в архиве НТС. В настоящей статье внимание будет уделено документам архива, позволяющим проследить жизнь и деятельность НТС в первое десятилетие его существования, а также восстановить некоторые эпизоды истории российской эмиграции в 1930–1940-е гг. К сожалению, многие документы довоенного периода пропали или были преднамеренно уничтожены во время Второй мировой войны.

Основу фондов довоенного периода составляют документы Французского отдела, сохраненные и переданные Владимиром Дмитриевичем Поремским⁴ в самом начале создания архива. Кроме того, часть материалов передал Аркадий Петрович Столыпин⁵. Документы Югославского отдела были сохранены Виктором Михайловичем Байдалаковым⁶. Многие материалы, носившие секретный характер, и оперативные документы сразу уничтожались. Несмотря на это, архив НТС является единственным хранителем уникальных источников по довоенной истории Союза.

Документы о довоенной деятельности НТС условно можно разделить на несколько групп:

- 1) периодические издания;
- 2) документы внутрисоюзного пользования: уставы, учебные материалы и т.п.;
- 3) переписка.

Периодические издания, которые хранятся в разных фондах архива, представляют собой:

⁴ Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997) в 1920 г. вместе с родителями эмигрировал в Югославию. С 1934 г. председатель Французского отдела Национального Союза Нового Поколения, в 1943 г. избран в Исполнительное бюро НТС, с 1955 по 1972 г. – председатель НТС.

⁵ Столыпин Аркадий Петрович (1903–1990) – сын премьер-министра России П.А. Столыпина. С 1920 г. в эмиграции. В НСНП вступил в 1935 г. Председатель отдела НТС во Франции с 1942 по 1949 г., с 1959 г. член редакционной коллегии журнала «Посев».

⁶ Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) в 1918 г. вступил в белую армию. В 1930 г. возглавил Исполнительное бюро Национального Союза Нового Поколения (Белград). До 1952 г. являлся председателем НТС, в 1955 г. вышел из НТС.

во-первых, периодические издания НТС: подшивка центральной газеты Союза «За Россию» (1932–1939) (Ф. 2. П. 1–4.), журнал «Инструктор» (Ф. 1. П. 8.), который издавался для членов НТС, а также издания отделов: журнал «Уголек» (Лион), газета «За Россию» (Харбин). По материалам периодической печати можно проследить тенденции развития организации, становление ее политической программы и системы взглядов;

во-вторых, периодические издания других эмигрантских организаций, позволяющие выявить их оценку программных документов и деятельности НТС. Например, номера газет «Возрождение», «Последние новости», «Сигнал» (Ф. 4. П. 41. Д. 29.), которые постоянно отзывались на деятельность Союза. А такие издания, как «Русская правда» (Ф. 4. П. 39. Д. 12–18.), «Часовой» (Ф. 3. П. 1), «Меч» (Ф. 3. П. 15.), «Знамя России» (Ф. 4. П. 1.) предоставляли место на своих полосах для «Странички Союза»;

в-третьих, периодические издания Советского Союза (Ф. 2. П. 2) и других стран (Ф. 2. П. 1.), в которых содержалась информация о НТС. Особый интерес представляют отзывы в советской прессе, ее реакция на деятельность новопоколенцев. Заметки и статьи в советской периодике тенденциозны, написаны одной черной краской. Что касается материалов в периодических изданиях других стран, то они носят большей частью позитивный характер, благожелательно описывают деятельность Союза.

Большую роль в своей работе НСПН уделял воспитанию кадров функционеров, для этого были разработаны программы, учебные пособия, проводились курсы национально-политической и общетехнической подготовки. Материалы, связанные с этой стороной деятельности Союза, также находятся в архиве (Ф. 1. П. 6–8, 11, 12, 14). В указанных папках хранятся печатные материалы, которые были изданы для членов Союза, а также их черновые варианты. Учебные материалы представляют собой серию конспектов лекций по национально-политической подготовке, посвященных вопросам истории России, проблемам современного положения в СССР; в них также разъяснялись программные положения НТС. В качестве приложения печатался вопросник, так как после прохождения курсов необходимо было сдать экзамен.

В пособия по общетехнической подготовке включались как теоретические вопросы, так и практические рекомендации. В них рассматривались военная история России, проблемы военной организации, тактические вопросы военной подготовки, давался инструктаж по методам борьбы с большевиками, описывались изготовление взрывчатых устройств, приемы

самообороны. Учебные материалы для функционеров, занимавшихся агитационно-пропагандистской деятельностью, содержали советы, как подготовить лекцию или беседу, как написать статью в газету. Выпускались также инструкции по работе с советскими гражданами, памятки и календарь-памятки члена НСНП.

В фонде 1 (П. 10) хранятся уставы НСНП, схема национально-трудового строя, тезисы национально-трудового солидаризма. Эти документы раскрывают основные идеи, заложенные в программе новопоколенцев. Сохранились частично документы отчетного характера: протоколы съездов, заседаний, справки. Ценными материалами являются протоколы собраний Инициативной группы по созданию Союза Русской Национальной Молодежи в Париже, протоколы общих собраний НСНП во Франции, происходивших в 1930–1943 гг. К сожалению, протоколы собраний сохранились не полностью.

В архиве НТС удалось собрать и сохранить часть переписки, которая велась между членами организации. Письма Исполнительного бюро, в частности председателя Союза В.М. Байдалакова, носили в основном официальный характер (Ф. 1. П. 13). Наряду с письмами в папке хранятся и отчеты секретаря Исполнительного бюро, а также циркуляры членов Исполнительного бюро. Переписку личного характера сохранил и передал в архив (копии)⁷ В.Д. Поремский (председатель Отдела Союза во Франции). Она охватывает период с 1930 по 1940 г. В основном это переписка с В.М. Байдалаковым, но и письма носят как официальный, так и частный характер. В них содержится не только много ценных сведений о внутренней жизни НТС, но и дается оригинальная картина положения в русской эмиграции (Ф. 1. П. 17).

В фонде 1 (П. 18) содержится переписка Французского отдела, как внутренняя, так и с другими отделами. Там же хранятся письма Бориса Павловича Дробязко⁸ Борису Игнатьевичу Недригаило⁹, которые датируются

⁷ Оригинал документов был передан В.Д. Поремским в архив Института изучения Восточной Европы при Бременском университете.

⁸ Дробязко Борис Павлович (1905–1985) участвовал в Гражданской войне на юге России. В 1920 г. эмигрировал. В октябре 1934 г. принят в ряды НТСНП. Являлся руководителем идеологической секции отделения Союза в Марселе и Тулоне. Активно участвовал в закрытой оперативной работе службы защиты НТСНП. В конце 1930-х гг. возглавил союзную группу. После Второй мировой войны проживал в США.

⁹ Недригаило Борис Игнатьевич (1899–1985) – участник Гражданской войны. Эмигрировал в 1920 г. В 1930-е гг. возглавлял службу защиты НСНП (до 1942). После Второй мировой войны активного участия в деятельности НТС не принимал.

1938–1939 гг. Б.П. Дробязко вел работу с советскими моряками, приходившими на кораблях в порт Марселя. Эта переписка проливает свет на конспиративную деятельность Союза и является уникальным источником по данной теме, так как в официальных документах об этом не сообщалось.

В архиве собраны документы не только по истории Союза, но и относящиеся к русской эмиграции в целом: подшивки или отдельные экземпляры периодических изданий, общественно-политические труды деятелей эмиграции, листовки. Эти материалы собирались членами Союза, передавались в архив; сейчас они в какой-то мере систематизированы и находятся в трех папках (Ф. 4. П. 39–41). Изучение их позволяет лучше понять обстановку русского зарубежья, провести политический анализ существовавших в то время организаций русской эмиграции. Материалы, посвященные Братству Русской Правды (БРП), занимают значительное место в этом фонде, так как НСНП сотрудничал с БРП, совместно организовывали засылку в СССР своих людей, но результаты были невелики. В архиве сохранились номера периодического органа БРП «Русская правда», листовки и обращения Братства.

Кроме того, имеются отдельные номера газеты «Голос России» (редактор И.Л. Солоневич) (П. 40. Д. 26, П. 41. Д. 29) и газеты «Сигнал» (печатный орган Русского национального Союза Участников Войны – РНСУВ).

Для советских граждан НСНП выпускал оперативные материалы: карманные брошюры, листовки, специальный лист «За Россию» (Ф. 5. П. 1.). Литература распространялась среди моряков советских судов, заходивших в зарубежные порты. Другим направлением оперативной деятельности НСНП в 1930-е гг. было проникновение членов Союза на территорию Советской России с целью распространения идей, литературы и создания ячеек Союза. Указанные материалы входят в отдельный фонд.

Работа в зарубежье велась с целью установления контактов, пропаганды идей солидаризма, поиска сочувствовавших и источников финансирования организации. Документы фонда «Работа с Западом», в основном на иностранных языках, носят разный характер: информационные бюллетени, переводы уставных документов организации (Ф. 4. П. 4).

В середине 1930-х гг. были созданы Комитеты содействия НСНП, их уставы и документы о деятельности хранятся в фонде 1 (П. 7).

Материалы о деятельности других отделов НСНП представлены единичными экземплярами и находятся в фонде 1 (П. 28). Они дают возможность проследить географию распространения деятельности Союза. Документы этой папки сообщают, в частности, о существовании с 1935 г.

группы Союза в Уругвае, куда переехал член Союза М. Каратаев¹⁰ из Брюсселя.

В фонде издательства «Посев» (Ф. 10) содержатся договоры с авторами, оригиналы рукописей, присланных из Советского Союза и изданных за рубежом.

Рассмотренные документы охватывают только некоторые страницы жизни русского зарубежья, но они до настоящего времени практически не исследованы и представляют ценность для историков, занимающихся проблемами русской эмиграции XX в., филологов и политологов. В связи с тем, что архив находится за рубежом, он мало доступен для отечественных исследователей. В последнее время достигнута договоренность о передаче части архивных документов в ГАРФ, что позволит приступить к более планомерному и тщательному изучению ценных материалов по истории русского зарубежья.

¹⁰ Каратаев Михаил Дмитриевич (1904–1978) – участник Гражданской войны. В 1920 г. с войсками генерала Врангеля эвакуировался в Константинополь, затем перебрался в Югославию. Основатель Бельгийского отдела НСНП (до 1933). В Южную Америку попал с первыми группами русских переселенцев из Европы. Жил в Уругвае, занимаясь литературной работой. Много публиковался в «Новом русском слове».

ПУБЛИКАЦИИ (К ЮБИЛЕЮ САРАТОВСКИХ ИСТОРИКОВ)

Последний труд историка

(Неопубликованная книга Г.Д. Бурдея
о профессоре Саратовского университета А.М. Панкратовой)

Имя и труды Григория Давыдовича Бурдея (1919–1999) известны многим российским историкам. Круг его научно-исследовательских интересов был широк и многообразен¹.

9 февраля 1954 г. Г.Д. Бурдей защитил в Московском университете кандидатскую диссертацию на тему «Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в.» (официальные оппоненты – Л.В. Черепнин и Е.Н. Кушева). Затем в течение нескольких десятилетий он активно занимался изучением внешней политики России XVI–XVII вв., посвятив этому ряд печатных работ². «И вдруг, – по замечанию Н.А. Троицкого, – неожиданно для коллег – он, уже многоопытный доцент кафедры истории СССР досоветского периода, обратился в конце 70-х годов к изучению *советской* исторической науки...»³ и остался верен этой теме до конца своей жизни⁴.

Будучи от природы человеком увлеченным, Григорий Давыдович с головой окунулся в новый для себя исследовательский процесс. Много времени

¹ См.: Список научных трудов Г.Д. Бурдея // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 12–19.

² См.: Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962; Бурдей Г.Д., Буганов В.И., Корецкий В.И. Из истории русского города XVI – начала XVII вв. (Серпухов и Серпуховский край). Саратов, 1981 и др.

³ Троицкий Н.А. Сеятель «разумного, доброго, вечного...»: К 80-летию Г.Д. Бурдея // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 6.

⁴ Вершиной научного творчества Г.Д. Бурдея явилась докторская диссертация на тему «Социальные функции советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны», которую он защитил 28 декабря 1990 г. в Московском историко-архивном институте. См. также: Бурдей Г.Д. Историк и война. 1941–1945 / Под ред. В.А. Муравьева. Саратов, 1991.

и сил уделял он поиску архивных сведений, сбору библиографического материала. При этом в центре всех научных разысканий ученого всегда оставались жизнь и судьбы ведущих отечественных историков. Но особенные привязанность и любовь он испытывал к личности академика Анны Михайловны Панкратовой (1897–1957), крупнейшего специалиста по истории русского и западноевропейского рабочего движения, революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. Саратовского историка связывали с ней, помимо прочего, еще и личные воспоминания, уходящие корнями в довоенную студенческую пору.

Неудивительно поэтому, что на закате своей жизни Г.Д. Бурдей приступил к написанию книги, посвященной многотрудной и в то же время плодотворной и насыщенной жизни А.М. Панкратовой⁵. Но, увы, неожиданная смерть помешала историку завершить начатую работу. Опубликовать при жизни ему удалось лишь небольшую ее часть⁶. Вместе с тем собранный ученым уникальный архивный и библиографический материал, сохранивший свою актуальность, заслуживает того, чтобы стать достоянием широкой научной общественности.

В связи со 100-летней годовщиной Саратовского университета и 90-летним юбилеем Г.Д. Бурдея представляется уместным познакомить читателей с фрагментом указанной рукописи, снабдив его необходимыми в таких случаях пояснениями и комментариями.

Публикация, вступительная статья и комментарии

В.А. Соломонова

В жизни Анны Михайловны Панкратовой (1897–1957) выделяются такие периоды, как одесский, ленинградский, московский, уральский, саратовский, казахстанский. Каждый из этих периодов по-своему характерен и значим.

Пребывание А.М. Панкратовой в Саратове сыграло большую роль и в ее жизни, и в становлении исторического факультета (основан в 1935 г.⁷).

⁵ *Бурдей Г.Д.* Панкратова – профессор Саратовского университета: Документы и материалы. 1937–1940. К 90-летию СГУ. Саратов, 1999. Рукопись // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова (Саратов).

⁶ См.: *Бурдей Г.Д.* Новые исторические технологии. А.М. Панкратова. Выступление по саратовскому радио. 1939. Краткая биографическая справка. Аудио- и видеокассета. Саратов, 1998; *Он же.* Панкратова – профессор Саратовского университета в 1937–1940 гг. // Историк и время: 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 74–76.

⁷ На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в 1934 г. открылись исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. А летом 1935 г. Саратовский обком ВКП(б) и

В Саратове она оказалась в очень трудных условиях, когда в стране достиг апогея «большой террор», было репрессировано руководство университета и факультета, арестовано и загублено много преподавателей и студентов...⁸ «Из огня – в полымя»... Но как бы наперекор невероятным трудностям крупный ученый-общественник и прекрасный организатор выступала как инициатор многих научно-педагогических и общественно-политических начинаний.

А.М. Панкратова была введена в состав комиссии по разработке Устава университета. На истфаке в 1938 г. была организована аспирантура. А.М. Панкратова возглавила комиссию по разработке программ и приема экзаменов по кандидатскому минимуму, выступала научным руководителем и оппонентом на защитах диссертаций. На предварительный просмотр ей давали диссертации. Она – член редколлегии «Ученых записок», входила в состав Редакционного совета университета, была включена в состав жюри общеуниверситетской комиссии конкурса на лучшую студенческую научную работу, являлась членом оргкомитета по руководству научной конференции преподавателей университета. А.М. Панкратова и доцент Б.С. Зевин⁹ разработали методику первых занятий выпускников, направленных на работу преподавателями нового учебного предмета – основ марксизма-ленинизма, и дали примерную схему подготовки и про-

облисполком возбудили ходатайство перед правительством об учреждении аналогичного факультета и в Саратове. И уже 8 сентября того же года наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым соответствующий приказ был подписан. Так, третьим в РСФСР (после МГУ и ЛГУ) и первым на периферии в 1935 г. был создан, а по существу – восстановлен, берущий начало с 1917 г. исторический факультет в Саратовском университете (Подр. см.: *Соломонов В.А.* Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. Саратов, 2007. Т. 7, вып. 2. С. 5–27).

⁸ Не обошла стороной волна политических преследований и А.М. Панкратову. По обвинению в «политической близорукости» решением парторганизации Института красной профессуры от 27 августа 1936 г., поддержанным Краснопресненским райкомом ВКП(б), она была исключена из партии сроком на один год. Затем последовало направление на работу в Саратовский университет, где с 1 апреля 1937 г. она занимала должность профессора, а с 20 марта 1939 г. до 1 сентября 1940 г. – заведующей кафедрой истории народов СССР исторического факультета (См.: *Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А.* Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Биобиблиографические очерки. Саратов, 2005. С. 128).

⁹ Зевин Борис Саулович (1901–1941), историк-новист, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории Нового времени (1938–1941) и декан (1939–1940) исторического факультета Саратовского университета.

ведения занятий. Под ее редакцией вышла книга, написанная выпускником истфака П.М. Потетенькиным¹⁰.

При отсутствии учебников по истории особое значение приобретала разработка индивидуальных лекционных курсов, которые стенографировались, тиражировались и представлялись в пользование студентов.

Впервые на истфаке СГУ был разработан и предложен студентам застенографированный курс русской историографии, чем было положено начало роли истфака как крупного исторического центра (коллеги А.М. Панкратовой по кафедре истории СССР А.Л. Шапиро¹¹, Л.А. Дербов¹², В.Е. Иллерицкий¹³).

После ликвидации в жерновах репрессий в 20-х – начале 30-х гг. классического русского краеведения в Саратове во второй половине 30-х гг. было положено начало возрождению региональной истории (семинар по истории народов Поволжья, которым руководила А.М. Панкратова). Под влиянием этого семинара сформировались известные саратовские краеведы. Ряд статей и брошюр по краеведческой тематике был подготовлен и опубликован Р.А. Таубиным¹⁴. Т.М. Акимова и А.М. Ардабацкая выпустили

¹⁰ См.: *Потетенькин П.М.* Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861–1863 гг. / Под ред. А.М. Панкратовой. Саратов, 1940; *Он же.* Реформа 1861 г. и крестьянское движение в связи с ней в Саратовской губернии. М., 1946.

Потетенькин Петр Максимович (1918–?), историк, выпускник первого студенческого набора (1935–1940) исторического факультета Саратовского университета.

¹¹ Шапиро Александр Львович (1905–1994), историк. В 1937–1941 гг. преподаватель кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского, с 1956 г. профессор Ленинградского университетов. Автор научных и учебных работ по историографии, социально-экономической истории России XV–XVII вв.

¹² Дербов Леонард Адамович (1909–1994), историк, старший преподаватель (с 1938), доцент (с 1944), профессор (1976–1989) и заведующий (1944–1970) кафедрой истории народов СССР (с 1963 г. – истории СССР досоветского периода) исторического факультета Саратовского университета.

¹³ Иллерицкий Владимир Евгеньевич (1912–1980), историк, историограф и методолог. С 1962 г. профессор, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода (1964–1978) Московского историко-архивного института. В 1938–1941 гг. являлся аспирантом кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета.

¹⁴ См.: *Таубин Р.А.* Культурное строительство в Саратовской области: (Народное образование, здравоохранение, искусство). Саратов, 1939; *Он же.* Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – патриоты демократической России // Н.Г. Чернышевский: Сб. статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; *Он же.* Из истории борьбы с меньшевистской и эсерово-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в б[ывшей] Саратовской губернии // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1939. Т. 1 (14), сер. ист. фак., вып. 1. С. 3–46; *Он же.* Чернышевский – революционер-демократ // Сталинец. Саратов, 1939. № 9. С. 43–63.

научно-популярную книгу, освещающую историю города Саратова в XVII–XVIII вв.¹⁵ В.А. Осипов¹⁶ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Очерки по истории колонизации Нижнего Поволжья во второй половине XVIII века» (защита 29 июня 1940 г.; официальные оппоненты – А.М. Панкратова, Т.Л. Морозова¹⁷. За утверждение протокола защиты проголосовали все члены Совета). В 1940 г. вышла первым изданием книга В.А. Осипова о Саратовской организации РСДРП в период первой русской революции¹⁸. По-прежнему интенсивно велось археологическое изучение древней истории края (И.В. Сеницын¹⁹).

Группа работников кафедры истории СССР собирала и обрабатывала материалы по истории народов Поволжья для многотомной работы, которая готовилась Институтом истории АН СССР.

А.М. Панкратова активно участвовала в организации и проведении весьма значимых мероприятий – 50-летия со дня смерти Н.Г. Чернышевского, 30-летия основания университета, 350-летия основания города Саратова. Ее слово звучало (после восстановления в партии) на заседаниях парткома и на партийных собраниях. Неоднократно давала рекомендации студентам – кандидатам в члены ВКП(б). А.М. Панкратова выступила на совещании ра-

Таубин Рафаил Абрамович (1906–1976), историк, доцент (с 1938 – профессор), заведующий кафедрой истории народов СССР (1935–1938, 1940–1941) и декан (1938–1939) исторического факультета Саратовского университета.

¹⁵ См.: *Акимова Т.М., Ардабацкая А.М.* Очерки истории Саратова (17–18 вв.). Саратов, 1940.

Акимова Татьяна Михайловна (1899–1987), литературовед, доктор филол. наук, профессор (1966–1981) филологического факультета Саратовского университета.

Ардабацкая Александра Михайловна (1901–1980), историк, старший преподаватель (1939–1963) кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета.

¹⁶ Осипов Владимир Алексеевич (1905–1996), историк и краевед, специалист по истории Саратовского Поволжья. В 1935–1983 гг. работал в Саратовском университете: с 1940 г. – доцентом кафедры истории народов СССР, с 1953 по 1965 г. – деканом исторического факультета.

¹⁷ Морозова Тамара Лукинична (1909–2001), историк и общественный деятель. В 1938–1947 гг. работала старшим преподавателем, доцентом кафедры истории народов СССР и деканом (1940–1942) исторического факультета в Саратовском университете.

¹⁸ См.: *Осипов В.А.* Саратовская организация РСДРП в 1905–1907 гг. Саратов, 1940 (2-е изд. Саратов, 1947).

¹⁹ Сеницын Иван Васильевич (1900–1972), археолог, исследователь древнейшей истории Нижнего Поволжья. С 1935 г. работал в Саратовском университете ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором (с 1962), заведующим кафедрой археологии (1940–1941 и 1943–1944) и деканом (1943–1953) исторического (до 1945 – историко-филологического) факультета.

ботников высшей школы г. Саратова с участием председателя Комитета по делам высшей школы Кафтанова²⁰ по обсуждению итогов 1-го Всесоюзного совещания работников высшей школы (13–14 июня 1938 г.).

А.М. Панкратова часто выступала с лекциями и докладами в различных аудиториях, неоднократно ее статьи появлялись на страницах саратовской периодической печати (газеты «Коммунист», «Молодой сталинец», «Сталинец», журнал «Сталинец»). По ее инициативе в областной молодежной газете «Молодой сталинец» был введен в 1939 г. раздел «Из прошлого нашей Родины», в котором была опубликована большая серия статей по истории народов СССР под редакцией кафедры истории СССР. Многие статьи написаны студентами-старшекурсниками. Подчас ее печатные саратовские выступления воспроизводила центральная печать («Правда»).

А.М. Панкратова была лидером, инициатором и душой всех научно-педагогических и общественных дел на историческом факультете. Она сыграла важную роль в развитии саратовской школы историков России, в определении направления ее творческой деятельности, методов и темпов работы, установлении и расширении связей с Москвой и Ленинградом. В Саратовский университет в качестве преподавателей приезжали выпускники аспирантуры известных столичных вузов. По прежнему месту обучения они защищали кандидатские диссертации (А.Л. Шапиро, Т.Л. Морозова). Саратовцев А.М. Панкратова подключала к разработке научных проблем и написанию коллективных обобщающих трудов, которые создавались в Институте истории Академии наук СССР.

Саратовский период жизни и деятельности А.М. Панкратовой хорошо представлен в литературе работами Л.А. Дербова и Л.В. Бади²¹. Л.А. Дербов прекрасно знал А.М. Панкратову по совместной работе в Саратовском университете, а до этого – во время обучения в аспирантуре в Московском университете, переписывался с ней после ее отъезда из Саратова.

²⁰ Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978), советский государственный деятель, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1937–1946 гг. председатель Комитета по делам высшей школы при СНК (Совете Министров) СССР, в 1946–1951 гг. министр высшего образования СССР.

²¹ Бадя Лариса Викторовна (р. 1944), историк и историограф и источниковед. Автор работ по истории трудовой помощи населению в дореволюционной России.

Он оставил интересные воспоминания об Анне Михайловне, искренние и душевные, четкие и запоминающиеся, весьма уважительные²². При написании статей об А.М. Панкратовой и в своих выступлениях на историческом факультете СГУ Л.А. Дербов опирался на свои собственные личные представления. Но этого для него было недостаточно и поэтому он обращался к тем, кто слушал лекции А.М. Панкратовой и общался с ней. Необходимо отметить и ту настойчивость, которую проявлял, с какой он добивался публикации подготовленной им работы в условиях, когда разгромная стихия в адрес рухнувшего советского режима грозила изъять из общественного сознания яркие события и образы привлекательных людей.

Некоторыми новыми материалами саратовский период жизни и творчества А.М. Панкратовой обогатился в трудах Л.В. Бади, которая написала ее биографию²³. Автор верно заметила, что жизнь Панкратовой, «оставаясь неповторимой, вместила в то же время характерные для нашей эпохи черты».

Однако в имеющейся литературе о пребывании А.М. Панкратовой в Саратове крайне слабо привлечены местные источники. Некоторые важные аспекты темы не ставились («большой террор» 1937–1949 гг. в Саратовском университете). Многие аспекты деятельности А.М. Панкратовой в саратовский период не изучались.

Предпринятые автором разыскания в местных архивах позволили включить в научный оборот документы Государственного архива Саратовской области, Центра документации новейшей истории Саратовской области, Архива Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Архива научной библиотеки СГУ. Ряд событий жизни А.М. Панкратовой в Саратове зафиксирован в реестре документов личного фонда историка (№ 697) в Архиве Российской академии наук.

После пожара 1974 г. в ГАСО подавляющее большинство документов по Саратовскому университету за 1937–1940 гг. исчезли. Исключение составили поступившие в архив позднее материалы 60–80-х гг., собранные преподавательско-студенческой группой «Поиск» исторического факуль-

²² См.: *Дербов Л.* «Без права заниматься научной деятельностью...» // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7. С. 102–116; *Он же.* Воспоминания // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 165–166.

²³ См.: *Бадя Л.В.* Академик А.М. Панкратова – историк рабочего класса СССР. М., 1979.

тета СГУ (руководители В.М. Гохлернер²⁴, Н.К. Бурдей²⁵). Особое значение в этом фонде имеют воспоминания об А.М. Панкратовой преподавателей и студентов истфака. Ценными материалами о Панкратовой располагает ЦДНИСО (протоколы заседаний парткома СГУ, закрытых и открытых партийных собраний, материалы обкома и горкома партии). В Архиве СГУ сосредоточены приказы по университету, а также личные фонды преподавателей – А.М. Панкратовой и ее коллег (П.С. Рыков²⁶, Р.А. Таубин, Б.С. Зевин, Т.Л. Морозова и др.). Архив Научной библиотеки позволяет составить представление о творческих связях А.М. Панкратовой, особенно в период создания учебников по истории.

Впервые при составлении саратовской биографии А.М. Панкратовой широко использована местная периодическая печать: областные газеты «Коммунист», «Молодой сталинец», «Сталинец» (многотиражка СГУ), «Сталинец» (журнал обкома партии). Эти издания содержат большой материал об А.М. Панкратовой и о тех событиях в жизни области, города и университета, с которыми была связана ее деятельность. Опираясь на общероссийским материалом, А.М. Панкратова обращалась также к истории Саратовского края и Саратовского университета.

Рассматриваемый сюжет очень близок автору настоящей публикации. Поступив в 1937 г. на исторический факультет Саратовского университета, в 1939–1940 учебном году он прослушал курс лекций А.М. Панкратовой по истории СССР советского периода и 28 июня 1940 г. сдал ей экзамен и получил «хорошо» (до «5» не дотянул: не знал, сколько раз был в эмиграции В.И. Ленин). Автор хорошо помнит то время, когда в аудиториях исторического факультета по улице Радищева, 41 (комнаты 9 и 10) сто с лишним студентов III курса слушали лекции А.М. Панкратовой, а две штатные стенографистки истфака – М.В. Шминке и В.В. Гертель²⁷ – фиксировали содержание ее лекций.

²⁴ Гохлернер Вера Моисеевна (1920–2008) историк, старший преподаватель (с 1948), доцент (1958–1989) кафедры истории СССР советского периода исторического факультета Саратовского университета. Участница Великой Отечественной войны.

²⁵ Бурдей Нинель Константиновна (1934–1988), старший преподаватель (с 1968) кафедры научного коммунизма Саратовского университета. Жена Г.Д. Бурдея.

²⁶ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942), историк, археолог и краевед, профессор (с 1922) и декан (1935–1937) исторического факультета Саратовского университета.

²⁷ Идентифицировать личность М.В. Шминке и В.В. Гертель не удалось.

В личном архиве автора хранится и такой документ, связанный с А.М. Панкратовой, – письмо матери Розалии Борисовны Бурдей²⁸ сыну в действующую армию по адресу: полевая почта 18304 «Б»:

«5 декабря 1944 года. Здравствуй, дорогой сыночек сейчас 8 ч. вечера, мы за чаем слушали твоего профессор Панкратова говорит она с Москвы. Мы слушали ее очень интересно рассказывает мы ее слушали с огромным удовольствием...» (сохранена орфография оригинала. – Г.Б.).

Изучение микрофонных материалов Всесоюзного радиокомитета показывает, что 5 декабря 1944 г. А.М. Панкратова выступала на тему «Великая дружба народов СССР».

С материалами военных лет связаны документы, свидетельствующие о том, что А.М. Панкратова не забывала Саратов. В период эвакуации из Москвы в начале войны некоторых заводов, учреждений, женщин с детьми, академиков и членов-корреспондентов Академии наук в Казань уехал и директор Института истории Б.Д. Греков²⁹ с семьей. Его в значительной мере заменила А.М. Панкратова. Она вызвала Е.Н. Кушеву³⁰ и, зная, что та – саратовка и что там у нее родные, уговаривала ее ехать в Саратов, обещая дать характеристику, которая помогла бы найти работу в Саратовском университете. Е.Н. Кушева от этого предложения отказалась, так как у нее оставалась ставка в педагогическом институте им. К. Либкнехта³¹.

Когда через некоторое время положение Москвы еще более осложнилось, в Институте истории прошла новая мобилизация, освободились ставки. А.М. Панкратова вызвала Е.Н. Кушеву и она была оставлена в институте.

Вскоре Е.Н. Кушева выехала в Саратов, а оттуда – в Ташкент, куда из Казани были направлены сотрудники Института истории. «Ехала я из Саратова в Ташкент вместе с дочерью А.М. Панкратовой, с Майей Панкратовой³², которую Анна Михайловна отправила в Саратов еще в начале войны. С Сара-

²⁸ Бурдей Розалия Борисовна, мать Г.Д. Бурдея.

²⁹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953), историк, академик АН СССР (1935), профессор Петроградского – Ленинградского (с 1921) университета, директор Института истории (с 1937), Института истории материальной культуры (1944–1946) и Института Севера (1946–1951) АН СССР.

³⁰ Кушева Екатерина Николаевна (1899–1990), историк, источниковед и краевед, преподаватель Саратовского университета (1922–1929), старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1936–1969).

³¹ Вероятно, речь идет о Московском индустриально-педагогическом институте имени К. Либкнехта (1923–1942).

³² Панкратова Майя Григорьевна (1925–2000), кандидат исторических и доктор социологических наук, руководитель Центра исследования проблем женщин в городе и селе Института социологии РАН. Дочь А.М. Панкратовой.

товом у нее были тесные связи, так как в конце 30-х гг. она на ряд лет была выслана в Саратов из Москвы»³³.

Из Ташкента в январе 1942 г. А.М. Панкратова отправила телеграмму Е.М. Ярославскому³⁴ в ЦК ВКП(б) следующего содержания: «Телеграфьте Пушкинская 84 разрешение выехать Саратов путевка 14 октября лекции Ленин защите Отечества преподавателям истории». На телеграфном бланке: «Принято 19 января». Помета: «Переговорить с Панкратовой как приедет». На бланке помета Ярославского: «Говорил с тов. Александровым³⁵ (руководителем Управления пропаганды и агитации. – Г.Б.). Советует вызвать через тов. Маханова³⁶» (Управление пропаганды агитации. – Г.Б.)

Попытка Панкратовой встретиться с саратовскими слушателями ее лекций и навестить находившуюся в Саратове дочь Майю не удалась.

Есть еще два документа военных лет, свидетельствующие о связях А.М. Панкратовой с Саратовом и напоминающие о недавней довоенной поре. В 1942 г., в год 25-летия Октябрьской революции в свет вышла книга «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина³⁷, Е.В. Тарле³⁸, А.М. Панкратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1942. 228 с.). Во время работы в Научной библиотеке СГУ автору среди нескольких одноименных книг этого издания однажды попала книга с дарственной надписью: «Дорогой Клавдии Дворецковой³⁹ на память от А.М. Панкратовой. 2/V/1943 г.». К.И. Дворецкова – заведующая справочно-библиографическим отделом Научной библиотеки Саратовского университета, с которой А.М. Панкратова активно сотрудничала.

В том же году А.М. Панкратова отправила в Саратов книгу А.И. Яковлева⁴⁰ «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (М.; Л., 1943) с дарственной надписью: «Дорогому Леонарду Адамовичу

³³ Источник цитирования не установлен.

³⁴ Ярославский Емельян Михайлович (наст. фам. и имя – Губельман Миней Израилевич, 1878–1943), историк и публицист, академик АН СССР (1939).

³⁵ Александров Георгий Федорович (1908–1961), философ, академик АН СССР (1946). С 1940 по 1947 г. возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

³⁶ Маханов А.И., сотрудник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

³⁷ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк и общественный деятель, академик АН СССР (1930).

³⁸ Тарле Евгений Викторович (1875–1955), историк и историограф, академик АН СССР (1927), профессор Петроградского – Ленинградского (с 1918) университета.

³⁹ Дворецкова Клавдия Ивановна (1897–1944), библиограф, заведующая справочно-библиографическим отделом Научной библиотеки Саратовского университета.

⁴⁰ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951), историк, член-корреспондент АН СССР (1929).

Дербову на добрую память и в знак общей любви к истории нашей Родины от друга А. Панкратовой. 14.X.1943».

Формирование саратовской школы историков, как и деятельность всех гуманитариев, существенно активизировали и принципиально видоизменяли крупные перемены в общественном сознании, в исторической науке и историческом образовании в высшей и общеобразовательной школе 30-х годов, значительное расширение связей различных подразделений и учреждений науки и просвещения. «Академия наук (Институт истории) – университет и педагогические институты (исторические факультеты) – школа» – эта единая система мощно действовала, ее усилия концентрировались на создании новых учебников по истории («стабильные») и использовании их многомиллионной обучающейся средой.

Много и плодотворно А.М. Панкратова трудилась в области исторического образования. Она состояла членом Международного комитета по преподаванию истории. В 1936 г. правительственное жюри отметило учебник А.М. Панкратовой для начальной школы⁴¹ поощрительной премией. Затем – новый этап. В автобиографии она писала: «Начиная с сентября мес[яца] (1937 г. – Г.Б.) по предложению тов. Жданова⁴² работала над учебником по истории народов СССР» для старших классов⁴³. В Саратове Панкратова создала известные всей стране учебники по истории СССР (в 1939 г. был опубликован учебник для 10 класса, а в 1940 г. вышли все три части – для 8, 9 и 10 классов – авторы А.М. Панкратова, К.В. Базилевич⁴⁴, С.В. Бахрушин⁴⁵, А.В. Фохт⁴⁶). Эти учебники выдержали 22 издания и по

⁴¹ «Учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР, созданный коллективом под руководством А.М. Панкратовой (в него также входили К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.В. Фохт), был удостоен поощрительной премии на конкурсе, объявленном 3 марта 1936 г.» (*Краснова Ю.В. Учебник по истории СССР для VIII–IX классов средней школы авторского коллектива под руководством А.М. Панкратовой // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 141*).

⁴² Жданов Андрей Александрович (1896–1948), советский государственный и партийный деятель. В 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), с 1939 г. член Политбюро ЦК.

⁴³ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО). Ф. 35. Д. 162.

⁴⁴ Базилевич Константин Васильевич (1892–1950), историк, профессор Московского университета (с 1935) и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) – КПСС (с 1939). Одновременно в 1936–1950 старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

⁴⁵ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк, член-корреспондент АН СССР (1939), профессор (с 1927) Московского университета.

⁴⁶ Фохт Анастасия Викторовна, историк.

ним долгое время учились миллионы советских людей. А.М. Панкратова активно сотрудничала с Саратовским институтом повышения квалификации кадров народного образования. «На курсах учителей 1937 г. А.М. Панкратову и других лекторов забрасывали цветами». «К новому учебнику проявляется здесь громадный интерес» (из письма А.М. Панкратовой К.В. Базилевичу)⁴⁷. «Большая работа А.М. Панкратовой среди учителей вызывала у работников области удовлетворение и энтузиазм»⁴⁸.

Отдел школ и науки Саратовского обкома партии направил замечания учителей истории Саратовской области на макеты учебника 8, 9 и 10 классов под редакцией А.М. Панкратовой в Секретариат ЦК (А.А. Жданову). Блок информации по теме «А.М. Панкратова и школа» закончим ее словами, сказанными на заседании парткома СГУ 17 июня 1938 г. при обсуждении ее отзыва на предмет восстановления в правах члена ВКП(б): «Главной общественной работой я считаю работу с учителями»⁴⁹.

В ознаменование ее заслуг перед наукой и обществом Саратовский университет выдвинул А.М. Панкратову в члены-корреспонденты Академии наук СССР, а также в члены-корреспонденты Академии наук Белорусской ССР. Во исполнение Постановления ЦК ВКП(б) (от 10 августа 1937 г.) она была восстановлена в члены партии Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) (19 августа 1939 г.). Мотивировка: «Установлено: после исключения из партии провела работу над учебником истории народов СССР, активно вела преподавательскую работу. Партком Саратовского университета поддерживает ходатайство о восстановлении Панкратовой в ряды ВКП(б)»⁵⁰.

Акцентируя внимание на деятельности А.М. Панкратовой в 1937–1940 гг. в Саратове, мы также учитываем, что в это время она работала и в Москве – в 1939 г. руководила группой по изучению истории СССР XX в. в Институте истории Академии наук СССР. Коллектив Института готовил многотомный труд по истории СССР. Панкратовой поручили составительскую и редакторскую работу по седьмому тому (до Февральской революции). В конце 1939 г. Панкратова приняла участие в торжественном Общем собрании Академии наук СССР, посвященном 60-летию со

⁴⁷ Источник цитирования установить не удалось.

⁴⁸ ЦДНИ СО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1427.

⁴⁹ ЦДНИ СО. Ф. 35. Д. 164.

⁵⁰ Там же. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 7123.

дня рождения И.В. Сталина (доклад «Сталин и историческая наука»), а также в заседании Ученого совета Института истории, на котором говорила о подготовке к изданию труда, обобщающего ее исследования по истории пролетариата. В 1939 и 1940 гг. вышли две части книги, которые были направлены против исторической концепции М.Н. Покровского⁵¹. Первая часть открывалась статьей А.М. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского» (65 страниц). В связи с началом в 1939 г. второй мировой войны «на Анну Михайловну и других товарищей – С.В. Бахрушина, С.Д. Сказкина⁵², И.И. Минца⁵³ и др. – была возложена задача подготовить многотомную историю дипломатии»⁵⁴.

Возвратившись в Саратов, Панкратова закончила чтение лекций по истории СССР на III курсе, в конце июня 1940 г. приняла экзамены, возглавила Государственную экзаменационную комиссию на V курсе, тепло попрощалась с первым выпуском исторического факультета. Из 52 выпускников, сдававших экзамены, 16 человек получили диплом I степени. Это был один из самых сильных выпусков истфака⁵⁵.

⁵¹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, академик АН СССР (1929), с 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1932 г. Покровский был назван «всемирно известным ученым-коммунистом и руководителем нашего теоретического фронта». Несколько позже, когда И.В. Сталин решил использовать патриотизм, «школа Покровского» стала критиковаться, а его учение было объявлено «антимарксизмом и вульгарным социологизмом». Указывалось, что сочинения Покровского – клевета на историю России (См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. М., 1939. Ч. 1; 1940. Ч. 2).

⁵² Сказкин Сергей Данилович (1890–1973), историк, академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1970). С 1920 г. преподавал в Московском университете, с 1949 г. возглавлял кафедру истории средних веков МГУ и с 1962 г. – сектор истории средних веков Института истории АН СССР (с 1968 – Института всеобщей истории АН СССР).

⁵³ Минц Исаак Израилевич (1896–1991), историк, академик АН СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1946). В 1932–1949 гг. заведовал кафедрами истории СССР в МИФЛИ и МГУ, в 1937–1949 гг. – в Высшей партийной школе. С 1950 г. заведующий кафедрой истории СССР МГПИ им. В.И. Ленина.

⁵⁴ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 65.

Дружинин Николай Михайлович (1886–1986), историк, академик АН СССР (1953). С 1934 по 1952 г. профессор исторического факультета Московского университета, с 1953 г. председатель Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР.

⁵⁵ См.: Панкратова А.М. Новый отряд советских историков // Сталинец (СГУ). 1940. 24 мая; Говорят выпускники исторического факультета // Там же; Выпускной вечер историков // Там же. 3 июля.

Из писем А.М. Панкратовой С.В. Бахрушину и К.В. Базилевичу видно, как много она работала в Саратове. «В Саратове я уже почти так занята, как бывало в Москве. Во-первых, читала много лекций – для студентов и публичных. Во-вторых, принимаю довольно активное участие в общественной жизни университета. В-третьих, работала над материалами для заочников-преподавателей... Отношение ко мне повсюду прекрасное. Устроилась я хорошо. В связи с этим как-то снова окрепла и физически, и морально. Я даже начинаю подумывать и об организации какой-нибудь научной работы»⁵⁶.

Итак, два центра деятельности А.М. Панкратовой во второй половине 30-х гг.: Саратов – Москва. «Работа сразу в двух городах требует большого напряжения, тем более, что нагрузка и в Москве, и в Саратове полная, если не больше..., – писала она в сентябре 1939 г. Е.И. Веденеевой⁵⁷. – В Саратове работаю очень охотно, так как здесь я гораздо нужнее, чем в Москве, да и отношение настолько прекрасное, что невольно привязывает. Так или иначе, но я сама отказалась от перевода совсем в Москву, на котором настаивала Академия и который мне предлагал Наркомпрос. Решила поработать еще и этот год в Саратове...»⁵⁸.

При всех этих уточнениях «саратовский период 1937–1940 годов» – чрезвычайно важный и для биографии А.М. Панкратовой, и для понимания исторической науки в целом, и деятельности исторического факультета Саратовского университета, кафедры истории СССР, всех саратовцев, оказавшихся под «воздействием» видного отечественного ученого, организатора науки, яркого просветителя, замечательного человека.

Саратовский государственный университет и поныне чтит своего именитого профессора. Ее художественный портрет встречает каждого посетителя в вестибюле центрального корпуса, где представлена портретная галерея крупных ученых одного из старейших российских университетов.

В ходе подготовки и защиты докторской диссертации (1990 г.), выявления и публикации соответствующих материалов по теме «Историк и война. 1941–1945» автор собрал и систематизировал большой материал о

⁵⁶ Из письма А.М. Панкратовой С.В. Бахрушину и К.В. Базилевичу от 24 мая 1937 г. // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 283.

⁵⁷ Веденеева Евгения Ивановна, сотрудница Института истории Академии наук СССР; в 1950-х гг. референт А.М. Панкратовой.

⁵⁸ Из письма А.М. Панкратовой Е.И. Веденеевой от 26 сентября 1939 г. // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 287.

деятельности А.М. Панкратовой⁵⁹. Ее образ воссоздается и в учебном процессе, в ходе чтения спецкурсов, при проведении спецсеминаров и написании дипломных работ.

Обратимся к архитектонике книги. В начале фиксируются события включения А.М. Панкратовой в преподавательский коллектив Саратовского университета. Здесь же даются краткие сведения о самом университете 1937–1940 гг. Публикуется автобиография историка, написанная в Саратове⁶⁰. Впервые составлена весьма подробная саратовская хронография А.М. Панкратовой, охватывающая все стороны ее жизни и деятельности. Новым для читателя является материал о «большом терроре» в университете на фоне тотального террора в стране, свидетелем которых была А.М. Панкратова. Этот материал состоит из трех частей: трагическая судьба ректора Хворостина⁶¹, который за свою непродолжительную работу много сделал для развития университета и помог А.М. Панкратовой в устройстве в незнакомом ей городе. Читатель узнает о наветах на нового профессора из Москвы и в конечном счете о торжестве справедливости.

Изложение «большого террора» ведется по годам. Каждому периоду предпослан перечень важнейших общественно-политических событий. Затем публикуются соответствующие документы.

Коллектив университета представлен преподавателями и студентами, взятыми во взаимосвязи. При этом автор счел целесообразным выделить материал о студентах и в отдельном разделе, поскольку в нем систематизированы данные, ранее не издававшиеся. Новы для понимания «большого террора» разделы о компрометирующем материале, который определял содержание конкретной репрессивной политики.

Последующие разделы посвящены различным направлениям учебной и общественной деятельности А.М. Панкратовой в качестве профессора, заведующей кафедрой истории народов СССР, докладчика, лектора и просветителя. Публикуются характеристики, выданные ученому в университе-

⁵⁹ См.: *Бурдей Г.Д.* Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1991.

⁶⁰ Имеется в виду автограф А.М. Панкратовой 1937 г., хранящийся в Архиве СГУ (Д. 7715) в составе личного дела историка. Опубликован (см: Автобиография // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 193–194).

⁶¹ Хворостин Гавриил Кириллович (1900–1937), математик, с 17 июня 1935 по 18 августа 1937 г. директор Саратовского университета. Репрессирован. Подр. о его трагической судьбе см.: *Крутов А.* Дело Хворостина // Известия Поволжья. 1997. 21 фев. № 8. С. 9).

те, ее письма, выступления в Саратове на совещаниях, партсобраниях, парткоме; статьи, опубликованные в саратовской периодике, воспоминания саратовцев (преподавателей и студентов). Один из центральных вопросов – власть и историк, долгожданное восстановление в рядах членов партии.

Читатель имеет возможность познакомиться с мнениями о новых («стабильных») учебниках по истории СССР, созданных А.М. Панкратовой и ее коллегами, которые были высказаны современниками и самими авторами. Публикуемое оглавление учебника для 8 класса позволяет составить представление о его содержании и идейной сути. Особая нагрузка падает на раздел о ссыльном историке, в котором дается характеристика пребывания Панкратовой в Саратове, когда, по ее словам, она «окрепла и физически, и морально». Отдельно выделен материал о работе А.М. Панкратовой над двумя историческими памятными событиями 1939 г.: 30-летием Саратовского университета и 50-летием со дня смерти Н.Г. Чернышевского.

Для более полного ознакомления с деятельностью А.М. Панкратовой как профессора исторического факультета обобщен материал о деканах 1937–1940 гг. – П.С. Рыкове, Р.А. Таубине, Б.С. Зевине, Т.Л. Морозовой. С этой же целью кратко зафиксированы организационные и научные связи истфака СГУ с московскими и ленинградскими научными и государственными центрами.

Поскольку однозначная характеристика темы противоречила бы истине, автор анализирует материал на фоне и в связи с большими переменами в 30-е гг. в исторической науке и историческом образовании, совершенствовании преподавания истории и всемерной ее политизации.

Особую роль в насаждении нового понимания истории имеют почти одновременно предпринятые акции: 1. Выход «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.); 2. Сокрушение по указанию И.В. Сталина долгое время распространенного авторитета видного историка М.Н. Покровского; 3. Всемерное восхваление как историка самого Сталина (особенно во время его 60-летия). Деятельность А.М. Панкратовой, чрезвычайно энергичная в 1938–1940 гг., развертывалась на фоне и в связи с этими событиями, с ее активным участием в разработке историко-партийной тематики, с участием в организации и проведении соответствующих конференций и юбилеев. Все это вместе взятое убеждает, что характеристика А.М. Панкратовой в период репрессий не была и не могла быть однозначной.

В книге обобщены данные о связях историка с Научной библиотекой СГУ, ее директором В.А. Артисевич⁶² и заведующей справочно-библиографическим отделом К.И. Дворецковой. До последних лет в опубликованной литературе о Научной библиотеке отсутствовали сведения о ее ученом консультанте Д.Б. Рязанове⁶³. О нем можно было узнать из информации в «Большой энциклопедии» (по 1931 г.) как об активном участнике политической жизни. С этой личностью как сотрудника Научной библиотеки СГУ, притом с крайне негативными характеристиками, автор познакомился по архивным материалам бывшего обкома партии.

Положение окончательно прояснилось после ознакомления с недавно вышедшей книгой Я. Рокитянского и Р. Мюллера⁶⁴, в которой подробно освещен материал о сосланном в 1931 г. в Саратов ярком ученом и общественном деятеле, осужденном и расстрелянном в 1938 г.⁶⁵

Особое значение это издание имеет для изучения семилетнего пребывания Д.Б. Рязанова в Саратове, поскольку авторы подняли громадный пласт материала из Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ и Управления ФСБ по Саратовской области.

Автор публикует впервые полный библиографический указатель печатных работ А.М. Панкратовой 1939–1940 гг. с включением статей, не вошедших в изданную в 1958 г. библиографию ее трудов⁶⁶. Читатель также имеет возможность ознакомиться с фотоснимками, на которых А.М. Панкратова запечатлена вместе с преподавателями, аспирантами, студентами. Публикуются титульные листы книг А.М. Панкратовой. В разделе

⁶² Артисевич Вера Александровна (1907–1999), заслуженный работник культуры РСФСР, почетный академик Международной академии информатизации, почетный работник высшей школы РФ и почетный гражданин города Саратова. С 1931 г. директор Научной библиотеки Саратовского университета.

⁶³ Рязанов Давид Борисович (наст. фам. и имя – Гольдендах Давид-Симха Зельман Беров, 1870–1938), историк, источниковед и архивист, академик АН СССР (1929), создатель и первый директор Института Маркса – Энгельса. Репрессирован.

⁶⁴ См.: *Рокитянский Я.Г., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биографический очерк. Документы. М., 1996.

Рокитянский Яков Григорьевич (р. 1940), историк, журналист, поэт.

Мюллер Р., немецкий историк.

⁶⁵ Д.Б. Рязанов был расстрелян 21 января 1938 г. в Саратове.

⁶⁶ См.: Библиография трудов академика А.М. Панкратовой // Из истории рабочего класса и революционного движения: Памяти академика Анны Михайловны Панкратовой: Сб. ст. М., 1958. С. 53–72. См. также: Дополнение к ранее опубликованной библиографии трудов А.М. Панкратовой / Сост. Л.В. Бадя, Ю.И. Кирьянов // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 339–340.

«Вместо послесловия» дается краткий обзор литературы об А.М. Панкратовой, вышедшей в самые последние годы в связи с ее столетием⁶⁷ и свидетельствующей о неугасающем интересе к яркой личности и неоднозначных ее характеристиках.

Автор надеется, что предлагаемая вниманию читателя книга расширит и углубит существующие представления о профессоре Саратовского университета А.М. Панкратовой и о самом университете, внесет определенные коррективы в устоявшиеся представления об одном из важнейших этапов в развитии отечественной историографии и университетского исторического образования. Четко проступает, с одной стороны, влияние Саратова, и особенно его университета, на известного ученого, человека сложной судьбы, а с другой – сильное и разностороннее воздействие А.М. Панкратовой на многие стороны научной, образовательной, культурной жизни крупного Поволжского центра и одного из старейших русских университетов.

⁶⁷ См.: Литература об А.М. Панкратовой и ее трудах / Сост. Л.В. Бадя, Ю.И. Кирьянов // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. С. 340.

«С большой признательностью вспоминаю о встречах с Вами...»: письмо Г.Д. Бурдея академику Л.В. Черепнину (1972–1975)

21 января 2009 г. исполнилось 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного профессора Саратовского государственного университета, действительного члена Академии военных наук Григория Давыдовича Бурдея (1919–1999). Он был известен не только как талантливый историк и организатор, но и как яркая, незаурядная личность и редкий по своей доброте человек¹.

Г.Д. Бурдею посчастливилось быть знакомым со многими видными советскими историками – Б.Б. Пиотровским, С. О. Шмидтом, В.Т. Пашуто, А.З. Манфредом и др. Особые отношения сложились у него с академиком Львом Владимировичем Черепниным (1905–1977). Трудно сказать, когда состоялось их знакомство, но можно предположить, что этому знакомству способствовали увлечение Григория Давыдовича русской историей XVI в. и его занятия в архивах и библиотеках Москвы. Во всяком случае именно Л.В. Черепнин был оппонентом кандидатской диссертации Г.Д. Бурдея «Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50–70-е годы)», защищенной в 1954 г. в Московском государственном университете.

Впоследствии связи между историками не прерывались. Именно Г.Д. Бурдей организовал приезд Л.В. Черепнина в Саратов в мае 1973 г. В своих воспоминаниях профессор Н.А. Троицкий так описал этот памятный эпизод: «...Весной 1973 г. захотелось нам провести со студентами кафедральный день, посвященный академику Л.В. Черепнину: рассказать о нем студентам, показать его труды, портрет, разумеется. А Григорий Давыдович говорит: “Лучше я доставлю самого Черепнина живьем, и его собственное выступление перед нашими студентами организую!” И доставил. И организовал»². Приезд знаменитого историка стал важным событием не только в жизни исторического факультета, но и в интеллектуальной жизни всего города.

В обширном личном фонде академика Л.В. Черепнина (Ф. 1791) в архиве Российской академии наук сохранилось несколько примечательных документов о связях историка с Саратовом. Среди них – две фотографии, от-

¹ *Дербов Л.А.* К 70-летию Г.Д. Бурдея // *Историографический сборник*. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 125–133; *Воронихин А.В.* Восхождение (К 80-летию профессора СГУ Г.Д. Бурдея) // *Земское обозрение*. Саратов, 1999. 22 янв. С. 14; *Троицкий Н.А.* Сеятель «разумного, доброго, вечного...»: К 80-летию Г.Д. Бурдея // *Историографический сборник*. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 5–11; *Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 84.

² *Троицкий Н.А.* Книга о любви. С. 84.

ражающие пребывание Л.В. Черепнина в Саратове в мае 1973 г. Это снимки на фоне Саратовского областного музея краеведения³ и на месте приземления Ю.А. Гагарина⁴. Особый интерес представляют письма Г.Д. Бурдея к Л.В. Черепнину. Среди них – одна телеграмма, две открытки и три письма. Все они относятся к периоду 1974–1975 гг. и, таким образом, отражают лишь очень небольшой период общения двух историков. Ответные письма Л.В. Черепнина, к сожалению, не сохранились. Несмотря на небольшой объем публикуемых писем, они, безусловно, являются интересными историческими источниками.

Подготовка к публикации,
вступительная статья и комментарии
М.В. Ковалева

1.

Дорогой Лев Владимирович!

Мы все еще находимся под впечатлением приятной вести о Вашем новом столь высоком официальном положении в многотысячной армии советских историков⁵.

На занятиях со студентами с удовольствием рассказывал о новом академике, его трудах и встречах с ним. В ходе семинарских занятий по теме «Киевская Русь» интенсивно используем Ваши материалы в книге «Пути развития феодализма»⁶ и в последнем выпуске «Исторических записок»⁷. Создается впечатление, что это две части одного большого труда (социально-экономические отношения и политический строй). Не ошибаемся ли мы? Если нет, то когда можно рассчитывать на встречу с Вашей новой книгой?

В эти праздничные юбилейные дни мы организовали большую фотовыставку – отчет о летней практике студентов V курса в Москве и Ленинграде. На отдельных щитах-планшетах представлены материалы о встрече в Институте истории СССР – беседы студентов с Вами, В.Т. Пашуто⁸,

³ Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 450. 1 л.

⁴ Там же.

⁵ Имеется в виду избрание Л.В. Черепнина академиком АН СССР в 1972 г.

⁶ Здесь упомянута коллективная монография: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

⁷ Речь идет о статье: *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // *ИЗ.* 1972. Т. 89. С. 353–408.

⁸ Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – историк, член-корреспондент АН СССР (1976), научный сотрудник Института истории АН СССР в 1948–1983 гг., профессор Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской

С.О. Шмидтом⁹ и другими. На выставке экспонируется и Ваше письмо, которое я получил и за которое мы – я, Дербов Л.А.¹⁰, Стам С.М.¹¹ – Вам признательны. С письмом мы познакомили и университетскую общественность.

Желаю Вам всего самого лучшего в наступающем 1973 году.

С дружеским приветом,

Г. Бурдей

25 декабря 1972 года.

Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.
Автограф.

2.

Дорогие Лев Владимирович и Евгения Вениаминовна!

Сегодня возвратился из командировки – по заданию Обкома партии в составе пропагандистских групп выезжал с лекциями о декабрьском пленуме в колхозы и совхозы области. Побывал в Хвалынском районе, который находится на севере нашей области, на границе с Куйбышевской. Хвалы́нск – один из немногих городов России, который во многом еще сохранил свою первозданную привлекательность, спокойствие и тишину. Он расположен на берегу Волги, окруженный сосновым лесом и садами. В районе много сел, связанных со старой Россией – в одном – бывшее имение Воронцова-Дашкова¹², в другом – Медема¹³, в третьем – Нессельроде¹⁴.

(1970–1983), автор работ по истории Древней Руси и Прибалтики, проблемам феодализма, источниковедению и историографии.

⁹ Шмидт Сигурд Оттович (р. 1922) – историк, академик Российской академии образования (1992), иностранный член Польской академии наук (1997). В 1968–2006 гг. – председатель Археографической комиссии Академии наук, автор работ по археографии и источниковедению, истории России XVI в., профессор РГГУ.

¹⁰ Дербов Леонард Адамович (1909–1994) – историк, профессор СГУ. В 1944–1970 гг. заведующий кафедрой истории СССР. Специалист по истории внешней политики России XVI–XVIII вв., русского просветительства XVIII в., историографии.

¹¹ Стам Соломон Моисеевич (р. 1913) – историк, профессор СГУ, заведующий кафедрой истории средних веков исторического факультета СГУ, крупнейший отечественный специалист по истории средневекового города и итальянского Возрождения.

¹² Село Алексеевка Хвалынского района.

¹³ Бывшее имение графа Медема Александрия; ныне поселок Северный Хвалынского района.

¹⁴ Бывшее имение графа Нессельроде Царевщина находится в Балтайском районе Саратовской области.

Сохранились старые постройки – господского дома, винокуренного завода, земских больниц и церквей. Так что история и современность постоянно переплетаются. У всех у нас предновогодние хлопоты. Неля¹⁵ занята на рабфаке и группой «Поиск». Леся¹⁶ сдает зачеты и готовится к экзаменам. Я рассчитываю в январе побывать в столице и обязательно встретиться с Вами, если это будет удобно.

Желаю Вам здоровья и всего самого хорошего.

Всегда Ваш Г. Бурдей.

Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3.

Открытка. Автограф.

3.

ХИ. 1973.

Дорогие Лев Владимирович и Евгения Вениаминовна!

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом. Желаю Вам всего самого хорошего. С большой признательностью вспоминаю о встречах с Вами в 1973 году. Для меня и моих занятий со студентами это очень важный источник творческого портрета выдающегося советского исследователя. С конца первой декады января продолжу занятия в столице и, с Вашего разрешения, напомню о себе.

С дружеским приветом

Г. Бурдей

Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 343. Л. 4.

Открытка. Автограф.

4.

САРАТОВ ПОЧТ 4710 34140958

СЕРИЯ С-33 МОСКВА В-333 УЛИЦА

ДМИТРИЯ УЛЬЯНОВА ДОМ 4/34 КОРПУС 1

КВАРТИРА 134 ЧЕРЕПНИНУ ЛЬВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

¹⁵ Бурдей Нинель Константиновна (1934–1988), старший преподаватель (с 1968) кафедры научного коммунизма Саратовского университета. Жена Г.Д. Бурдея.

¹⁶ Бурдей (Евдокимова) Елена Григорьевна — дочь Г.Д. Бурдея. Ныне доцент кафедры педагогики Саратовского университета.

ДОРОГОГО ЮБИЛЯРА ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО
ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ¹⁷
ЖЕЛАЕМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ =
САРАТОВСКИЕ ДРУЗЬЯ СЕМЬЯ БУРДЕЙ

Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 343. Л. 5.
Телеграмма.

5.

Дорогие Лев Владимирович и Евгения Вениаминовна!

Сейчас у нас горячая пора. Исторический факультет Университета готовится встречать свое 40-летие. Полным ходом идут подготовительные работы. Готовится большая выставка, собирается материал о выпускниках. Особое внимание уделяется научным связям, встречам с ведущими историками страны. На одном из стендов помещаются материалы о Вашем пребывании в Саратове (выступление с лекциями, встреча с преподавателями, теплое письмо академика студентам, напечатанное в университетской газете «Ленинский путь»¹⁸).

Наши семейные обязанности в этом общественном деле распределены так: я занят организационными вопросами. Неля курирует студенческую группу «Поиск», которая ведет переписку с выпускниками и помогает в оформлении выставки. Леля печатает картотеку выпускников. Это помогает ей в ее будущей профессии психолога. (Сейчас она перешла на 3-й курс. Недавно вернулась с работ на колхозных полях и только в октябре приступила к учебе).

Мы были бы очень рады, если бы Вы имели возможность принять участие в наших торжествах. По поручению декана и общественных организаций факультета направляем Вам приглашения. Догадываемся, что в октябре и без нашего юбилея у Вас будет много праздничных хлопот. И все же надеемся на Ваше внимание к саратовским историкам.

Желаем Вам всего самого доброго.

С искренним уважением

Г. Бурдей

3.X.1975 г.

Архив РАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 343. Л. 6–6 об.
Автограф.

¹⁷ Речь идет о награждении Л.В. Черепнина в 1975 г. орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с 70-летием со дня рождения.

¹⁸ См.: Лекции читает академик // Ленинский путь. 1973. 18 мая.

Письмо Л.А. Дербова Г.А. Замятину

10 октября 2009 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного саратовского историка Л.А. Дербова (10.10.1909–19.10.1994). Коллеги и ученики не раз обращались к биографии Леонарда Адамовича¹⁹. Вышли из печати мемуары историка «Страницы воспоминаний» (Саратов, 2009). Дополнительным штрихом к его биографии, а также и к историографической ситуации конца 1930-х гг. может служить публикуемое ниже его письмо известному исследователю Смутного времени Г.А. Замятину.

Говоря о взаимоотношениях Л.А. Дербова и Г.А. Замятина, стоит упомянуть еще двух ученых, сыгравших важную роль в жизни Леонарда Адамовича, в становлении его как историка. Это – Николай Леонидович Рубинштейн и Сергей Владимирович Бахрушин, руководитель его аспирантуры в МГУ²⁰.

Первой самостоятельной и серьезной научной работой Леонарда Адамовича в аспирантуре стал его доклад «Крестьянская война на Украине в середине XVII в.», выполненный в 1935 г. под руководством Н.Л. Рубинштейна. В 1936 г. основной научный руководитель Леонарда Адамовича со второго года и до конца аспирантуры С.В. Бахрушин дал Л.А. Дербову новую тему научного доклада – «Русско-польские отношения при Борисе Годунове и первый Лжедмитрий». Эта оставшаяся неопубликованной работа сохранилась в архиве Л.А. Дербова²¹.

В своих воспоминаниях Леонард Адамович писал: «Из этих ранних штудий выросла впоследствии моя кандидатская диссертация «Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI в.»²²

Хотя работы Л.А. Дербова о русско-польских отношениях в Смутное время «не вылились в кандидатскую диссертацию» и он не воспользовался предложением С.В. Бахрушина написать «критическую статью по поводу концепции Покровского о Смутном времени»²³, однако само Смутное время и его герои и далее находились в центре внимания Леонарда

¹⁹ См.: *Троцкий Н.А.* К 70-летию Л.А. Дербова // *Историографический сборник.* Саратов, 1980. Вып. 8. С. 202–216; *Мезин С.А.* Историк и его книги (памяти Леонарда Адамовича Дербова) // *Историографический сборник.* Саратов, 1998. Вып. 17. С. 15–31.

²⁰ В ГАСО хранятся письма С.В. Бахрушина и Н.Л. Рубинштейна к Л.А. Дербову. См.: ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 116 (Письма С.В. Бахрушина. 27.11.1937–05.01.1949); ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 156 (Письма Н.Л. Рубинштейна. 20.05.1943–26.01.1963).

²¹ ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 31. 1936 г.

²² *Дербов Л.А.* Страницы воспоминаний. Саратов, 2009. С. 166.

²³ *Мезин С.А., Мирзеханов В.С.* Судьба российского историка в XX в. // *Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова.* Саратов, 1999. С. 4.

Адамовича. Стоит привести несколько примеров, подтверждающих данный тезис.

В 1940 г. Л.А. Дербов выступил с докладом о Крестьянской войне и польско-шведской интервенции начала XVII в. В 1943 г. – новый доклад Л.А. Дербова на тему «Восстание городов и партизанская война против иностранной интервенции в начале XVII в.»²⁴ Сокращенный вариант этого доклада был опубликован в 1944 г.²⁵

В 1961, 1967 и 1975 гг. вышли статьи Л.А. Дербова в Детской энциклопедии, посвященные событиям 1612 г. (Народное ополчение, Разгром интервентов под Москвой в 1612 г., Минин и Пожарский), а в 1961 г. на кафедральном дне Л.А. Дербов прочитал доклад о патриотическом движении русского народа против иностранных интервентов в 1608–1610 гг.²⁶

О серьезном внимании Леонарда Адамовича к событиям Смутного времени говорят книги из личной библиотеки Л.А. Дербова²⁷.

Встреча Л.А. Дербова и Г.А. Замятина произошла в Сталинграде. Леонард Адамович впервые побывал там летом 1937 г., незадолго до окончания аспирантуры в Московском университете. Приехал он тогда в этот город, как пишет в своих воспоминаниях, «с целью заработка, читал лекции по линии ЦИПКНО (повышение квалификации учителей), меня там знали, и с неплохой стороны»²⁸.

Тогда еще Л.А. Дербов не предполагал, что ему вскоре предстоит переезд в Сталинград и работа в этом «пыльном, жарком, неинтересном, как в экологическом, так и в культурно-историческом отношении городе». Имея запись в служебной характеристике «в работе допускал серьезные политические ошибки» (1937 г.!), не найдя после окончания аспирантуры работы в Минске, не получив никакого назначения в Наркомпросе, Леонард Адамович согласился на предложение представителя Сталинградского педагогического института работать там преподавателем методики преподавания истории, «не питая к этой дисциплине ни малейшей симпатии»²⁹. Осенью 1937 г. семья Дербовых переехала в Сталинград.

Еще во время первой поездки, в июле 1937 г., произошло знакомство в Сталинграде молодого 27-летнего аспиранта Дербова с опальным бывшим профессором Воронежского университета Г.А. Замятиным и с его

²⁴ ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 40. 1943 г.

²⁵ Дербов Л.А. Партизанская борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. // Сборник авторефератов ЛГУ. Саратов, 1944. С. 12–13.

²⁶ ГАСО. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 70. 1962 г.; Ф. 3731. Оп. 3. Д. 21. 1962 г.; См. также: Список научных трудов Л.А. Дербова // Историк и историография... С. 17–20.

²⁷ Мезин С.А. Историк и его книги (памяти Леонарда Адамовича Дербова). С. 18–21.

²⁸ Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. С. 170.

²⁹ Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. С. 170.

работой, опубликованной в 1926 г. Об этой работе Л.А. Дербов пишет в своем письме от 30 июля 1937 г.

Творческий путь историка Г.А. Замятина (1882–1953) рассмотрен в специальной статье Г.М. Коваленко³⁰, поэтому нет нужды подробно останавливаться на биографии этого ученого. Отметим только, что к моменту знакомства с Дербовым Г.А. Замятин уже дважды подвергался аресту. Впервые он был арестован 5 ноября 1930 г. по обвинению в антисоветской деятельности, в марте 1933 г. был освобожден и полностью реабилитирован. После первого освобождения Г.А. Замятин работал сначала в Воронежской областной библиотеке, затем – заведующим библиотекой Воронежского педагогического института, а в 1934 г. он был назначен профессором Орловского педагогического института. Однако ему не пришлось там работать, так как из Орла он вместе с группой преподавателей был направлен в новый педагогический институт Курска. В Курске его ожидали новые репрессии: в 1935 г. Замятин был уволен из института и нашел работу в Курской областной библиотеке. В 1936–1938 гг. он работал профессором в Сталинградском педагогическом институте и Институте повышения кадров народного образования, а с 1938 г. – профессором Молотовского педагогического института³¹. В Молотове (Перми) с 1940 г. и до выхода на пенсию он возглавлял кафедру всеобщей истории.

В своих воспоминаниях о сталинградском периоде жизни (1937–1938) Л.А. Дербов так пишет о Замятине: «Был в городе историк средних веков Г.А. Замятин, автор известной еще в дореволюционное время работы о кандидатуре шведского королевича Карла Филиппа на русский престол в годы Смутного времени начала XVII века³², знакомый с С.В. Бахрушиным и находившийся с ним в переписке³³. Но с этим ученым я встречался в другом месте, в институте он не появлялся»³⁴. Судя по последней фразе, осенью 1937 г., к моменту приезда Л.А. Дербова в Ста-

³⁰ Коваленко Г.М. Герман Андреевич Замятин // Из. М., 2006. № 9 (127). С. 358–367.

³¹ ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Д. 4. Л. 1об-2; Д. 5. Л. 1об. (автобиография Г.А. Замятина, документы пенсионного дела).

³² Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913. 141+VI с. Рецензии и отклики на данную работу см.: Рабинович Я.Н. Научное наследие Г.А. Замятина в российской историографии // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН, 22 дек. 2008 г. (далее – Чтения) / Сост.: Г.М. Коваленко, С.А. Коварская, С.В. Трояновский. Великий Новгород, 2009. С. 98–153.

³³ В архиве Г.А. Замятина сохранилось письмо С.В. Бахрушина к Герману Андреевичу от 2.3.1939 г. См.: ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Д. 29.

³⁴ Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. С. 176.

лингград, Г.А. Замятин уже не работал в пединституте³⁵. «Другое место» – это Институт повышения кадров народного образования.

Работа Г.А. Замятина «К истории Земского собора 1613 г.», о которой пишет в своем письме от 30.07.1937 г. Л.А. Дербов, включает в себя три главы магистерской диссертации, защищенной в декабре 1921 г. в Воронеже, однако для публикации текст диссертации был существенно отредактирован³⁶. Необходимо признать, что редактирование материала для статьи было осуществлено бережно и умело. С.В. Бахрушин, П.Г. Васенко, Ю.В. Готье, М.М. Богословский – все они охарактеризовали его диссертацию как существенный вклад в историческую науку. Замятин получил также положительные отзывы С.Ф. Платонова, С.К. Богоявленского и ряда других историков. Будущий академик Д.М. Петрушевский писал ему 1 июня 1926 г.: «Ваша методическая строгость очень нравится мне: в каждой вашей строке чувствуется очень серьезная, ответственная и строгая научная школа, которая гарантирует прочные научные результаты. Ваш критический анализ, на мой взгляд, не является излишним»³⁷.

В диссертации, а затем и в статье 1926 г. Замятин не только поставил перед собой цель проследить борьбу течения в пользу Карла Филиппа, но и исследовал вопрос о падении кандидатуры шведского королевича, детально рассмотрев настроение различных слоев общества в конце 1612 г. Изучив историю Земского собора с точки зрения специалиста по всеобщей истории, он пришел к выводам о том, что верхи стояли за шведского, а низы – за отечественного кандидата. Проследив борьбу этих течений, Замятин заключил, что кандидатура Карла Филиппа пала на Земском соборе «лишь 21 февраля 1613 г. по вине казаков, принудивших Земский собор признать царем Михаила Федоровича»³⁸. Еще в январе 1613 г. кан-

³⁵ В архиве Г.А. Замятина имеются материалы о выполнении работ по истории Древнего мира и истории Средних веков в Сталинградском пединституте к 22-му Международному юношескому дню, октябрь 1937 г. См.: ОР РГБ.Ф. 618. Карт. 15. Д. 3.

³⁶ См.: *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века. Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича. Рукопись. Юрьев, 1918 // ОР РГБ. Ф. 618. Архив Г.А. Замятина. Карт. 2. Д. 2; *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. III. С. 1–74.

³⁷ *Dubjeva L.* G.A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 517–518; ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 5. Д. 6 (Отзывы разных лиц о работе Г.А. Замятина).

³⁸ *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 195.

дидатура Карла Филиппа встретила поддержку большинства членов Собора. После 7 февраля, когда заседания Собора возобновились, «шведская партия» продолжала оставаться достаточно сильной.

Такой взгляд на ход избирательной мысли на Земском соборе существенным образом отличается от распространенной в отечественной историографии точки зрения, согласно которой Собор сначала отверг кандидатуры иноземных кандидатов, потом приступил к обсуждению русских кандидатур. Это мнение основывается на официальных источниках, написанных уже после избрания Михаила Федоровича, тенденциозно освещающих события. Замятин писал: «Когда известны показания очевидцев событий, происходивших в Москве в январе 1613 г., необходимо отдать предпочтение им, а не официальным русским памятникам. ...Для нас одно несомненно: кандидатура Михаила Федоровича – кандидатура, выдвинутая казаками; это – казачий претендент на престол. Провозглашение Михаила царем – дело казаков, их победа над боярами и земскими выборными»³⁹.

Этот вывод Замятина позднее подтвердили Р.Г. Скрынников, А.Л. Станиславский и В.Н. Козляков⁴⁰. Открытая А.Л. Станиславским «Повесть о Земском соборе 1613 года» позволила детально реконструировать атмосферу избирательного собора и сделать вывод о том, что именно вольные казаки заставили Боярскую думу и собор сделать выбор в пользу Михаила Романова.

В данной статье нет возможности подробно рассматривать диссертацию Замятина или его статью 1926 г., которая так понравилась Л.А. Дербову, поэтому сказанным можно ограничиться.

Диссертация до последнего времени оставалась малодоступной для историков, ссылки на нее в научных изданиях до 1990-х гг. практически отсутствовали⁴¹. Однако та часть диссертации, которая была опубликована в Воронеже в 1926 г. (хоть и мизерным тиражом, в провинциальном издании), все же неоднократно использовалась исследователями. Было сделано 50 оттисков данной статьи, часть из них Герман Андреевич подарил знакомым историкам (7.5.1926 г. было отправлено 8 экз. С.Ф. Платонову и другим ленинградским ученым) «с просьбой поделиться впечатлениями от статьи».

³⁹ Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. С. 183.

⁴⁰ Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990; Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004.

⁴¹ Впервые диссертация Г.А. Замятина опубликована в 2008 г. См.: Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века.

Несколько экземпляров было отправлено москвичам, а также в Саратов, П.Г. Любомирову⁴². Один из таких оттисков через 11 лет оказался в Сталинграде в руках Л.А. Дербова.

Публикуемое здесь письмо Л.А. Дербова – дань памяти обоим исследователям.

⁴² Из эпистолярного наследия Г.А. Замятина (публикация А.Н. Одинокова) // Чтения... С. 177–180.

Уважаемый Герман Андреевич!

Прочел Вашу работу «К истории Земского собора 1613 г.»⁴³ и хочу высказать по поводу нее некоторые свои соображения.

Ваша работа освещает одну из весьма важных и актуальных проблем русской истории. Вами не только собран огромный фактический материал, но дана также очень интересная и оригинальная трактовка уже известных ранее источников.

Эта оригинальность и свежесть подкупает читателя. Несомненно, большую ценность представляют показания Брюнно⁴⁴, использованные Вами для выводов и помещенные в конце книги в виде приложения, а также и другие шведские источники⁴⁵. Это дает возможность дать новое и более полное освещение многим важным вопросам.

В целом работа произвела на меня впечатление серьезного и вдумчивого исследования.

К недостаткам работы можно отнести некоторую переоценку значения некоторых шведских свидетельств⁴⁶, также в ряде мест – отсутствие четкого

⁴³ *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. С. 1–74.

⁴⁴ Георг Брюнно (Брюннельсон), лифляндский дворянин. Доверенное лицо шведского короля, неоднократно привозил королевские грамоты шведским военачальникам в Россию. В январе 1611 г. послан Карлом IX с грамотой в Ладогу к Пьеру Делавиллю. В начале августа 1611 г. вскоре после захвата Новгорода шведами Яков Делагарди отправил Брюнно под Москву с грамотой, в которой предлагал москвичам присоединиться к Новгороду в деле избрания царем шведского королевича. Руководитель ополчения Д.Т. Трубецкой на полтора года задержал Брюнно и отпустил его назад в Новгород лишь в конце января 1613 г., после того, как в Москву прибыл от Делагарди новый посланник Федор Боборыкин. Брюнно сообщил в Новгороде 15.2.1613 г. подробные сведения о кандидатурах, которые при нем ставили на обсуждение на Земском соборе. Привезенные Брюнно вести оказались столь важными, что Делагарди решил немедленно отправить его как очевидца в Швецию (прибыл в Стокгольм 23 апреля). За службу 30.7.1613 г. Брюнно была дана грамота на поместье в Финляндии. Осенью 1615 г. мы видим его комендантом Ладоги, а в 1616–17 гг. – адмиралом на Ладожском озере. В 1621 г. выполнял в Финляндии ответственные поручения Густава Адольфа, связанные мобилизацией войск для войны с Польшей.

⁴⁵ Говоря о «других шведских источниках», Л.А. Дербов имеет в виду документы из Стокгольмского архива (Письмо Карла IX игумену Антонию Соловецкому, письма Густава Адольфа, канцлера Оксеншерны и др.), а также документы из архива Делагарди в Тарту.

⁴⁶ Недоверие к шведским и польским источникам прослеживается в работах Д.В. Цветаева и П.Г. Любомирова. Цветаев пишет, что «польские и шведские данные по делу избрания основаны на показаниях русских людей, которые сообщали сведения, в большинстве не точные, запутанные хронологически и фактически». См.: *Цвета-*

классового анализа событий⁴⁷, что, может быть, является отчасти результатом того, что русская история не является Вашей основной специальностью. Здесь нужны доработки в свете новых методологических установок.

Если Вы свяжете отдельные свои выводы с программой реальных экономических интересов отдельных классов тогдашнего русского общества, Ваша работа станет неизмеримо более ценной⁴⁸. Но это будет уже предметом Ваших дальнейших занятий.

В заключение выражаю Вам благодарность за любезное представление мне Вашей работы для прочтения, так как, несмотря на свое несогласие с Вашим личным выводом, я прочел ее с огромным интересом и сумел почерпнуть в ней ряд новых, неизвестных мне ранее фактов и мыслей.

Очень рекомендую Вам доработать отдельные места Вашей книжки и издать ее в дополненном и расширенном виде. Она будет представлять несомненную ценность для историка-специалиста.

Желаю Вам успеха в дальнейшей Вашей работе. Завтра уезжаю из Сталинграда и уже не смогу увидеться с Вами лично.

Жму Вашу руку.

ев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 29; Недоврие к источникам шведского происхождения сквозит почти в каждой строчке работы П.Г. Любомирова: «С большой осторожностью нужно отнестись к этим сведениям... Нужно постараться в этих сведениях очистить истину от посторонних волей или неволей занесенных туда примесей... Такие сомнительные свидетельства нельзя класть в основу при разрешении интересующего нас вопроса». См.: *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 202–205.

⁴⁷ Обвинение в «отсутствии четкого классового анализа событий» было выдвинуто против Г.А. Замятина еще в 1929 г. В июне 1929 г. ученые Воронежского университета должны были дать публичный отчет о том, насколько учебная и научно-исследовательская работа кафедр соответствует задачам «социалистического строительства». 4 июня настала очередь профессора Замятина. Его упрекали в том, что его работы, посвященные борьбе за Московский трон в 1611–1613 гг. и избранию Михаила Романова, очень далеки от современных проблем, в них отсутствует марксистский подход при анализе различных процессов и явлений, а также отсутствует трактовка истории с точки зрения классовой борьбы. Следствием этих обвинений было то, что профессор Г.А. Замятин летом 1929 г. был уволен из Воронежского университета и 5 ноября 1930 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. См.: *Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 174–175; *Карпачев М.Д.* Воронежский университет: Начало пути. Воронеж, 1998. С. 106.

⁴⁸ А вот что писал по этому поводу Л.А. Дербов спустя полвека: «К сожалению, в те времена мы больше были заняты другим: методологическими проблемами, изучением марксизма. Нам казалось, что накопленный старой наукой конкретный материал теперь необходимо по-новому переосмыслить, интерпретировать, что поэтому именно методология важнее всего. Не знали мы тогда, что заблуждались, поклонялись ложным идеалам, упускали серьезные возможности и во многом попусту тратили дорогое время». См.: *Дербов Л.А.* Страницы воспоминаний. С. 121.

Дербов
(Аспирант Моск[овского] университета)
30.VII.37
Сталинград

ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. № 35.

Подготовка к публикации,
вступительная статья и
комментарии
Я.Н. Рабиновича

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.Г. Макаров

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России: Монография. М.: Academia, 2007. 520 с.

В конце 2007 г. была опубликована книга доктора исторических наук А.В. Репникова, ставшая итогом его более чем десятилетней работы. Это первое специальное исследование, обобщающее целый спектр проектов преобразования России, выдвинутых на рубеже XIX–XX вв. ведущими консервативными идеологами и практиками. Книга вышла под грифом Российского государственного архива социально-политической истории, главным специалистом которого является автор.

В последние годы консервативная риторика приобретает все большую популярность. Как пишет исследователь, «сегодня возросшей популярности консерватизма в российском обществе способствует и то, что каждая политическая сила вкладывает в это понятие содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент» (с. 10). В этой связи книга будет полезна и политикам, поскольку дает возможность оценить, что из наследия русских консервативных мыслителей можно задействовать в наши дни, а что давно отвергнуто временем и не подлежит возрождению. Отмечу, что сама по себе история правых политических партий в работе не рассматривается, однако в рамках избранной темы затрагиваются теоретические построения главных идеологов этих партий и союзов.

Будучи историком-архивистом, автор обращает особое внимание на источниковую базу исследования, которую составляют работы самих консерваторов, их эпистолярное наследие, мемуары, а также документы из фондов ГА РФ, РГАЛИ, Центрального исторического архива г. Москвы. В Центральном архиве федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России) находятся следственные дела видных деятелей русского монархического движения А.И. Дубровина и В.В. Шульгина,

представляющие особый интерес. Совместно с исследователями из ЦА ФСБ они были впервые введены Репниковым в научный оборот, что вызвало большой резонанс. Сегодня высказываются две точки зрения на возможность привлечения в качестве источника этих материалов. Согласно первой, это в большинстве своем сфабрикованные документы, которые нельзя публиковать. Согласно второй, их можно и нужно обнародовать с обстоятельным комментарием и должным критическим отношением. Последняя точка зрения реализована в работе Репникова. Привлеченные источники позволяют составить емкое представление о мировоззренческой эволюции консервативных мыслителей.

Заслуживает внимания подробный историографический обзор, где «без гнева и пристрастия» дается сжатый критический анализ монографий, статей и диссертаций по рассматриваемой теме. Задача противопоставления строго научных подходов публицистическим изыскам, нередко встречающимся в современных публикациях, приобретает сейчас особое значение.

Вторая глава дает представления о взглядах К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, А.Д. Нечволодова, Л.А. Тихомирова, П.Ф. Булацеля, М.О. Меньшикова, С.Ф. Шарапова, Г.В. Бутми, И.И. Дусинского, А.С. Вязигина и других по ключевым вопросам российской государственности. Помимо анализа проблем историко-политического характера, автор впервые заостряет внимание на том, что именно консерваторы поставили вопрос о морально-нравственной цене модернизации. Многие из них отмечали двойственность прогресса и технических достижений. Не случайно понятия «капитализм», «технические достижения», «либерализм» были для них синонимичны. Прогресс означал либерализацию политической и капитализацию социально-экономической жизни. Осознавая издержки прогресса, консерваторы вместе с тем признавали, что «капитализм пока единственное средство спасти человечество от анархии» (Меньшиков), а социалистическая альтернатива ими отвергалась. Впрочем, одним из немногих консерваторов, предложившим выход из этой ситуации, был Леонтьев, выдвинувший идею союза социализма с русским самодержавием и «пламенной мистикой».

Третья глава посвящена представлениям К.Н. Леонтьева, Э.Э. Ухтомского, С.Н. Сыромятникова, И.И. Дусинского, С.Ф. Шарапова, Л.А. Тихомирова, Ю.С. Карцова и других о месте Российской империи в мире. Первой крупной неудачей, заставившей задуматься о выработке внешнеполитической доктрины, стало поражение в Крымской войне. Не

менее серьезным ударом по национальному самолюбию стала Русско-японская война. Не случайно после 1905–1907 гг. внимание консерваторов было сосредоточено на Дальневосточном и Среднеазиатском регионах. Россия виделась им как великая монархическая империя, простирающаяся в Европе и в Азии. В качестве основной задачи внешней политики они видели необходимость переориентации от союза с парламентскими западными державами (в первую очередь с Великобританией) на союз с Германией. Вандам, Дусинский, Карцов, Тихомиров полагали, что Россия еще не достигла в своем территориальном росте естественных рубежей, подразумевая под этим проведение активных действий на Дальнем Востоке и в Восточной Европе. Это предполагало объединение славянских народов Балканского полуострова вокруг России и ее утверждение в Константинополе. Помимо сторонников славянского единства (Н.П. Аксакова, А.В. Васильева, Дусинского, Шарапова, авторов сборника «Лад»), в консервативной среде можно выделить и противников объединения славян (Леонтьева, Ковалевского, Строганова, А. Савенко, Меньшикова).

В обосновании экспансионистской политики в Азии подчеркивался мирный и ненасильственный характер русского проникновения, политическая и духовная близость русских азиатам. Активно отстаивали эту идею Ухтомский и Сыромятников. Последний полагал, что Россия должна сделаться предводителем «бедных материальными благами и богатых духом» народов Востока. Вместе с тем некоторые мыслители (Леонтьев, Дусинский) предупреждали о существовании «желтой опасности» и возможности столкновения с Китаем, который, по их мнению, находится на пути к превращению в могущественное государство. Видели они угрозу и в возможной религиозной и политической экспансии исламского мира.

Большинство консерваторов считали, что страна к войне не готова, и пытались любой ценой удержать правительство от столкновения с Германией. О том, что такая война выгодна только Великобритании, а для русского самодержавия может закончиться новой революцией, писали и говорили многие консерваторы. Подобная позиция была связана не только с тем, что они видели в Англии геополитического соперника России, но и с неприятием политического строя Великобритании. Война с Германией оценивалась как самоубийственная для монархических режимов обеих стран.

Было бы ошибочно представлять консерваторов как германофилов. Пасхалов, Шарапов, Щербатов, например, прогнозировали неизбежность ев-

ропейской войны, в которой основным противником России выступит Германия. Признавая, что Германия будет «вынуждена в силу обстоятельств» утвердить свои мирные торговые завоевания вооруженной силой, и отдавая должное немцам, они предостерегали от внешнеполитической ориентации на эту страну. Опасность виделась им в том, что Германия, по мере роста своего могущества, усиливает геополитический натиск на Восток. После начала войны Захаров, Ковалевский, Меньшиков А.М. Михайлов, Сикорский, Сыромятников опубликовали работы с критикой немецкого милитаризма и экспансионизма (при этом некоторые из авторов включили в издания и антибританские пассажи).

Внешнеполитические ориентиры русских консерваторов в рассматриваемый период претерпевали трансформацию, связанную с изменением государственного внешнеполитического курса и с идейной эволюцией самих носителей этих взглядов. Основными направлениями, в частности, являлись: поиск союзников в Европе (здесь в качестве желательного союзника вплоть до начала Первой мировой войны рассматривалась Германия; Англия оценивалась в качестве геополитического и экономического конкурента, а республиканская Франция – в качестве возможного союзника); идея объединения славян, хотя результаты, достигнутые в ходе русско-турецких войн уже вызвали сомнения в ее необходимости; разработка концепций, обосновывающих потребность в активных внешнеполитических действиях на Дальнем и Среднем Востоке. В этой связи приобретали актуальность рассуждения о взаимоотношениях России с Китаем и Персией. Несмотря на наличие в консервативной среде целого ряда мыслителей-геополитиков, единой программы по этому вопросу выработано не было. Не в последнюю очередь это было связано с переориентацией государственного курса от союза с Германией, к союзу с Англией.

В четвертой главе центральное место занимает анализ конфессионального и национального вопросов. Автор подробно останавливается на позиции целого ряда мыслителей относительно современного им положения Русской православной церкви, вопроса возрождения патриаршества, реформы внутрицерковного управления. Анализ показывает, что они видели назревшие проблемы и предлагали пути их решения. Отнюдь не идеализируя современную им политическую ситуацию, они полагали, что форсирование модернизации приведет к фатальным последствиям для всей страны и, выдвигая свои концепции преобразований, стремились сохранить и обновить существующую церковную систему. В качестве необходимых мер

предлагалось: восстановление патриаршества; освобождение церковной жизни от диктата государственной власти; борьба с бюрократизацией путем введения в церковное самоуправление мирского выборного начала; усиление роли церковного прихода в жизни верующих; объединение со старообрядцами; сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на общей платформе борьбы с революционерами, сектантами, атеистами и пр.; укрепление авторитета церкви в целом и православного духовенства в частности.

На рубеже XIX–XX вв. консерватизм в России приобрел ярко выраженную национально-религиозную окраску, но мало кто из теоретиков этого течения всерьез задумывался о разработке доктрины русского национализма. Большая часть консерваторов отстаивали приоритет русской нации и выступали с критикой «инородческого засилья», полагая, что национальные меньшинства (в первую очередь – евреи) пытаются подорвать устои монархической государственности и авторитет самодержавия. В консервативной среде не было единого мнения по национальному вопросу.

Пятая глава посвящена взглядам консерваторов на социально-экономические проблемы. В ней проанализированы дискуссии вокруг целесообразности сохранения или реформирования крестьянской общины, размышления о различных путях решения проблемы крестьянского малоземелья; показано неоднозначное, порой диаметрально противоположное отношение правых к аграрной политике П.А. Столыпина, критика капиталистического уклада. Отдельно показаны предлагаемые консерваторами варианты решения рабочего вопроса.

Заключительная глава книги повествует о судьбах лидеров русского консервативного движения в постреволюционный период. Показательно, что многие, считая себя монархистами, позволяли себе крайне негативно писать (как правило, в письмах и дневниках) о Николае II и его семье. Характерно, что те из них, кто долгие годы считались крупными правыми теоретиками и практиками (Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.М. Пуришкевич), позитивно восприняли весть о падении самодержавия. Но были и те, кто считал Февральские события катастрофой (например, И. Восторгов, Н.Е. Марков), предрекая стране неисчислимы бедствия. Отношение к событиям Октября тоже было далеко не однозначным. Незадолго до гибели Никольский писал своему другу, известному поэту Серебряного века и монархисту Б.А. Садовскому: вожди большевизма «правят Россией если не Божиею милостию, то Божиим гневом и попусцием. Они

в моих глазах наилучшее доказательство того, что несть власти, аще не от Бога. Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того и не хочет, и не думает. Я жду – и вижу, что глубока чаша испытаний и далеко еще до дна» (с. 446).

Помимо вышеперечисленных тем, в работе освещено множество частных вопросов. Подробно показано отношение консерваторов к идее прогресса и иерархической системе построения общества, к армии и вопросам обеспечения государственной безопасности, к бюрократии, к представительным органам власти (Государственной думе, Государственному совету, Земским соборам). В заслугу Репникову следует поставить наличие авторского подхода к такому явлению, как процесс становления и эволюции консервативных концепций на рубеже веков. При всей максимальной объективности и корректности автора, думается, книга вызовет немало споров.

Хотя книга и вышла в серии «Монографические исследования», она будет интересна не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей. Отметим ее хорошее иллюстративное оформление. В издании впервые представлена фотография К.П. Победоносцева с его приемной дочерью, извлеченная из Российского государственного архива кинофотодокументов, страничка текста из дневника Льва Тихомирова, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Не менее интересны и сделанные непосредственно автором фотографии дома, в котором жил В.В. Розанов в Сергиевом Посаде, и воссозданного надгробия на могиле Победоносцева в Петербурге. Читателей заинтересуют изображения таких мыслителей, как Н.П. Аксаков, Э.Э. Ухтомский, С.Н. Сыромятников, В.Л. Величко и другие, фотокопии обложек их книг (всего в издании представлено около 70 иллюстраций). Хотя это в большинстве случаев и не принято в современных изданиях, жаль, что под фотографиями не стоят подписи с указанием источников, откуда взяты снимки.

В преддверии юбилея Великой Победы

(Память о Великой Отечественной войне в общекультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб.: Европейский дом, 2008. 292 с.)

С каждым годом все меньше и меньше остается в живых тех, кто с оружием в руках встал на защиту Родины в грозном 1941 году, кто трудился у мартиновских печей, кто сражался с врагом в партизанских отрядах, кто лично пережил и страх смерти, и голодное существование, и радость салютов в честь Великой Победы...

И все больше и больше ощущается ценность воспоминаний ветеранов о своем славном прошлом, все острее и настойчивее ставится вопрос о значении устных источников эпохи Великой Отечественной войны, все чаще и чаще в нашей печати встречаются призывы сохранить для потомков все, даже самые малые и незначительные (на первый взгляд!) подробности жизни и быта народов, населявших нашу страну в те суровые годы...

Поэтому с чувством глубокой благодарности следует оценить работу группы исследователей Ставропольского государственного университета и Кубанского государственного технологического университета, создавших труд, посвященный изучению памяти о Великой Отечественной войне как типа исторического источника о военном времени. В их сборнике опубликованы не только исторические источники (устные свидетельства участников и очевидцев войны на Ставрополье и Кубани, фронтовой дневник Д.И. Малышева и письма с фронта В.Н. Хохлачева), но и исследовательские статьи И.С. Рябовой, С.С. Савчук и Е.Н. Стрекаловой, анализирующие память о войне как исследовательскую проблему.

Книга производит неизгладимое впечатление особенно на тех, кто сам пережил 1418 дней величайшей войны XX века. Перед их глазами встает боевая повседневность тех лет, тяжкие годы фашистской оккупации Ставрополья и Кубани, судьбы женщин и детей в условиях войны. Бережно собранные устные и письменные источники тех лет, опубликованные в первом разделе сборника, свидетельствуют о том, что «голоса из прошлого» (устные воспоминания людей, переживших войну) дают богатейший материал для раскрытия таких понятий, как гражданственность и патриотизм.

Эта книга окажется полезной для исследователей многих специальностей – историков и этнографов, психологов и социологов, феминологов и гендерологов. Рецензируемый труд – своеобразное зеркало памяти о войне, дающее возможность социального конструирования прошедшей реальности, тех «образов прошлого», которые со временем обретают общественную, государственную значимость.

Весьма важно отметить: перед нами – результат длительного и целенаправленного труда большого коллектива участников. К его созданию были привлечены и пожилые люди, пережившие войну, и молодые, увлеченные научным трудом студенты. В итоге тщательного отбора и создана эта книга о битве за Кавказ – тема, увы, вновь оказавшаяся актуальной в наши дни из-за событий, развернувшихся вокруг нападения Грузии на Абхазию и Южную Осетию.

Анализируя опубликованные в сборнике источники, следует особо отметить те из них, которые являются основой для изучения актуальной и в наши дни темы «Человек на войне и связанные с ним события». Это – воспоминания фронтовиков. Отметим высокий профессионализм проведения опросов фронтовиков (исполнители – И.В. Реброва и Е.Н. Стрекалова). Результаты их труда вполне можно рассматривать как образец научного интервьюирования. Подчеркнем, что именно умелая постановка вопросов при опросе и определяет научное значение собранных данных.

По-новому и свежо зазвучали и опубликованные во втором разделе книги статьи с анализом свидетельств о сохранении так называемой «семейной памяти» о войне. Они показывают, что память молодого поколения, уже правнуков участников сражений, связана больше с семьей, с родными людьми, прошедшими войну, и лишь потом – со свидетелями, полученными извне – из книг, кинофильмов, телевидения, в школе и т.д. Именно она – семейная, неофициальная память о Великой Отечественной – так существенно дополняет официальную, государственную историю прошедшей войны.

Что касается исследовательских статей из этого сборника, то особое внимание привлекает статья И.В. Ребровой «Женские истории Великой Отечественной войны на Кубани: гендерный анализ», в которой анализируется оценка женщинами своего боевого прошлого. Автор отмечает специфичность женского восприятия войны и сопоставляет это с оценками мужчин места женщины на войне. Автор рисует сложную и многогранную оценку войны женщинами, далекую от парадности и лакировки. В ней со-

седствуют героика с тяжким военным бытом, особенно трудным для женщин, страх с надеждами на благополучный исход, предательство и самопожертвование, трагизм и любовь. Эта статья, несомненно, важна и для воссоздания особенностей повседневного быта военного времени.

Не менее важна и интересна статья Е.Н. Стрекаловой «Образ войны в устных воспоминаниях». В ней раскрывается так называемая «интерпретационная память» о войне. В отличие от «документальной памяти», отложившейся в письменных и материальных источниках, эта память говорит не столько о реальных исторических фактах и событиях, сколько о том впечатлении, которое они произвели на участника и сохранились в его памяти. Нельзя не обратить внимание на то, что война в этом случае отличается от той, что мы привыкли видеть в официальной историографии. Интерпретационная память содержит индивидуальные оценки и характеристики командиров и военачальников рядовыми бойцами, признание совершенных командованием ошибок, упоминание о несправедливостях в командирских решениях, о трудностях жизни в послевоенный восстановительный период. Особенно важны для нас и воспоминания невинно осужденных пленных, репрессированных лиц, «остарбайтеров», которые до сих пор остаются в нашей науке не востребованными. Надо признать: образы субъективной памяти участников войны лишь в малой степени вписаны в официальную, государственную историю войны. Хочется верить в то, что в связи с готовящейся юбилейной деятельностью этот дефект будет исправлен.

В заключение хочется пожелать авторам и редакторам книги успешно продолжить так удачно начатую работу. Чем больше будет опубликовано собранного ими материала, тем весомее будет грядущий труд, подводящий итоги многолетней собирательской работы по воссозданию полной и правдивой истории Великой Отечественной войны. Но позволю себе как фольклористу-фронтовику порекомендовать провести в дальнейшем и анализ устного народного творчества и фронта, и тыла. Военный фольклор является незаменимым источником для характеристики менталитета и мировоззрения и фронтовиков, и тыловиков. А для этого необходимо провести сбор и анализ еще сохранившихся у ветеранов фронта и тыла рукописных песенников той поры. Важно также собрать и устные свидетельства бытования народного творчества той эпохи и раскрыть роль устной поэзии в формировании и народного облика защитников Родины, и самоотверженных тружеников тыла того времени. Все это поможет полнее предста-

вить и то, как именно отобразился в народном сознании образ врага, какую роль в победе над врагом сыграло не только наше оружие («Катюши», автоматы Калашникова, танки, самолеты и т.д.), не только острое перо журналиста и яркая кисть художника, но и меткое народное слово, задумчивая лирическая песня, задорная боевая частушка.

Автор этого отклика – ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, прошедший путь от Москвы до Штеттина, раненый и контуженный старший сержант, многое переживший и многое повидавший за свои 90 лет... Поэтому я с особым чувством читал эту книгу, с чувством благодарности коллективу, изучающему память о Великой войне XX века. И я призываю всех энтузиастов изучения этой эпохи: не теряйте времени, соберите сохранившиеся памятники тех лет, запишите устные воспоминания о годах войны и тем самым обеспечьте грядущих исследователей добротными и правдивыми источниками!

**Саввин А.В. Церковь и раннехристианские ереси
в эпоху I–IV Вселенских соборов. Волгоград: Издательство
Волгоградского университета, 2007. – 367 с.**

Давно замечено, что в периоды кризисов и общей социальной нестабильности возрастает интерес людей к вопросам религии. Обычно он носит характер поиска стабильности в нестабильном мире, традиционная же религиозная система воспринимается как элемент неустойчивого окружения. Вследствие этого создаются условия для активного действия различных сект, вероучение и практика которых противоречат догматическим основаниям традиционной религии. Автор исследования задается целью выявить правовые основания отношения Русской православной церкви к объединениям иной, так называемой новой религиозной направленности, ранее не характерной для России. В качестве примера подобного объединения автор выбирает секту «Свидетели Иеговы», для которой, по его справедливому замечанию, характерна высокая динамика распространения на территории нашей страны.

Исходя из признания Русской православной церковью неизменности авторитета решений Вселенских соборов, А.В. Саввин ставит вопрос о применимости определений ереси, раскола, самочиния к современным религиозным течениям западного типа, а также о возможности прогнозирования взаимоотношений с ними наиболее распространенной традиционной христианской конфессии. И тот, и другой вопросы, по мнению автора, имеют положительный ответ¹. Весомым аргументом в пользу последнего являются, в частности, доктринальные заимствования из ранних еретических систем, неизбежные, с точки зрения автора, для современных, то есть возникших в Новое время и актуальных в современном мире учений. Автор не употребляет в отношении последних термина «секта», хотя признаки, определяющие их – контроль сознания, поведения, круга общения, эмоций адептов; активная миссионерская деятельность, создание барьеров по выходу из религиозного объединения, примитивизация религиозной доктрины, противопоставление своего объединения государству иным исповеданиям², дают для этого все основания.

Выявление произвольных или непроизвольных заимствований и поиск их теоретических корней – плодотворная и весьма благодарная исследовательская задача. Однако, наметив ее во вводной части, автор возвращается к ней

¹ Саввин А.В. Церковь и раннехристианские ереси в эпоху I–IV Вселенских соборов. Волгоград, 2007. С. 301–302.

² Саввин А.В. Указ. соч. С. 13.

только в конце работы, иллюстрируя специфику доктринальных положений иеговистов. Основное место – большую часть главы второй и полностью главу третью – он отдает истории обсуждения и осуждения ересей I–IV Вселенскими соборами.

По мнению автора, внимание отцов Вселенских соборов к ереси – показатель ее наибольшей активности, вызывающий необходимость Церкви «позиционироваться относительно возникшей ереси»³. Положение представляется не вполне корректным. Сам автор неоднократно указывает на то, что инструментом определения ереси было выявление ее отступления от доктринальных положений Никео-Константинопольского Символа вероисповедания. До его оформления столь строгий образец отсутствовал, и ересь наиболее точно соответствовала своему греческому названию (отбор, учение). Соперничество этих учений и было, в сущности, катализатором и содержанием процесса кристаллизации ортодоксальной догматики. Христианская церковная историография сохраняет традицию, согласно которой ереси в доникейский период осуждались поместными соборами. Именно так была осуждена ересь монтанитов (фригов). В исследовании А.В. Савина (см. прил. 3) осуждение этой ереси относится к IV в., соборное осуждение – к Лаодикийскому собору. Трудно представить, что эсхатологическое учение, активнейшим образом проповедовавшееся во второй половине II в., привлекавшее таких страстных апологетов, как Тертуллиан, переживавшее доктринальные трансформации, не вызывало необходимости оценки со стороны православных вплоть до этого периода. Очевидно, в отношении периода между первым и вторым Вселенскими соборами можно говорить об актуализации учения монтанитов в связи с проблемой логоса, составлявшей часть троичной проблематики.

В связи с длившимся и после Никее арианским спором автор признает, что «несмотря на разнообразие ересей, с которыми столкнулась церковь в IV в., ни одна из них не могла сравниться с арианством по степени влияния и масштабам распространения. ...Спорная догматическая проблема о единственности Бога Отца и Бога Сына вызвала бурную полемику во всей церкви⁴» – рассматриваются взгляды Маркелла Анкирского, Фотина, Аполлинария Лаодикийского⁵. Отмечается факт неприятия этих систем представителями обеих спорящих сторон, но не дается объяснения происхождению этих «срединных» учений. Они выступают как внешнее дополнение, а не внутренний элемент дискуссии. Между тем прямая связь положений системы Маркелла с положениями Никейского ороса отмечалась и

³ Там же. С. 37.

⁴ Саввин А.В. Указ. соч. С. 99–100.

⁵ Там же. С. 100–107.

Л.П. Карсавиным, и обильно цитируемым А.П. Лебедевым⁶. Именно неустойчивостью, отсутствием окончательного закрепления догмы объясняется и неоднозначное отношение к Мелетию, Павлину, Василию, еп. Анкирскому, Евсевию, еп. Самосатскому в восточных и западных патриархатах, и отмечаемое автором «неустойчивое соотношение сторонников и противников Никейского вероопределения, провоцирующее постоянные религиозно-философские споры, предлагающие все новые формулировки основных положений христианства»⁷. Эта же причина вызвала и повторное осуждение савеллианства, что способствовало, как указывает автор, смягчению отношений спорящих сторон. Проявление интереса отцов Вселенского собора к уже осужденным ересям – еще одно доказательство того, что арианский спор стал кульминацией и завершением долгого процесса оформления троичного догмата, актуализировавшего многие его аспекты, уже проявившиеся в предшествующие периоды. Характеристика савеллианской доктрины дается автором позже, в последнем параграфе второй главы.

Рассматривая во второй главе антиеретическую деятельность Василия Великого, автор уделяет внимание актуальным для христианства времен Вселенских соборов гностическим системам. Излагая содержание учений Валентина, Маркиона, испытывавших влияние гностицизма энкратических сект, а также их обрядовую практику, автор обращает особое внимание на порядок чиноприема еретиков, определяемый Василием Великим, и на спорные моменты связанной с ним христианской традиции. Таким образом, А.В. Саввин последовательно рассматривает формы, в которых достигается ранее уже отмеченное стремление церкви позиционироваться «от еретических учений, рассматривая не только различные аспекты вероучений, но и ритуальную практику, регламентируя богословствование и повседневную жизнь членов церкви»⁸.

Вполне последовательным является и его обращение к характеристике доктрины манихеев. Приводя солидный список contemporaneous источников и указывая на развитие и трансформации учения в ходе его долгой истории, автор определяет их как еретическое движение, идя вслед за 95-м правилом VI Вселенского собора. Однако синкретизм учения манихеев, специфика их мифологии, самостоятельность организации, особое отношение к пророкам и включение небиблейских персоналий в их число, да и предписание прини-

⁶ См.: Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя церкви. М., 1994; Лебедев А.П. Вселенские соборы IV и V веков. СПб., 2004; Карташев А.В. Вселенские соборы. Клин, 2004.

⁷ Саввин А.В. Указ. соч. С. 114.

⁸ Саввин А.В. Указ. соч. С. 99.

мать манихеев как язычников – характеристики, выходящие за пределы понятия ереси, если только не понимать ее в безгранично широком смысле.

Последний параграф второй главы посвящен деятельности и решениям Константинопольского собора. Автор, вслед за свидетельствами ранних историков церкви, а также привлекая исследование А.П. Лебедева, рассматривает догматические и антиеретические постановления II Вселенского собора. Он уделяет также некоторое внимание проблеме признания статуса собора Римским и Александрийским патриархатами. Дается характеристика особенностям культовой практики тетрадитов и особенностям их принятия в церковное общение.

Проблема ересей периода III и IV соборов рассматривается в третьей главе. В первом параграфе автор рассматривает учения донатистов и пелагиан в связи с оформлением церковно-правовых постановлений, принятых на Карфагенском соборе. Подробно рисуется история христологического спора Кирилла Александрийского и Нестория, а также Эфесского собора 431 года. Пожалуй, в этой части работы автор наиболее историчен. Он прослеживает взаимосвязь позиций участников распри с их отношением к решениям I и II Вселенских соборов, ищет корни изменения позиций таких серьезных участников спора, как Евтихий, ставший ко времени IV собора одним из глашатаев монотеизма, и Диоскора. Подробно разбирается процедура работы Халкидонского собора и роль императорской власти в противостоянии новой, монофизитской ереси. У читателя возникает только один принципиальный вопрос: для чего автору необходимы двойные ссылки, дублирование источника классическим трудом А.П. Лебедева?⁹

В четвертой главе автор обращается к положениям канонического права, касающимся еретических течений. Необходимость включения материала в работу следует из стремления автора «четко классифицировать принципы правовой регламентации отношения церкви к ересям»¹⁰. Анализируя систему наказаний для клириков, автор выявляет запреты, прямо или косвенно связанные с догматикой, ритуальной практикой, общением с еретиками. Затем подробно рассматриваются положения о принятии еретиков в церковное общение. За основу берется седьмое правило II Вселенского собора, принимающее во внимание «два основных аспекта: 1) полностью ли отрицались в той или иной ереси основные христианские догматы; 2) совершалось ли еретиками таинство крещения, хотя бы правильное по фор-

⁹ См., напр.: *Саввин А.В.* Указ. соч. С. 189–199.

¹⁰ Там же. С. 221.

ме»¹¹. Это правило значимо не только в силу его принципиального характера, но и потому, что оно практически повторено в постановлениях Трулльского собора, ставшего, по выражению А.В. Саввина, финалом канонического законодательства о воссоединении схизматиков.

Наконец, последний параграф четвертой главы автор посвящает рассмотрению краткой истории, основных положений учения и специфики отношения к священным текстам представителей секты «Свидетели Иеговы». На основе анализа догматики иеговистов автор делает вывод о произвольном заимствовании ими отдельных постулатов концепций раннехристианских ересей эбионитов, монархиан, павлиан, фотиниан, тетрадитов. «Из поздних, послехалкидонских ересей Свидетели Иеговы повторяют основные постулаты ереси иконоборчества. Однако... наибольшее влияние на доктринальные особенности иеговизма, вероятно, оказало арианство и его течения»¹². Исходя из этого основания автор приходит к выводу, согласно которому искажения догматов христианства адептами этой секты столь существенны и многочисленны (перечень их можно найти на с. 299), что делают возможным признание Свидетелей Иеговы – «должны быть признаны ересью... и приниматься через перекрещивание, а на членов организации... и на членов Христианской церкви должны распространяться все ограничения, предусмотренные в общении с еретиками»¹³. Гора родила мышь. Для кого делается этот судьбоносный вывод и рекомендация? Если для руководства Русской православной церкви, то, да простит мне автор, она способна сама разобраться в проблеме. Если же интерес автора сугубо академический, то следовало бы, очевидно, ограничиться определением.

Богатый фактический материал помещен автором в восемь приложений, которые носят справочный характер в отношении количественного состава и хронологии соборов, времени возникновения и осуждения, а также взаимовлияния ересей, их доктринальных черт. Особенно интересно приложение 5, касающееся определения статуса ереси новатиан и дискуссии о крещении еретиков между представителями Карфагенского и Римского патриархатов.

К сожалению, исследование не содержит историографического обзора. Источники характеризуются формально, и не ясно, насколько доступны были автору упоминаемые в тексте обзора издания Андрея Галланди или

¹¹ Там же. С. 251.

¹² Саввин А.В. Указ. соч. С. 298.

¹³ Там же. С. 300.

«Bibliothecae maximae partum Lugdunensis». Досадна и краткость заключения, которое не столько подводит итог исследования, сколько касается его актуальности.

ПАМЯТИ А.А. ФОРМОЗОВА

А.Л. Хорошкевич

«Науку о прошлом я люблю больше самого прошлого»

Стоять на дороге со свечечем в руках.
М.Е. Салтыков-Щедрин

В силу неожиданных и далеко не счастливых обстоятельств автору не впервой доводится обращаться к творчеству и жизнеописанию выдающегося историка, археолога, философа Александра Александровича Формозова (30.12.1928–31.1.2009)¹, как в последние годы его жизни, так и после несвоевременной – несмотря на возраст – кончины². Доверительные отношения с ним – увы, не дружба – существовали несколько десятилетий. В особенности после ухода из жизни Александра Александровича Зимина, назначившего Формозова одним из своих душеприказчиков. А.А. Формозов, В.М. Панях и я в 1980 – начале 1990-х гг. были единомышленниками, настаивая на скорейшем издании зиминского исследования о «Слове о полку Игореве», но не преуспели в этом. Впрочем, свою обязанность душеприказчика тезка Зимина исполнил честно, невзирая на сложности, которые ему сулила подобная деятельность: именно он в

¹ Приношу искреннюю благодарность М.К. Трофимовой за щедрую и многообразную помощь при написании нижеследующего текста. В него вошли фрагменты, написанные М.В. Андреевой для коллективного некролога (Российская археология. 2009. № 3), но не опубликованные там. Автором с благодарностью приняты и некоторые поправки, предложенные ею.

² Далеко не все планы осуществились: «Хотел подробно написать о Замятине, Йессене, Грязнове» (Интервью А.А. Формозова С.П. Щавелеву 12.12.2008 // www.archaeology.ru/ONLINE/Formozov/interview_1.html (далее — Формозов А.А. Интервью).

1992 г. опубликовал фрагменты монографии А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»³.

Неоднократное обращение к трудам А.А. Формозова поставило перед автором вопрос – каков был стимул деятельности этого ученого, деятельности, которая шла в ущерб его собственному «процветанию» на научной ниве и в конечном счете здоровью? В поисках ответа на данный вопрос я решила еще раз обратиться к комплексному анализу его трудов и его судьбы, которую иначе чем подвижнической назвать нельзя...

Слово «подвиг» с течением времени изменяло свой смысл. Начиная с XVI в. оно означало всего-навсего – стремление, движение или даже начало движения, причем не всякого, а исключительно или преимущественно войска или какой-то его части, движение, возглавляемое самим государем, каждое путешествие или поездка которого превращалась в «подвиг» («как его царский подвиг будет к Москве»)⁴. Демократизация общества и его представлений, происходившая даже в России, привела к тому, что термин «подвиг» стал прилагаться и к рядовым людям, правда, с серьезным преобладанием среди них военных. В.И. Даль привел выражение XIX в.: «Воинские подвиги шумят и блестят, гражданские темны и глухи»⁵. Доныне о подвигах «штатских» лиц говорят реже, чем о военных, да и подвиги первых не так громки. К нашему времени изменилось и содержание понятия – это не просто стремление или движение, теперь это – героическое деяние, преодоление препятствий ради высокой цели, совершаемое зачастую ценой собственной жизни.

В данном случае автор не может обойтись без термина «подвиг» в его теперешнем значении. Ибо именно он точнее всего передает смысл жизни А.А. Формозова. Можно, конечно, прибегнуть и к другому образу – атлантов, титанов греческой мифологии, сурово наказанных олимпийскими богами за борьбу против них – обязанностью вечно поддерживать небесный свод. Образ атлантов естественно приходит на ум тогда, когда думаешь об Александре Александровиче Формозове, подстать им ширококостном великане, которому, казалось, под силу удержать не только небесный свод, но и земную твердь, под силу сражаться пусть и не с олимпийскими, но с земными, по преимуществу академическими богами.

³ *Зимин А.А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) / Предисл. А.А. Формозова // Вопросы истории. 1992. № 6–7.

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 3. С. 104.

⁵ Там же.

Судьба послала ему немало испытаний. Однако начало жизни ничего подобного не сулило. Сын ученых родителей – нижегородца по происхождению, биолога по образованию и призванию, обладавшего талантом графика-анималиста и даром литератора⁶, и москвички – химика и геолога, он легко учился в школе⁷, благо родители наградили его редкими качествами – не только фантастической памятью, но и огромным творческим потенциалом. Подростку, в жизни которого «двор не играл никакой роли»⁸, хватало времени не только на обязательные школьные занятия, но и на увлечение историей, связанное с ее «возвращением» в число преподаваемых предметов. Выходило много книг «Библиотеки исторических романов». Была выставка в Третьяковской галерее «Русская историческая живопись». В театрах привлекали пьесы о Суворове, Кутузове, Иване Грозном⁹. По видимому, уже в 1940–1941 гг. отец отвел его в школьный исторический кружок при МГУ, который вел С.В. Бахрушин. Он заметил пытливого юношу и советовал ему заняться историей всерьез. Каждый из родителей тянул наследника к своей научной сфере, до поры до времени казавшейся тихой заводью, однако подростка-гуманитария привлекала история и – по молодости лет – ее наиболее зримая и осязаемая часть – археология, в те годы уже сравнительно хорошо представленная в Историческом музее. Кроме того, в годы Отечественной войны интерес к прошлому обострился. К тому же отец будущего археолога в свое время оказался в роли сотрудника археолога Б.С. Жукова, попросившего его помочь с определением костей из раскопок городищ железного века в Приветлужье. А.Н. Формозов познакомился с учениками Жукова М.В. Воеводским, О.Н. Бадером, С.П. Толстовым, что, конечно, не прошло даром для его сына¹⁰. Интерес к археологии складывался, вероятно, и благодаря путешествиям отца не только в России, но и в Монголии. Его письма и книги с рисунками воспитывали

⁶ Дед А.А. Формозова – семинарист Арзамасского духовного училища Николай Елпидифорович Формозов, для которого кумиром был В.Г. Короленко, живший в Нижнем Новгороде после ссылки в 1885–1896 гг., пробовал свои силы и в литературе, пройдя путь от народничества до толстовства (См.: *Формозов А.А.* Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста. М., 2006. С. 11–19.)

⁷ Точнее – в школах (московской № 70, актюбинской, с пятого класса в декабре 1943 – знаменитой московской № 110 (нансеновской, им. Зелинского), подшефной МГУ). Однако в атмосфере школы «отталкивала официализация, показуха, ложь». См.: *Формозов А.А.* Интервью.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Формозов А.А.* Александр Николаевич Формозов. С. 69–70, 122.

интерес к культуре, в том числе и древней, не только своего, но и соседних народов.

Саша Формозов завершил среднее образование на следующий год по окончании войны, но еще в школе, находясь в экспедиции вместе с матерью, в 1944 г. он открыл неолитическую и энеолитическую стоянку Саксаульскую в Северном Приаралье и в свои 16 лет оказался автором научной публикации о ней, возможно, не без содействия кого-то из учеников Жукова, расстрелянного в 1933 г. В ближайшем окружении семьи за 1930-е гг. исчезло много друзей¹¹. Атмосфера, в которой складывалось мироощущение будущего археолога, способствовала формированию скептически-критического отношения к советской власти и к ее действиям на так называемом «научном фронте». Первый камень «обреченности к подвигу» был тем самым заложен.

Публикация о Саксаульской стоянке, вероятно, облегчила поступление в МГУ в 1946 г., где вчерашний школьник конкурировал с только что демобилизованными фронтовиками, поступавшими на кафедру истории КПСС или истории советского общества, с которыми понимания не было, а было «отчуждение». Впрочем, по словам Формозова, «были и хорошие ребята В.Б. Кобрин, В.Л. Янин»¹². Как и они, Формозов рано выбрал узкую специальность и даже экспедиции, где проходил практику. Студент-археолог участвовал в экспедициях М.В. Воеводского, который вплоть до смерти в 1948 г. руководил раскопками памятников палеолита, последним из коих оказалась стоянка в районе Десны¹³. Кроме того, ездил на раскопки под руководством Б.Н. Гракова, О.А. Кривцовой-Граковой, Т.С. Пассек, А.И. Тереножкина¹⁴. От этого времени остались рассказы И.С. Каменецкого и А.Д. Столяра о неожиданных появлениях Саши Формозова «у ночного костра чужой экспедиции с рюкзаком на плечах» или купании во всех речках, которые встречались на пути. Герой этих рассказов сознается: «В юности был и весел, и задирист, и бесшабашен. Рассказы реальны»¹⁵.

¹¹ Там же. С. 115, 119.

¹² Формозов А.А. Интервью.

¹³ См.: Формозов А.А. К истории исследования Авдеевской палеолитической стоянки // Историография русской археологии на рубеже XX–XXI вв. Курск, 2004. С. 54–63.

¹⁴ Андреева М.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. и др. Александр Александрович Формозов (1928–2009) // Российская археология. 2009. № 3. С. 184 (далее – Андреева М.В. и др. Указ. соч.).

¹⁵ Формозов А.А. Интервью.

Обучение в МГУ (1946–1951) пришлось на время, когда сталинская «оттепель» военного времени сменилась жестокими «морозами». Они начались в 1946 г. с разгрома постановки «Ивана Грозного» в Малом театре. А потом шквал «разоблачений» прокатился по всем гуманитарным и не только гуманитарным дисциплинам. Студент истфака и сын биолога присутствовал 4 ноября 1947 г. на обсуждении интервью Т.Д. Лысенко «Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых?», данного им «Литературной газете», ставшей важным официозным рупором печати¹⁶, того самого обсуждения, с которого в нашей стране началось гонение на генетику.

В истории дело обстояло не лучше. Истфак МГУ стал ареной кровопролитных битв. Вслед за Н.Л. Рубинштейном, в феврале–марте 1948 г. изгнанным не только из ученого совета университета, но и с поста зам. директора ГИМа, а заодно и из партии, в марте 1949 г. начались гонения на М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева, авторов учебника «Источниковедение истории СССР», затем на К.В. Базилевича, Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина¹⁷. Очередной тур репрессий обрушился на искусствоведов, уже единожды отсидевших свое. Были арестованы Г.К. Вагнер, Н.П. Сычев¹⁸.

Университетский курс был школой, в которой будущие гуманитарии обучались «колебаться вместе с линией партии» и приспособливаться к строю. Однако Формозов, очевидно, в этой «школе» учился плохо и при поступлении в аспирантуру первым делом отказался от предложенной ему кандидатуры руководителя, положив «начало той драматургии отношений, которая в дальнейшем в разных вариантах проявлялась на протяжении всей его службы в московском Институте археологии»¹⁹. Так был заложен и второй камень в фундамент «обреченности к подвигу»...

Творческая судьба А.А. Формозова, то есть сам подвиг, делится на три больших этапа – это работа в области археологии первобытного общества (до конца 1960-х гг.), истории археологии (1970–1980-е гг.), истории культуры, литературы, общественной мысли, научной этики (1990-е гг. – начало нашего столетия). Деление, конечно, условное, и в каждом периоде помимо главной магистральной темы параллельно разрабатывались и иные проблемы. Эти этапы личной научной биографии поразительным

¹⁶ Формозов А.А. Александр Николаевич Формозов. С. 149–150.

¹⁷ См.: Хорошкевич А.Л. Вред и польза истории // Историографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 160–163.

¹⁸ Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964). М., 2006. С. 101.

¹⁹ Столяр А.Д. Памяти Александра Александровича Формозова (в печати).

образом отчасти совпали с разными периодами развития СССР и России. Первый – знаменитые 1960-е гг., окрашенные надеждами на что-то «демократическое» и радостно-светлое, второй – мучительнейший период застоя, реставрации, безвыходности, безвоздушности и безнадёги, в третьем – уже российском периоде тоже можно выделить два подпериода, сходных с советскими.

В силу того, что время соиздания работ и время их выхода в свет совершенно не совпадают, восстановить реальную картину творческого развития и деятельности А.А. Формозова очень трудно. Попытаюсь тем не менее это сделать.

Итак, первый этап полевой археологии... Поскольку автор данного сочинения не археолог, сошлюсь на уже цитированное сочинение М.В. Андреевой и ее коллег. По их мнению, в начале творческого пути аспиранта 1951–1954 гг. А.А. Формозова интересовали энеолитические истоки андроновской культуры. Исследованием казахстанских нео- и энеолитических древностей он подтвердил высказанное в 1920-е гг. М.П. Грязновым и А.М. Тальгреном мнение о формировании данной культуры на основе культур медного века Казахстана и севера Средней Азии и предлагал ввести более широкое понятие «андроновская культурная область» вместо куцевого термина «культура»²⁰. Второй проблемой, занимавшей в это время Формозова, был процесс формирования культурного, а вовсе не этнического (как тогда принято было считать в отечественной археологии) единства населения эпох неолита и энеолита на юге СССР, сохранившего в пределах своей культурно-хозяйственной зоны пережиточную технику обработки кремния, унаследованную от мезолитической эпохи.

Термины «культурная область» и «культурная зона» применительно к мезолиту он ввел в 1950 г. в публикации материалов М.В. Воеводского со стоянки Песочный ров на Десне²¹, а в своей кандидатской диссертация «Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР» 1954 г. обосновал принципы их выделения и положил их на карту. Обобщением наблюдений над локальными вариантами культур явилась монография 1959 г. «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке».

Еще будучи в аспирантуре, А.А. Формозов возглавил Крымскую палеолитическую экспедицию (1952–1956 гг.), объектом исследований которой

²⁰ Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 39.

²¹ Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный ров на реке Десне (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы) // КСИИМК. 1959. Вып. 35.

стали мустьерские стоянки Староселье и Кабази рядом с Бахчисараем, навес в Холодной балке под Симферополем и второе в Крыму неолитическое поселение в балке Кал-арасы²², что позволило выявить локальные варианты культуры мустье в горном и степном Крыму²³.

Вторым объектом полевых исследований А.А. Формозова в 1957–1960, 1962–1965 гг., проводившихся им совместно с А.Д. Столяром, руководившим Кубанской экспедицией Эрмитажа, были памятники эпох неолита, энеолита и ранней бронзы в Западном Предкавказье²⁴.

К сожалению, на этом его полевая деятельность прекратилась. В условиях распавшейся семьи сын стал исполнять обязанности сиделки и медсестры при тяжело заболевшей матери, поскольку Любовь Николаевна после бесчисленных операций нуждалась в постоянном уходе до смерти в 1990 г.

Однако и до этой семейной катастрофы параллельно с полевыми исследованиями А.А. Формозов занимался осмыслением общих закономерностей развития палеолитической культуры, что, на наш взгляд, составляет примечательные и отличительные черты подхода А.А. Формозова к изучаемому им палеолитическому человеку. Формозова интересовали не только орудия, которыми пользовался наш древний предок²⁵, но и его душа, восприятие той действительности, которая его окружала, и их отображение в искусстве. Для советской археологии, строго ограниченной учением классиков марксизма-ленинизма о доминирующей роли базиса – производственных отношений, это было ново и непривычно, однако эти идеи вполне укладываются в общее развитие отечественной науки начала XX в. В работах А.А. Формозова, кажется, нет ссылок на Л.П. Карсавина, однако подходы археолога Формозова и философа и историка Карсавина к давним жителям Земли, будь то палеолит или средневековье, имеют много общего. В 1920 г. Карсавин писал: «Речь идет... о реальном проникновении в душевный процесс, подлинное слияние с ним, как бы ни называлось такое вживание в чужую индивидуальную или коллективную душу»²⁶.

²² Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (материалы к изучению неолита юга СССР) // МИА. 1962. № 102; *Он же*. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

²³ Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71.

²⁴ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

²⁵ Формозов А.А. Мезолитические и неолитические орудия Европейской части СССР и проблемы этнической истории // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973.

²⁶ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Пг., 1920. С. 26.

Путем проникновения и даже «вживания» в душу первобытного человека для исследователя было изучение первобытного искусства. В течение 1963–1968 гг. А.А. Формозов обследовал памятники древнего искусства (прежде всего рисунки на скалах) на территории от Днестра до Амура и от Беломорья до Термеза и зафиксировал их состояние в книге 1966 г. «Памятники первобытного искусства на территории СССР», а в 1969 г. выпустил книгу «Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР». Как отмечают коллеги-археологи, автор поставил ряд ключевых вопросов – о локализации зон и основных очагов творчества, о роли заимствований в первобытном искусстве, о принципах разделения форм монументального и малого искусства²⁷. В 1987 г. он подвел итоги изучения этой темы и рассмотрел спорные вопросы, поставленные им и его читателями и рецензентами²⁸, а также уделил внимание методике работы с этим типом источников.

Для историка отечественной науки важен другой аспект – сам факт постановки проблемы формирования эстетических представлений у первобытного человека, в том числе и при изображении человека²⁹. В своих историографических сочинениях автор обосновал теоретически свой подход к человеку каменного века как сознательное противопоставление догмату советской археологии, в которой считалось, что предметом этой науки была только «материальная культура». До поры до времени не вполне ортодоксальный подход к объекту занятий сходил Формозову с рук. Но только до поры до времени...

Тема духовной культуры эпохи палеолита заняла почетное место в истории искусства³⁰, получила, казалось бы, признание археологов³¹ и нашла путь к широкому читателю. Живо и увлекательно написанные «Памятники первобытного искусства на территории СССР» были выпущены в свет издательством «Искусство» на максимально возможном в то время (1980 г.) и в целом вполне приемлемом полиграфическом уровне.

²⁷ Андреева М.В. и др. Указ. соч. С. 184.

²⁸ Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.

²⁹ Формозов А.А. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 6 (30). С. 103–112.

³⁰ См.: История искусств народов СССР. Т. 1: История первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971.

³¹ Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977; Беленицкий А.М., Даркевич В.П., Формозов А.А., Яценко И.В. Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.

Поездки по СССР в 1949–1969 гг. ради ознакомления с памятниками первобытного искусства дали материал для написания одной из наиболее увлекательных книг А.А. Формозова «Археологические путешествия» 1974 г., в которой автор охарактеризовал памятники разных регионов тогдашней страны – степей к западу от Днепра, лесной зоны европейской части СССР, Урала, Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири. «Книга А.А. Формозова, – отмечал научный редактор книги Д.Б. Шелов, – несомненно способствует не только тому, чтобы пробудить у нас интерес к памятникам древней культуры, но и тому, чтобы развить потребность в эмоциональном их восприятии и вызвать стремление к более глубокому осмыслению увиденного, к переходу от внешнего наблюдения к проникновению в суть исторического процесса»³². В этих словах не только четко сформулирована «идеальная цель», подлинное предназначение «популярной» археологической литературы, но и дана высокая оценка книги. Адресованная как начинающему археологу, так и простому туристу, любителю прошлого, научно-популярная брошюра несла в себе мощный положительный заряд любви к родине, уважения к далеким и близким предкам, бережного отношения к ее памятникам. Книга была сметена с прилавков книжных магазинов в год публикации и с тех пор не переиздавалась.

Параллельно с полевыми исследованиями и анализом памятников палеолитического искусства А.А. Формозов занимался историей отечественной археологической науки. Осмысливая свой путь в науке, он говорил: «Интерес к истории связан с интересом к прошлому страны, ее культуры. Хочется понять, что мы имеем, что потеряли, что стоило бы развивать»³³. В 1961 г. на волне хрущевской оттепели ему удалось опубликовать «Очерки по истории русской археологии», работа над которыми началась в 1959 г. В них речь шла о преемственности советской археологической науки от дореволюционной, анализ показал, что «многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской исторической науки»³⁴. Первый формозовский опыт обращения к истории археологии был замечен не только в СССР (Вопросы истории, 1963), но и в русскоязычном парижском журнале «Возрождение» (1962), и в авторитетном немецком ежегоднике «Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas» (1965, Jg. 13, Hf. 3). Однако на родине появление этой монографии привело к первому конфликту с дирек-

³² Шелов Д.Б. От редактора // Формозов А.А. Археологические путешествия. М., 1974. С. 8.

³³ Формозов А.А. Интервью.

³⁴ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 126.

тором Института археологии АН СССР Б.А. Рыбаковым, в результате которого Формозов потерял возможность ездить за границу (студентом он успел посетить Данию вместе с В.Л. Яниным, позднее дважды побывал в Польше – в 1958 и 1965 гг., один раз – в Чехословакии в 1959 г.).

В 1970-е гг., которыми можно датировать начало второго периода публикации работ А.А. Формозова, он вернулся к проблеме истории археологии. Его подход к этой теме был комплексным: с одной стороны, он вписывал историю археологии в общую историю исторической науки, исследуя становление методов и понятийного аппарата ученых, а с другой – связывал ее с общим развитием культуры, общественной мысли и общественного самосознания, и в первую очередь литературы. Неслучайно вторая книга, изданная в 1979 г. в русле указанной выше проблематики, была посвящена А.С. Пушкину³⁵, увлечение творчеством которого и эпохой декабристов восходит к пушкинскому юбилею 1937 г.³⁶

Книга о Пушкине покорила массу читателей открытостью и доверительностью стиля, блистательным знанием пушкинских текстов, его эпохи. Книга пришлась ко времени, когда интеллигенция была уже сыта зрелым брежневским застоём, выдававшимся за «зрелый социализм», и рвалась к любому живому слову правды, которое и нашла в очередном издании А.А. Формозова.

По мнению археологов, авторов коллективного некролога, две книги стоят несколько особняком в творческом наследии А.А. Формозова. Это «Пушкин и древности» (2-е изд., 2000) и «Классики русской литературы и историческая наука» (1995). Эти работы, изданные со значительным интервалом, тем не менее создавались параллельно и в тесной связи друг с другом. Импульс к написанию их – слитые воедино в личности Александра Александровича любовь к «золотому веку» русской культуры и преданность ремеслу археолога и историка. После выхода первого издания книги «Пушкин и древности» у некоторых читателей, особенно из среды археологов, возникло ощущение, что автор без особого успеха пытается сопрячь, по слову Ломоносова, «далековатые идеи». Появление второй книги обнаружило, что пушкинский сюжет – лишь часть рассматриваемой историком картины. Речь идет о месте и роли исторического знания (в том числе – добытого из археологических источников) в самосознании русского общества XVIII–XIX вв. Но о второй книге речь пойдет ниже.

³⁵ Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979.

³⁶ Формозов А.А. Интервью.

Следующее же в историко-археологической серии сочинение имело более узкий диапазон: в нем автор рассматривал первые шаги российской археологии каменного века³⁷, отдав тем самым дань памяти основоположникам его археологической специальности. Зато вышедшее на следующий же год сочинение, посвященное И.Е. Забелину³⁸, касалось иного времени – XIX в., и иной проблематики. Основатель Исторического музея, большой патриот родного города Иван Егорович Забелин посвятил свои исследования средневековой Москве и быту ее жителей, в первую очередь основательно документированному «быту русских царей и цариц». В книге А.А. Формозова историк Москвы предстал в самых разных ипостасях, поскольку автору удалось ознакомиться с личным архивом, бережно хранимым в Отделе письменных источников Исторического музея. Впрочем, А.А. Формозову лично не был близок Забелин с его консерватизмом, отчасти соответствовавшим настроениям эпохи брежневского застоя.

Гораздо ближе был ему образ собственного отца. Ему в 1980 г. А.А. Формозов посвятил особую книгу³⁹, замеченную исключительно биологами⁴⁰, а в 1985 г. переиздал его избранные научно-художественные произведения⁴¹. В первой из этих книг Александр Александрович на примере отца проследил и честно показал, как эпоха террора меняла психику человека, убивала его не только физически в ГУЛАГе, но и душевно – на собственном рабочем месте.

Во время второго этапа – историко-археологического, Александр Александрович упорно размышлял о судьбах русской культуры – духовной и материальной, о роли ученого-археолога и историка в формировании того, что именуется менталитетом общества, и писал очень много, но преимущественно «в стол». В 1960 г. был уничтожен первый вариант «Записок археолога», созданный еще в 1957 г. С 1962 г. началась работа над проблемой «Русское общество и охрана памятников», первый вариант переработан в 1967 г. В 1964 г. написано «Возникновение русской археологии», в 1965 г. – второй вариант «Записок археолога». В 1971 г. были начаты «Размышления о науке», а также «О предках» (вошедший в био-

³⁷ Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

³⁸ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

³⁹ Александр Николаевич Формозов (1899–1973). М., 1980. Биографическая книга об отце, существенно дополненная, увидела свет в 2006 г.

⁴⁰ См.: Природа. 1981. № 1. С.126; Охота и охотничье хозяйство. 1981. № 2. С. 23; Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1981. Т. 86, вып. 4. С. 114–115.

⁴¹ Формозов А.Н. Среди природы. М., 1985.

графическую книгу об отце 2006 г.), в 1975 г. создан третий вариант «Записок археолога» – «Встречи и судьбы». В 1980 г. некоторые тексты были объединены под общим заголовком «Археология и русская культура». В 1982 г. был завершён второй вариант «Размышлений о науке», «Человек и наука», в 1984 г. Формозов работал над сочинением, посвящённым исследователям малой родины, – «Московские археологи», в окончательном варианте 1985 г. получившим название «Исследователи древностей Москвы и Подмосковья» и вышедшим в 1988 г. под названием «Следопыты земли Московской».

Мучительный для А.А. Формозова, как и для многих других интеллигентов, период «рекапитализации» общественного строя страны после 1991 г., сопровождавшийся сокращением прежних издательств или выходом их в самостоятельное «плавание», тем не менее, на первых порах открыл пути публикации старых работ – фундаментальной монографии «Русское общество и охрана памятников культуры», вынашиваемой с 1967 г. (М., 1990), и фрагментов будущих книг, в том числе – «Человек и наука», один из вариантов которой был написан в 1982 г.

Сначала о «Русском обществе». Над памятниками культуры в течение советского периода не раз нависала угроза полного уничтожения – не только в период революции и Гражданской войны, но и в период коллективизации. А.А. Формозов поднял знамя защиты памятников культуры, выпавшее из рук отца⁴². Правда, объектом защиты Александра Николаевича были естественные природные комплексы – заповедники, и он в самый разгар коллективизации в 1930-е гг. пытался защитить их «от высокопоставленных браконьеров, от узколобых хозяйственников, считавших, что “с этим государством в государстве” пора покончить, отдав его земли под лесосеки, покосы и т.д.»⁴³. Сын оборонял от новых советских воротил, фантастически невежественных, рукотворные памятники человеческой деятельности – от стоянок первобытных людей до шедевров архитектуры модерна⁴⁴.

⁴² Формозов А.А. Нужен настоящий путеводитель по памятникам старины // Ленинский путь. Самарканд, 1960. 27 нояб. № 236 (5960). С. 2; *Он же*. Материалы по истории русских музеев // Советская археология. 1965. № 4. С. 278–280; *Он же*. О музеях-заповедниках // Актуальные проблемы музейного строительства (Музей и посетитель): Тр. НИИ культуры М-ва культуры РСФСР. 1981. Вып. 101. С. 126–128; *Он же*. Как смотрели на памятники старины и их охрану // Памятники Отечества. 1984. № 2. С. 136–138.

⁴³ Формозов А.А. Александр Николаевич Формозов. С. 106–108, 157, 184, 190, 197–198.

⁴⁴ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников искусства. М., 1990.

Вряд ли самое пылкое воображение и даже обычная прозорливость А.А. Формозова могла помочь ему предугадать последствия беспечной и недальновидной политики в области охраны памятников. Но за их сохранение он дрался, как лев, выступая в печати со страстными статьями, апеллируя к здравому смыслу соотечественников и к интеллекту власти.

Одновременно ученый продолжал изучение истории археологии. Институт археологии поддержал инициативу по созданию «Очерков истории отечественной археологии», три тома которых вышли в 1991, 1998, 2002 гг. Здесь публиковались возникшие под влиянием и при содействии редактора серии А.А. Формозова работы его неформальных учеников, среди которых выделяется И.В. Тункина, вводящая массу новых архивных материалов. По инициативе Формозова был издан трехтомник «Антология советской археологии», содержащий краткие биографические очерки ученых. Наряду с редакционной работой в указанных изданиях, а также в редакции журнала «Советская археология» (с 1992 г. – «Российская археология») А.А. Формозов издавал и свои собственные сочинения. Урожайным оказался 1995 г., когда увидели свет две монографии.

Во введении к монографии 1995 г. «Русские археологи до и после революции» автор рассказал о своей работе над книгой, восходящей к «Очеркам» 1961 г. Она писалась так же, как и другие, «мозаичным» способом, т.е. отдельными статьями на узкие темы, которые потом были объединены в общий текст. Здесь же он подвел итоги историографии, охарактеризовав книги Г.С. Лебедева (в основном по дореволюционному периоду) и бывшего ростовского профессора М.А. Миллера, бежавшего из Ростова с гитлеровцами. Красочный рассказ последнего о разгроме археологии в 1920–1930-е гг., написанный по памяти, изобилует грубыми ошибками. Марксистская оценка того же периода В.Ф. Геннинга (Киев, 1982) и А.Д. Пряхина (Воронеж, 1986) заложила фундамент для будущего апофеоза советской археологии.

Монография А.А. Формозова состоит из 12 глав. Автор предложил свою периодизацию истории археологии, в какой-то мере совпадающую с общим развитием исторической науки в России и СССР. Истоки современной археологии он возводит к петровскому времени, когда была создана Кунсткамера, аккумулировавшая в дальнейшем находки академических экспедиций в Сибирь Д. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа. Судьбы же самих исследователей в России были незавидны по самым разным причинам, в том числе и неприятию в стране европейской методики

источниковедения, и в болезненных для национального самосознания темах.

На смену академическому периоду пришел дворянский дилетантизм, появление которого было, по Формозову, подготовлено указом о вольности дворянства 1762 г. и Жалованной грамотой 1785 г. «Алчущие познаний», в том числе и чиновники принялись за раскопки. Так, А.П. Мельгунов раскопал скифский курган Литую могилу в Поднепровье, а потом, будучи ярославским губернатором, основал первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец». Присоединение Крыма, поразившего россиян обилием невиданных памятников, сопровождалось изданием многочисленных описаний «путешествий» по Крыму. Здесь же возникли первые музеи. Николаевское же время отмечено складыванием ультранационалистических концепций, влияние которых сказалось и на И.Е. Забелине.

Следующий этап развития археологии автор связывает с деятельностью разночинцев и кризисом позитивизма. Думается, однако, что объединять их нецелесообразно. К первому подпериоду относится деятельность таких столпов археологии, как А.А. Спицын, В.И. Сизов и В.А. Городцов. Этому поколению Формозов приписывает честь создания сети провинциальных музеев. Накануне первой русской революции 1905 г. наметился кризис позитивизма, на фоне которого и вопреки которому успехи археологии производили сильное впечатление, даже на вечного скептика В.О. Ключевского.

Периодизация истории археологии советского периода впервые предложена Формозовым: «Уезжать или оставаться?» – от Февральской революции до окончания Гражданской войны; «Передышка» – период нэпа (1921–1928), «Разгром» – годы коллективизации (1929–1933), предвоенное семилетие (1934–1941), «От Отечественной войны до XX съезда КПСС» (1941–1956); «Шестидесятники», «Распад». В целом подобная периодизация не вызывает возражений, хотя некоторые грани (1921, 1933) спорны. На наш взгляд, период 1941–1956 гг. нуждается в разделении и выделении особого периода борьбы с космополитизмом. В целом монография давала четкую и непредвзятую картину развития археологии, в своих существенных чертах расходившуюся с официальной трактовкой тех же сюжетов. Особое внимание автор уделил националистическим тенденциям, ярко проявившимся в период борьбы с космополитизмом и в последующее время.

Проблему взаимоотношений писателей с исторической наукой (и соответственно историками-современниками) А.А. Формозов рассматривает и в другой монографии, вышедшей в 1995 г., – «Классики русской литературы и историческая наука» (написано в 1967, 1986–1989 гг.). Александр Алек-

сандрович, будучи историографом особого склада и страстным любителем русской словесности, исследует «в лицах» (благо лица эти – М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.К. Толстой, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, по крайней мере, до последних десятилетий были знакомы в России всякому человеку со школьной скамьи) разные аспекты названной темы: это и различия в восприятии прошлого у специалистов-ученых и людей искусства; и роль искусства и литературы в закреплении образов прошлого в общественном сознании, с одной стороны, и в расширении проблематики исторической науки – с другой; и, естественно, воздействие научной исторической литературы на художественное творчество.

Формозова не удовлетворил опыт Л.В. Черепнина⁴⁵, ограничившегося изучением писем и дневников писателей без учета разницы мировосприятия ученых и литераторов. Перед собой же исследователь ставил иные задачи – установить разницу взглядов ученых и их современников-писателей на историю, специфику каждого писателя в отношении к прошлому и, наконец, расхождения в этом отношении в обыденном сознании и «у людей науки и искусства»⁴⁶.

Последняя проблема не просто важна, но и злободневно актуальна вплоть до наших дней. Поэтому вполне целесообразным представляется включение в монографию анализа сочинений Иннокентия Гизеля и Михаила Ломоносова, хотя эти герои его монографии явно не принадлежат к «классикам русской литературы». Скорее, можно говорить о них как писателях, формировавших мироощущение и бытовую политическую философию народа, прошлое которого они представляли по-разному, хотя и были единодушны в одной мысли – чрезвычайной древности россиян. Они положили начало мифологическим представлениям, которые возрождаются и в наши дни, подчас на уровне государственной идеологии.

Борец с мифами в науке и в общественном сознании, А.А. Формозов, наблюдая массовое увлечение в конце XX в. трудами Н.М. Карамзина, сделал вывод: «Если Карамзин-историк станет популярен у массового читателя, легенды будут множиться».

Все последующие очерки посвящены действительно классикам. Причем автор находит индивидуальный подход к каждому. В очерке о Пушкине-историке он исследовал отношение Пушкина к историческим источникам,

⁴⁵ См.: Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; Формозов А.А. Историзм русской литературы // Новый мир. 1969. № 4. С. 267–271.

⁴⁶ Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 7.

показал великого писателя как открывателя новых проблем русской истории.

Заголовок следующего очерка «Н.В. Гоголь – преподаватель истории и автор “Тараса Бульбы”» вводит читателя в заблуждение. На самом деле – это предельно краткий обзор всех творческих исканий и духовной эволюции Гоголя в области осмысления украинского прошлого.

В творчестве А.К. Толстого, в отличие от предшествующих героев рассматриваемого исследования интересовавшегося памятниками материальной культуры прошлого – археологическими и архитектурными⁴⁷, А.А. Формозова привлекла серия исторических баллад 60-х гг. XIX в.

Поразительным образом консервативное видение истории отразилось в серии стихотворных исторических пьес А.Н. Островского. Этот парадокс А.А. Формозов объясняет отсутствием методических навыков работы с источниками, излишней доверчивостью писателя к историческим исследованиям, невниманием к памятникам материальной культуры (в молодости он удивлялся при виде Московского кремля: «Для чего здесь настроены эти пагоды?»).

Полной противоположностью Островскому в книге А.А. Формозова предстает М.Е. Салтыков-Щедрин. Последнему «была важна только одна сторона жизни – борьба за справедливый социальный строй против угнетения народа»⁴⁸. Подобно своим современникам революционным демократам типа Н.Г. Чернышевского он разделял нигилистическое отношение к культуре и искусствам и считал, что Иванушкам-крестьянам «и горя мало» до того, «в какой мере в отечестве их процветают науки и искусства. Быть может, они и об этом со временем подумают, но время это, я полагаю, наступит тогда, когда брюхо будет достаточно обеспечено продовольствием». Пожалуй, писатель несколько недооценил Иванушек, равно как и государственную власть, постоянно и целенаправленно препятствовавшую им думать об этом...

Серию очерков замыкает глава об историзме и антиисторизме Льва Толстого. А.А. Формозов решительно возражает против введенных в литературоведение Б.М. Эйхенбаумом определений «антиисторизм» по отношению к автору «Войны и мира», а его стиля как «летописного», равно как и против мнения Л.В. Черепнина, будто Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин наиболее

⁴⁷ Московские архитектурные памятники он пытался защитить, единственный раз обратившись с письмом в 1862–1864 гг. к товарищу детских игр Александру II.

⁴⁸ Формозов А.А. Классики русской литературы. С. 115.

обстоятельно знакомились с источниками и глубже проникали в события прошлого, нежели другие «классики».

Подводя итоги своему исследованию и готовый к обвинению в банальности выводов, А.А. Формозов настойчиво повторяет тезис о разнице науки и искусства и свое несогласие с предшественниками-историками и филологами, не видевшими этого. Он выделяет три типа писателей, работавших с историческими источниками и исследованиями. Одни из них, как А.Н. Островский, делавший это старательно, оказались в плену устаревших историографических схем и не прореагировали на веление современных ему общественных настроений. Такие писатели, как Пушкин и Гоголь, свободнее оперировали историческими фактами, не давая им сковывать собственное воображение и интуицию, и создавали «вторую реальность». Наконец, один из творцов подобной реальности Салтыков-Щедрин, по мнению Формозова, был открыто враждебен исторической науке (добавим от себя – в том варианте, который застал он).

Главный смысл монографии «Классики русской литературы» заключается, на наш взгляд, в выяснении истоков младенчески мифологического сознания русского народа и анализе форм проявления этого сознания на протяжении XVIII–XXI вв. Актуальность, причем жгучая, для выживания и дальнейшего развития русского народа и самой России поднятых А.А. Формозовым проблем, энциклопедическая широта охватываемых им произведений, четкость анализа рассматриваемого материала и точность диагноза «исконно русского» миропонимания делают эту работу ключевой во всем его творчестве.

Следующая капитальная публикация увидела свет в 2004 г., и снова она была посвящена археологам. Через девять лет после издания монографии «Русские археологи до и после революции» автор выступил с новой книгой «Русские археологи в эпоху тоталитаризма». Как явствует из самого заголовка, постановка вопроса была более жесткой, чем в 1995 г. Эпоха названа безо всяких обиняков, исходным пунктом обозначена та самая статья четырех мэтров советской археологии, о которой мельком упоминалось и в 1995 г. Новая монография в расширенном и исправленном виде включила книгу 1995 г. Были добавлены и новые разделы – еще семь статей – историко-биографического, чисто историографического, историко-административного плана: о Государственной академии истории материальной культуры, о супругах Ефименко (очерк написан с необыкновенной теплотой и пронзительностью, обусловленной пониманием их трудных судеб) и другие. Здесь находится и мартиролог репрессированных археологов

в течение 1917–1951 гг. Автор не удовлетворяется утешительно убаюкивающей поминальной формулой «Их же имена ты, Господи, веси» и пытается тщательнейшим образом восстановить трагические судьбы своих предшественников и современников. Книга завершается не менее подробным и не менее скорбным обзором утраченных в результате советского варварства памятников культуры не только в обеих столицах, но и на всей территории Советского Союза. Поскольку Институт археологии отказался финансировать эту работу, книга была издана за счет автора и разошлась в считанные дни. Это и неудивительно. Ибо книга 2004 г. косвенным образом отвечает на коренной вопрос развития страны: с кем вы, мастера науки? с кем вы, правители страны? Проводимые ныне реформы образования, музейного дела и фундаментальной науки обостряют вопрос о месте науки и культуры в системе общественных связей, их роли в формировании новых социальных условий, об отношении власти к науке и культуре. Поэтому особый интерес приобретают книги, обобщающие опыт предшественников – по преимуществу трагический и для субъектов отношений и для объекта, в качестве которого выступает вся страна.

Совершенно особой сферой, и тоже уникальной, в пределах советской и постсоветской систем общественных наук является проблема этики научного труда. Большая часть работ, посвященных этой теме, была написана А.А. Формозовым до 1991 г., но издана на рубеже столетий и в начале XXI в.⁴⁹ Здесь автор совершенно бескомпромиссно и мужественно выступил по отношению к своим коллегам, показав механизмы коррупции в археологической науке и ее воздействие на развитие этой науки, превратившись таким образом в «ассенизатора» и «золотаря» науки, исполняя должности малоприятные не только для себя, но и для объектов его критики, естественно, болезненно ее воспринимающих. В монографии «Человек и наука» А.А. Формозов яснее, чем где-либо в предшествующих работах, высказался по поводу типов ученых, смиренных и гордецов. Тот, кто обладает смирением, готов принести себя в жертву науке, работая для неведомых потомков. Смелчак и гордец более думает о собственном успехе, чем о трудном пути к истине, и нередко сбивается с пути, разделяя порой меркантильную точку зрения хозяйственников.

⁴⁹ Формозов А.А. Сервиллизм // Вестник новой литературы. СПб., 1992. № 4. С. 262–266; *Он же*. Первым бросивший камень // Аequinox. МСМХСШ. М., 1993. С. 204–211; *Он же*. Рассказы об ученых. Курск, 2004; *Он же*. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.

Среди лиц, ставших объектами критики, оказались и весьма высокопоставленные в историческом мире доктора и академики. «Пасквилянт» получил сполна⁵⁰. Ему досталось и за то, что «сбежал» из полевой археологии, испугавшись ее трудностей. Критики сбросили со счетов, что «подсудимый» вынужден был сделать это по семейным обстоятельствам. То, что в других странах считается жизненным подвигом, ради которого люди вообще отказываются от карьеры, у нас расценивается как «бегство» и проявление лени...

Досталось Александру Александровичу и за якобы несправедливые обвинения в адрес власть в науке имущих. Как ни грустно это сознавать, он был прав. Хотя трудно быть уверенным в возможности искоренения этой системы. Коррупции же, можно думать, критика Формозова отнюдь не повредила, что он отлично понимал и сам. 12 декабря 2008 г. он признался: «Думаю, что окончательных вердиктов не будет никогда. Симпатии и антипатии останутся». Можно лишь надеяться на то, что весьма прагматичное новое поколение ученых сочтет невыгодным для себя сохранять эту систему и расстанется с ней несмотря на ее поддержку и подпитывание коррупции «сверху», а усилия Александра Александровича, оплаченные унижениями и стрессами, а в конечном счете и жизнью, не пропадут даром.

К чести Александра Александровича нужно сказать, что «разнос» археологов он выдержал, продемонстрировав верность принципу, высказанному в одной из вызвавших «полемику» книг: «Нельзя превращать жизнь в вечную гражданскую войну, но нельзя и капитулировать при малейших сложностях»⁵¹. Капитуляции Александра Формозова идейные противники борца за правду и истину в науке не дождались. Свой подвиг он совершил до конца...

Он ушел, подняв забрало, с развернутыми знаменами любви к родине и истине, с надеждой⁵², что и впрямь земля Русская и даже Московская, столь любимая им, будет ожидать собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов. Вот только со славой незадача – вместо тихой оказалась шумная и

⁵⁰ См., напр.: *Гражданников Е.Д., Холюшкин Ф.П.* К вопросу об оценке характеристик теоретических работ по археологии: взгляд из Новосибирска // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск, 2009. Вып. 13.

⁵¹ *Формозов А.А.* Человек и наука. С. 159.

⁵² В этой связи не могу не процитировать завершающего книгу 1995 г. абзаца: «Какая будет новая полоса русской истории, мы не знаем. Но у человека есть и свобода воли, свобода выбора. Идеал науки — истина. Соответственно враги ее — ложь, фальсификация, приспособление к требованиям момента. Об этом нашей молодежи следует помнить при любых обстоятельствах» (*Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. С. 101).

суетная. И все-таки присоединю и свой голос к хору, разумеется, нестройному, запоздалых благодарностей за уроки мужества и чести...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМГ – Акты Московского государства, изданные Академией наук
АРАН – Архив Российской академии наук
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ – Исторические записки
ИЗО ГИМ – Отдел изобразительного искусства Государственного исторического музея
КР – Книги разрядные по официальным оных спискам
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НИС – Новгородский исторический сборник
НОЛД – Новгородское общество любителей древности
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного Исторического музея
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПНиНЗ – Прошлое Новгорода и Новгородской земли
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РИБ – Русская историческая библиотека
РИО – Русское историческое общество
Сб. – Сборник
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦБК – Центральное бюро краеведения
ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Бабич М.В.</i> (Москва) «Журнал о походах» и план монументальной пропаганды Петра Великого	3
<i>Майорова А.С.</i> (Саратов) Источники представлений народников о повышенной восприимчивости населения Саратовской губернии к антиправительственной агитации (вторая половина XIX века)	28
<i>Берелович В.</i> (Париж) История социальная, национальная, всеобщая: «Журнал Министерства народного просвещения» и Историческое общество при Санкт-Петербургском университете на пороге XX века (<i>пер. с фр. С.А. Мезина</i>)	48
<i>Иванов Ю.Ф.</i> (Москва) Первые исследования М.В. Нечкиной в историографии	74
<i>Рабинович Я.Н.</i> (Саратов) Старая Русса в Смутное время: история и историография	98
<i>Михель Д.В.</i> (Саратов) Социальная история медицины: область исследований и проблематика	109

СООБЩЕНИЯ

<i>Черкасова М.В.</i> (Самара) Научные общества и развитие архивного дела в 1918 – начале 1920-х годов (на материалах Самарской и Ульяновской губерний)	122
<i>Климович Л.В.</i> (Саратов) Документы по истории Народно-трудового Союза российских солидаристов в архиве НТС во Франкфурте-на-Майне	133

ПУБЛИКАЦИИ

(к юбилею саратовских историков)

Последний труд историка (Неопубликованная книга Г.Д. Бурдея о профессоре Саратовского университета А.М. Панкратовой) <i>Подготовка текста, вводная статья и комментарии</i> <i>В.А. Соломонова</i> (Саратов)	141
«С большой признательностью вспоминаю о встречах с вами...»: письма Г.Д. Бурдея академику Л.В. Черепнину (1972–1975). <i>Подготовка текста, вводная статья и комментарии</i> <i>М.В. Ковалева</i> (Саратов)	161
Письмо Л.А. Дербова Г.А. Замятину. <i>Подготовка текста, вводная статья и комментарии</i> <i>Я.Н. Рабиновича</i> (Саратов)	167

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Макаров В.Г. (Москва) Репников А.В. Консервативные концепции

переустройства России. Монография. М.: Academia, 2007. – 520 с.....	176
<i>Пушкарев Л.Н.</i> (Москва) В преддверии юбилея Великой Победы (Память о Великой Отечественной войне в общекультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб.: Европейский Дом, 2008. – 292 с.)	183
<i>Ларина Л.А.</i> (Саратов) Саввин А.В. Церковь и раннехристианские ереси в эпоху I–IV Вселенских соборов. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2007. – 367 с.	187

ПАМЯТИ А.А. ФОРМОЗОВА

<i>Хорошкевич А.Л.</i> (Москва) «Науку о прошлом я люблю больше самого прошлого»	193
Список сокращений	215

Научное издание

Историографический сборник
Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В ы п у с к 2 4

Редактор *Е.А. Митенёва*
Технический редактор *Л.В. Агальцова*
Корректор *Т.А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовила *Е.А. Тугушева*

Подписано в печать 15.08.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура School Book. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12.79(13,75). Уч.-изд. л. 8,94. Тираж 100. Заказ 46.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
ЛИОР ИИМО СГУ
410012, Саратов, Астраханская, 83.

ДЛЯ ЗАМЕОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК